

В ГОРАХ

БАДАХШАНА

Воспоминания командира полка

АРТУШ АРУТЮНЯН

От автора

Более тридцати лет прошло с той поры, как в Афганистан были введены советские войска. Хотя об Афганской войне, ставшей для Советского Союза последней, написано немало книг, все же не все достойные упоминания страницы прошедшей войны оказались в должной мере освещенными. Потомки должны знать о том мужестве и героизме, которые проявили воевавшие в Афганистане более 9 лет советские солдаты и офицеры.

В Афганской войне на протяжении 3-х лет – с января 1980 г. по ноябрь 1982 г. сначала на должности заместителя, а затем и командира 860 отдельного мотострелкового Псковского Краснознаменного полка принимал участие и автор этих строк. В декабре 1979 г. наш полк был поднят по тревоге и совершил беспримерный для военной истории марш через Памир, пройдя без потерь в сложнейших зимних условиях 10 горных перевалов высотой от 2402 м до 4655 м. В Афганистане зоной ответственности 860-го полка станет большая часть провинции Бадахшан, граничащей с Советским Союзом, Пакистаном и Китаем. Размещенный в провинции Бадахшан несколькими гарнизонами, в отрыве от основных сил 40-й армии, 860-й полк окажется в довольно сложном положении. Однако, как во время марша через Памир, так и во время несения боевой службы в Афганистане, солдаты и офицеры 860-го полка продемонстрируют высокую воинскую выучку, стойкость и мужество. Благодаря этому полк заслужит репутацию одной из лучших частей 40-й армии.

В силу ряда причин марш через Памир, также как и боевые действия 860-го полка в первые годы нахождения в Афганистане оказались недостаточно освещенными в работах исследователей Афганской войны. Еще во время службы в Афганистане меня удивляло, что даже высокопоставленные офицеры командования 40-й армии не имели представления о маршруте и условиях ввода 860-го полка в Афганистан.

Являясь непосредственным участником описываемых событий, я попытался в своих воспоминаниях восстановить этот пробел. Работа над книгой велась спустя 30 с лишним лет после описываемых событий. Война в Афганистане станет для меня первой, но не последней войной, в которой мне довелось участвовать. За эти годы многое стерлось из памяти. Возможно не все достойные упоминания деяния солдат и офицеров полка будут представлены в этой книге, за что пусть простят меня мои боевые товарищи. Но я постарался восстановить по памяти наиболее значимые события и представить несколько славных страниц из боевой летописи прославленного 860-го отдельного мотострелкового Псковского Краснознаменного полка.

А.Т. Арутюнян

октябрь 2012 г.

860-ый отдельный мотострелковый полк

В 1969 году приказом министра обороны СССР Туркестанский военный округ был разделен на 2 части. Военские части, дислоцировавшиеся в Узбекистане и Туркмении, остались в составе Туркестанского военного округа, а части, находящиеся в Казахстане, Киргизии и Таджикистане вошли в состав вновь созданного Среднеазиатского военного округа. В это время в звании старшего лейтенанта я проходил службу на должности командира учебной роты в 372-м учебном мотострелковом полку, который дислоцировался в городе Самарканд Узбекской ССР. В августе 1969 года наш полк перевели из Самарканда в поселок городского типа Гвардейск Казахской ССР.

Прослужив в Гвардейске один год, я был переведен в созданное в 1970 г. Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище на должность командира роты курсантов. Первый набор курсантов был произведен из различных военных училищ страны – Московского, Ташкентского, Омского и Благовещенского. Часть курсантов вторых курсов этих училищ перевели на второй курс Алма-Атинского училища.

Спустя 3 года был осуществлен первый выпуск Алма-Атинского ВОКУ, где возглавляемая мною 3-я курсантская

рота по результатам Государственных выпускных экзаменов заняла в училище первое место.

Курсанты Алма-Атинского высшего общевойскового командного училища. Слева – командир роты капитан Артуш Арутюнян

В июле 1973 г. после успешного выпуска курсантов я был назначен командиром 3-го мотострелкового батальона 860-го отдельного мотострелкового Псковского Краснознаменного полка (войсковая часть 77701), который располагался в городе Ош Киргизской ССР, в предгорье Памира. Полк входил в состав 17 армейского корпуса. Командовал полком подполковник Агафонов Б.А.

860-ый полк был наследником сформированной на Кузбассе в августе 1941 г. 376-й стрелковой дивизии. С декабря 1941 г. дивизия в составе Волховского фронта вела тяжёлые бои под Ленинградом и участвовала в прорыве его блокады. Позже, в 1944 году дивизия отличилась в боях за освобождение Пскова, за что и получила наименование “Псковской”. А за освобождение Риги дивизия была награждена орденом “Красного Знамени”. После войны дивизия вошла в состав Туркестанского военного округа и

после нескольких переформирований стала 860-ым отдельным мотострелковым Псковским Краснознаменным полком.

Построение личного состава 860 полка, слева – командир 3-го батальона капитан А. Арутюнян

Командирами этого полка в послевоенные годы были многие прославленные военачальники Советской Армии, такие как Герой Советского Союза, известный советский писатель Владимир Карпов и известный советский военачальник Иван Третьяк, занимавший в 1986 – 1991 гг. должность заместителя Министра обороны СССР. Этим полком в свое время также командовал мой земляк, полковник Александр Асланян, впоследствии ставший генералом.

860 полк являлся полком прикрытия государственной границы с Китаем. Как известно, ухудшение отношений с Китаем в 60-х гг. привело к приграничным боевым столкновениям на острове Даманский и у озера Жаланашколь. После этого военное руководство страны стало уделять большое внимание усилению обороны на границе с Китаем.

3-й мсб к моменту моего назначения был отстающим батальоном в полку и меньше других батальонов занимался боевой подготовкой, так как был занят в основном

строительными работами на территории полка и в других местах округа. Я обратился к командованию полка с просьбой дать возможность батальону более усиленно заниматься боевой подготовкой. Получив согласие командира, приступил к усиленным занятиям.

Капитан А. Арутюнян во время проведения стрелковой подготовки

В результате, уже в 1975 г. 3-й мсб занял 1-е место в полку по боевой и политической подготовке, а в 1976 г. батальон занял 1-е место по боевой и политической подготовке среди мотострелковых батальонов уже во всем Среднеазиатском военном округе.

В августе 1974 года я поступил на заочное отделение общевоинской Военной академии имени Фрунзе, которую окончил в 1978 году.

В 1975 г. командиром 860 полка был назначен подполковник Картапов Анатолий Федорович. Картапов был грамотным, волевым командиром, который пользовался заслуженным авторитетом среди личного состава полка.

Вскоре мне предложили должность начальника штаба полка, расположенного в г. Панфилов (Казахская ССР). Но я, послушавшись совета Картапова, отказался, так как надеялся занять вышестоящую должность в 860-ом полку, который стал для меня родным.

Первый слева – командир полка А.Ф. Картапов

В мае-сентябре 1976 года возглавляемый мною 3-й батальон вместе с артиллерией полка принимал участие в сборах, проводимых на Памире, в районе поселка Сарыташ. В этих сборах приняла участие большая группа врачей из Военно-медицинской академии им. Кирова. Врачи проводили эксперименты на выносливость личного состава для выработки рекомендаций и инструкций по несению военной службы в условиях высокогорья. Занятия по боевой подготовке проводились на высоте 3600 метров.

В январе 1977 года я был назначен заместителем командира 860-го полка. Наш полк интенсивно занимался боевой подготовкой. Ежегодно проводились батальонные учения, командирские сборы различных уровней, а также

полевые выходы на Памир в Алайскую долину, во время которых проводились артиллерийские стрельбы. Полк постоянно входил в число лучших полков Среднеазиатского военного округа.

Офицеры полка во время строевого смотра.
Второй справа – майор А. Арутюнян, г. Ош,
1976 г.

В 1977 году началось перевооружение полка и стала изменяться его структура. В частности, полк с БТР-60ПБ перешел на БМП-1. Танковая рота была увеличена до танкового батальона. Создавалась новая полевая учебно-материальная база. Перевооружение полка в основном закончилось в 1979 году.

В начале 1979 года командиром полка был назначен подполковник Кудлай Виктор Семенович. Подполковник Кудлай грамотно и уверенно руководил полком, продолжая

лучшие традиции, заложенные предыдущими командирами полка.

В полку сложился крепкий, сплоченный офицерский коллектив. Каждый офицер хорошо знал и выполнял свои обязанности. Регулярная интенсивная подготовка личного состава в горных условиях и хорошо подготовленный, дружный офицерский состав полка явились теми основными факторами, которые в значительной мере обеспечили в дальнейшем успешное выполнение нашим полком ответственного задания военного руководства СССР. Заданием этим было – совершение стремительного 1200 км перехода через Памир, занятие административного центра провинции Бадахшан города Файзабада и далее – несение нелёгкой боевой службы в этой провинции, ставшей зоной ответственности 860-го отдельного мотострелкового полка.

Памирский марш

В декабре 1979 года заместители командира полка и начальники родов войск и служб под моим руководством находились в населенном пункте Курдай Казахской ССР на командирских сборах, проводимых командованием Среднеазиатского военного округа.

14 декабря 1979 года мы получили приказ: офицерам 860 омсп срочно собраться и на автобусе отбыть в город Фрунзе, откуда специальный самолет доставит нас в город Ош.

Получив такой приказ, мы подумали о внеплановых учениях. Прибыв в полк, я увидел в нем оживление и много незнакомых офицеров. В полку находилось командование 17 армейского корпуса во главе с командиром корпуса генерал-майором Пьянковым и группа офицеров из штаба Среднеазиатского военного округа: заместитель начальника оперативного управления округа полковник В.А. Теодорович, инспектор политуправления округа полковник А.Д. Щербаков, полковник Романов и подполковник Шпак из управления связи.

На наши вопросы прибывшие офицеры, отвечали, что полк готовится к проведению зимних учений на Памире. Среди офицеров полка пошли разговоры о возможном вводе полка в Афганистан, хотя открыто об этом никто не говорил. Для пресечения подобных слухов была придумана и

распространялась не очень убедительная легенда о подготовке полка к учениям в Сибири.

В течение недели в полку старая колесная техника заменялась на автомобили из городских автоколонн, пополнялись и загружались запасы горюче-смазочных материалов, продовольствия и других материальных средств. При приведении полка в высшую степень боевой готовности на каждой боевой машине пехоты БМП-1 было дополнительно установлено по две двухсотлитровые бочки, в которые было залито арктическое дизельное топливо. Это топливо было рассчитано на крайне низкие температуры и являлось неприкосновенным запасом.

Создавались новые подразделения обслуживания и обеспечения. Также шло пополнение личного состава за счет местных мобилизационных ресурсов. Только за одну ночь полк восполнил текущий некомплект личного состава – это помощники стрелков-гранатомётчиков, водители колёсных машин и др. Всего было принято около трёхсот призванных из запаса военнообязанных. Организованному и быстрому призыву пополнения способствовала оперативная работа Ошского облвоенкомата и местных органов советской власти. Забегая вперед, отмечу, что призванные из запаса солдаты и сержанты своим опытом и выдержкой сыграли большую положительную роль как во время совершения марша через Памир до Файзабада, так и на начальном, самом тяжелом этапе пребывания полка в Афганистане.

Когда мы получили служебные карты, стало ясно, что полку предстоит совершить марш через Памир к советско-афганской границе.

Ночью 24 декабря 1979 г. полк был поднят по боевой тревоге. Командир полка подполковник В.С. Кудлай собрал командование полка и ознакомил нас с полученным приказом. В соответствии с этим приказом 860-й омсп должен был

совершить марш по маршруту Ош-Мургаб-Хорог и к исходу 27 декабря сосредоточиться в районе города Хорог.

Мы были ошеломлены полученным приказом, так как сразу осознали всю сложность его выполнения. Дело в том, что дорога Ош-Хорог, составлявшая восточную часть Памирского тракта, была самой высокогорной и сложной автомобильной дорогой в СССР. Дорога проходила через 10 горных перевалов: Чийирчик (2402 м), Талдык (3615 м), 40 лет Советской Киргизии (3541 м), Кызыларт (4250 м), Уйбулак (4200 м), Акбайтал (4655 м), Найзаташ (4314 м), Харгуш (4091 м), Тагаркаты (4168 м), Кой-Тезек (4251 м). Зимой на этом участке Памирского тракта часто бывали снежные заносы, температура воздуха на перевалах достигала -50°C , а дорога подвергалась обледенению.

По указанному маршруту зимой проходила только единичная колесная техника пограничных войск, а также специализированная гражданская техника с опытными водителями для обеспечения Горно-Бадахшанской автономной области товарами первой необходимости. Нам не было известно о случаях прохождения зимой по данному маршруту большого количества боевой техники.

Таким образом, нашему полку предстояло в декабре месяце за четверо суток совершить марш протяженностью почти 800 км по сложнейшему горному маршруту в условиях обледенения дорог, снежных лавин, лютых морозов и сильного ветра. Тем не менее, приказ был получен и мы должны были его выполнить.

Ранним утром 24 декабря полк покинул г. Ош, свой пункт постоянной дислокации, в который ему, по воле судьбы, уже не суждено будет вернуться. В Оше остались танковый батальон и некоторая специализированная техника, которая не могла пройти по серпантинам Памира. Следует отметить, что вместе с полком в марше через Памир участвовала также и группа офицеров из штаба Среднеазиатского военного округа

во главе с полковником Теодоровичем. Эти грамотные офицеры окажут командованию полка действенную помощь и пройдут вместе с полком через Памир до Файзабада.

В авангарде полка на марше шёл 2-ой мотострелковый батальон, и я находился в его походном порядке. Мне была хорошо знакома большая часть маршрута до Мургаба. Еще командиром батальона, а в дальнейшем и заместителем командира полка, я много раз бывал в этих местах во время ежегодных полевых выходов на Памир, а также при согласовании оперативных документов и организации взаимодействия нашего полка с Мургабским погранотрядом.

Дорога Ош-Хорог имела для Советского Союза стратегическое значение, так как являлась ключевым элементом системы обеспечения граничащей с Китаем и Афганистаном высокогорной Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. У подножия каждого перевала находился двух-трехкомнатный каменный дом, так называемый дорожный домик. В этих домах, как правило, проживали дорожные мастера, обслуживающие дорогу. В их распоряжении имелись трактора и грейдеры. Кроме того, имелись запасы воды, еды, каменного угля, горюче-смазочных материалов и автомобильные шины. Подобная система обеспечивала круглогодичное прохождение автотранспорта пограничных войск и гражданских автоколонн для снабжения автономной области всем необходимым. Эта система обеспечения поддерживалась силами двух республик – Киргизской ССР и Таджикской ССР.

На этой дороге имелось немало памятников разбившимся пограничникам. На одном из перевалов стоял памятник, который народная молва называла “Прощай молодость”, в честь 19 разбившихся пограничников. По традиции и сам перевал мы стали называть “Прощай молодость”.

Вернемся к маршу. Чем дальше, тем все выше в горы поднималась дорога. У личного состава, не прошедшего

акклиматизацию и неадаптированного к таким высотам, стали проявляться симптомы горной болезни в виде ухудшения самочувствия, сонливости, одышки, головной боли и кровотечения из носа и ушей.

Основная нагрузка пришлась на механиков-водителей боевых машин и водителей транспортных машин.

На высокогорной, узкой, обледеневшей дороге жизнь личного состава зависела в первую очередь от их мастерства и выдержки. В машинах были наготове горные колодки для предотвращения самопроизвольного отката машины во время вынужденных остановок на крутом подъеме или спуске. На обледеневшей дороге отдельные машины часто соскальзывали с дороги. Машины, как правило, не переворачивались, а скатывались юзом. В основном соскальзывала колесная техника. Если была возможность, то машины вытаскивали с помощью соединенных друг с другом тросов.

Необходимо ясно представить, какие нагрузки выпали на личный состав полка. Во время движения по обледенелой дороге, находившиеся в машинах солдаты и офицеры испытывали тревогу и напряжение, сознавая, что в любой момент машина может соскользнуть в пропасть, что означало смерть. Во время коротких привалов личный состав, часть которого начала страдать от горной болезни, не мог толком согреться из-за сильнейших морозов, так как дрова быстро закончились. Горячей пищи не было. Консервы приходилось разогревать на еще не остывших двигателях или с помощью паяльных ламп, входящих в комплект инструментов машин. Во время ночных привалов организм не успевал отдохнуть, так как из-за холодов спать удавалось не более 2-3 часов.

В этих сложнейших условиях весь личный состав полка проявил себя с самой лучшей стороны. Несмотря на огромные физические и климатические нагрузки, максимальное напряжение сил, солдаты и офицеры были очень собраны и готовы в любой момент прийти на помощь товарищу. Во

время прохождения сложных участков маршрута водителей часто сменяли офицеры.

Техника из-за высоких перегрузок и некачественного топлива выходила из строя. Командиром полка подполковником Кудлаем В.С. мне была поставлена задача – во время ночных привалов возвращаться на пройденные днем, ближайшие сложные участки маршрута, для определения количества вышедших из строя машин и судьбу их экипажей. Я брал с собой 2 машины ЗИЛ 131. Со мной был фельдшер с лекарствами, а в машинах имелся запас сухих пайков. Если поблизости от вышедшей из строя техники имелся дорожный домик, то экипажи оставались в нем до окончания ремонта или эвакуации неисправной техники. Замечу, что наличие у перевалов дорожных домиков с мастерами и необходимыми припасами сыграло важную роль в деле спасения личного состава и ремонта поврежденной техники.

Часть больных я забирал с собой, размещая в кабине машин. До окончания привала я должен был успеть вернуться к голове полковой колонны для доклада командиру полка.

Преодолев перевал Талдык, примерно на 190-м км маршрута мы дошли до поселка Сары-Таш, где находилась база горюче-смазочных материалов Среднеазиатского военного округа. Заправка проводилась при температуре ниже – 45°С. При таких температурах даже качественное зимнее дизельное топливо теряет свои качества.

После заправки БМП выяснилось, что дизтопливо из базы Сары-Таша оказалось смешанным с водой. В результате, около двух десятков БМП в основном из 3-го батальона и несколько автомобилей вышли из строя, так как их топливные системы в условиях сильного мороза попросту замерзли.

В 1-ом батальоне ни одна машина не вышла из строя, благодаря высокому профессионализму заместителя командира батальона по технической части ст. лейтенанта Сергея Кирия, вовремя определившего некачественность

топлива и настоявшего на заправке арктическим топливом из дополнительных бочек. Остальные машины полка также были заправлены из дополнительных бочек качественным топливом.

Выход из строя двух десятков БМП стал серьезным ударом для командования полка. Для ремонта машин нужна была специальная техника, так как возможностей ремонтной роты полка оказалось недостаточно. Когда о случившемся стало известно вышестоящему командованию, то в поселок Сары-Таш прибыло много ремонтных бригад. Ремонтные работы координировал заместитель командира полка по технике майор Валерий Никитин. Вышестоящее командование решило, что полк должен продолжить марш, не дожидаясь окончания ремонта вышедших из строя машин. Непосредственно руководить ремонтными работами в Сары-Таше было поручено начальнику бронетанковой службы полка майору Николаю Машляковскому. Сразу скажу, что нашей ремонтной службе, благодаря самоотверженному труду личного состава ремроты под командованием старшего лейтенанта Владимира Панкова при помощи прибывших ремонтных бригад в условиях тридцати-сорокаградусного мороза, удалось всего за 7 дней вернуть машины в строй. Боевые машины догнали полк в районе поселка Ишкашим, на советско-афганской границе. В целом я должен отметить, что во время марша действия технической службы полка руководимой замечательным офицером и человеком майором Валерием Никитиным были выше всяких похвал.

Во время марша особенно сложно было преодолевать перевалы, на которых часто шел снег, ухудшалась видимость и плохо работала связь. Мы старались проходить перевалы до наступления темноты. Тяжелее всего дался переход через самый высокий перевал Ак-Байтал, находящийся на высоте 4655 м. На этот перевал много машин пришлось втаскивать танковыми тягачами по отдельности. При этом видимость не превышала 3-5 метров, а температура воздуха была ниже – 40°C.

Совершение марша показало, что не вся техника, бывшая на вооружении полка, способна без проблем преодолевать высокогорные перевалы при чрезвычайно низких температурах. В целом хорошо зарекомендовали себя БМП-1, БРДМ и БТР, а также автомобили УРАЛ-375, ЗИЛ-131 и ГАЗ-66. Много претензий было к специальной технике, в основном инженерной.

Несмотря на все трудности, полк двигался вперед, стараясь выполнить план суточного перехода. Следует отметить, что на протяжении всего марша нас сопровождала специальная группа связи Среднеазиатского военного округа во главе с подполковником Шпаком, которая обеспечивала ежедневную связь с командующим войсками САВО округа генерал-полковником Лушевым.

25 декабря полк дошел до населенного пункта Мургаб, где располагался погранотряд. В Мургабе личный состав полка, получив один день на отдых, наконец-то смог полноценно отдохнуть, отогреться и поесть горячей пищи.

Утром 27 декабря полк продолжил марш, и к исходу дня голова полковой колонны вышла к северной окраине города Хорог, где нас встретило командование Хорогского погранотряда. Памирский марш был завершен. В полку имелись раненые и обмороженные, но безвозвратных потерь удалось избежать.

Заместитель командира полка подполковник А. Арутюнян и начальник штаба 1-го батальона ст. лейтенант В. Павленко в Хороге, декабрь 1979 г.

Таким образом, благодаря высокому уровню профессиональной подготовки и морально-волевым качествам всего личного состава, 860-й отдельный мотострелковый полк успешно выполнил полученный приказ – совершил за четверо суток в тяжелейших зимних условиях 800-километровый марш через Памир и сохранил боеспособность.

В мировой военной истории нет другого примера прохождения механизированного военного формирования через сравнимую с Памиром по высоте горную систему в жесточайших зимних условиях с преодолением десяти перевалов высотой от 2402 до 4655 м. Поэтому Памирский марш, совершенный нашим 860-ым отдельным мотострелковым полком является уникальным и беспрецедентным в мировой военной истории.

Успешное осуществление Памирского марша 860-ым отдельным мотострелковым полком продемонстрировало высокий уровень воинской выучки и морально-волевых качеств солдат и офицеров полка, воспитанных на лучших

традициях Красной Армии-победительницы и Российской Армии.

То, что нам пришлось пережить во время марша через Памир невозможно забыть. На всю жизнь останутся в памяти слова, написанные позднее нашими солдатами на памирских скалах: “Мы покорили тебя, Памир!”, “Для советского солдата нет преград!”, “Слава советским воинам – покорителям Памира!”.

Я убежден, что каждый участник беспримерного Памирского марша был достоин правительственной награды. Однако, в силу ряда причин, уникальный переход 860-го омсп через Памир остался практически незамеченным военным руководством Советского Союза. Возможно, это объясняется тем, что введенные в Афганистан советские войска сразу оказались втянутыми в войну с вооруженными отрядами оппозиции. А 860-й полк, входящий в состав Среднеазиатского военного округа, всего через два месяца после ввода в Афганистан, был передан в состав 40-й общевойсковой армии Туркестанского военного округа. Поэтому лишь отдельные представители командования 40-й армии знали об условиях перехода 860-го полка через Памир.

Впоследствии, уже в Афганистане, занимая должность командира 860 омсп, я задал генералу армии Ахромееву С. Ф. крайне интересующий меня вопрос:

– Товарищ генерал армии, когда военное командование отдавало 860-му полку приказ совершить в декабре месяце марш через Памир, представляло ли оно себе всю сложность подобного перехода?

Ахромеев не ожидал подобного вопроса. После паузы он ответил:

– Товарищ Арутюнян, тогда все задачи были очень сложные.

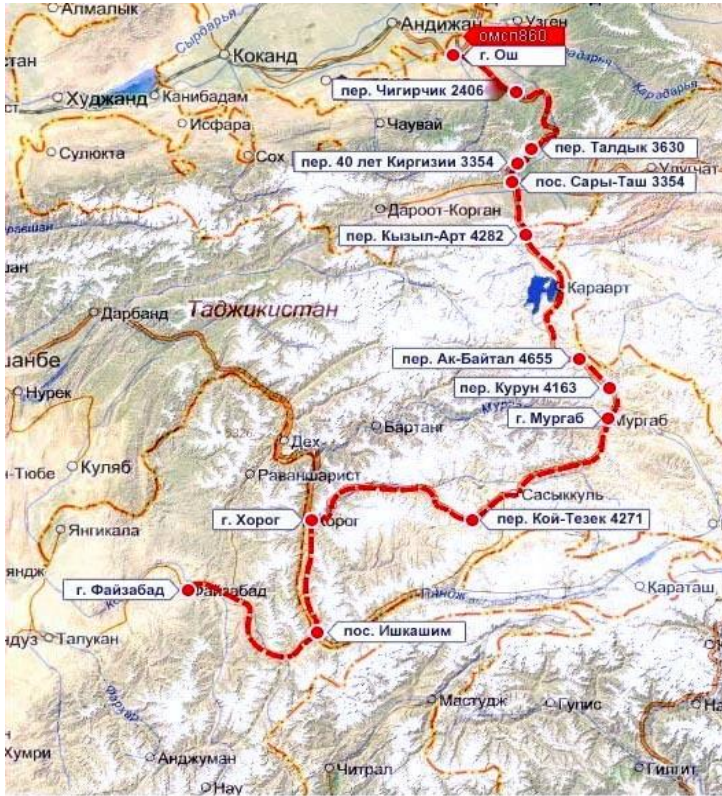

Схема движения 860 отдельного мотострелкового полка

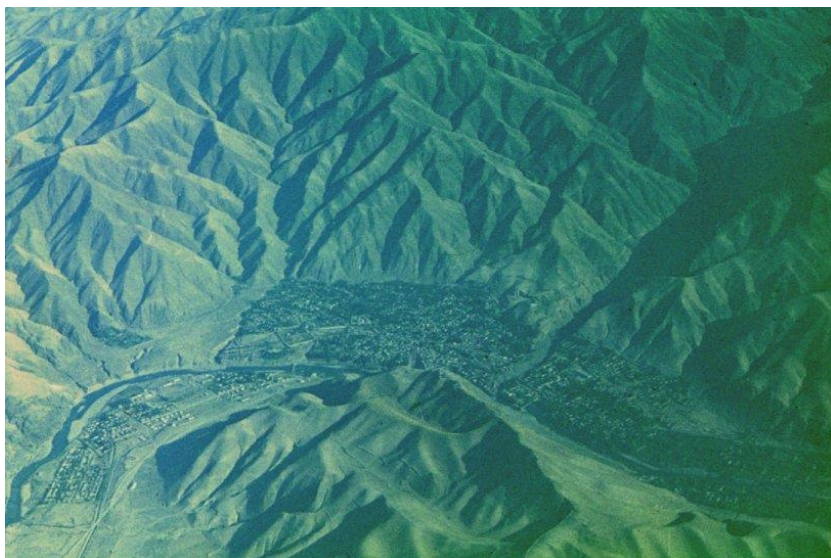
Перевал Талдык 3615 м

Рельеф Афганистана

Провинции Афганистана

Вид с вертолета на затерянный среди гор Файзабад

Файзабадский аэродром

Военно-политическая обстановка в Афганистане и провинции Бадахшан

Для понимания всей специфики несения боевой службы 860-ым отдельным мотострелковым полком будет полезно кратко представить политическую и военную обстановку, сложившуюся к началу 1980 г. в Афганистане и в провинции Бадахшан.

В 1919 году была провозглашена независимость Афганистана от Великобритании. Королевство Афганистан просуществовало до 1973 г. Во время длительного правления короля Захир Шаха Афганистан проводил политику неприсоединения. Это был наиболее благополучный период в жизни Афганистана с момента обретения независимости. В 1973 г. Мухаммед Захир Шах был свергнут своим двоюродным братом Мухаммедом Даудом, монархия была упразднена и в стране была провозглашена республика.

В апреле 1978 г. в Афганистане был осуществлен военный переворот, официально названный Саурской (Апрельской) революцией. Президент Мухаммед Дауд вместе с членами своей семьи был казнён, а к власти пришла коммунистическая Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Главой государства стал Нур Мухаммед Тараки. Новая власть стала проводить, радикальные социально-экономические реформы, слепо копируя опыт СССР и не учитывая при этом,

сложившиеся за века традиции и уклад жизни афганского народа. Лидеры новой власти утверждали, что им удастся совершить прыжок из феодализма в социализм, минуя капитализм. Во внешней политике декларировалось продолжение политики нейтралитета.

Непопулярные у большинства населения Афганистана жесткие меры по установлению в стране нового строя вызвали вначале массовые протесты, которые быстро привели к вооруженным столкновениям, переросшим в конечном итоге в гражданскую войну. В соседние с Афганистаном страны – Пакистан и Иран хлынул поток беженцев. Оппозиционные новой власти силы стали создавать на территории Пакистана военные лагеря для подготовки боевиков. Для свержения в Афганистане просоветского режима НДПА оппозиционным силам стали оказывать всестороннюю помощь Китай, США, другие западные страны и ряд мусульманских стран.

Будучи не в состоянии справиться со все возрастающим вооруженным сопротивлением оппозиции, руководство Афганистана стало регулярно обращаться к руководству СССР с просьбой о расширении военной помощи. В сентябре 1979 г. в результате внутрипартийной борьбы Нур Мухаммед Тараки был убит, а главой государства стал Хафизулла Амин. Ввиду того, что руководство СССР не доверяло Амину, который мог изменить политический курс страны в сторону Запада, 12 декабря 1979 года на заседании Политбюро было принято решение о введении в Афганистан советских войск. С 25 декабря 1979 г. начался ввод советских войск с целью, как было объявлено, “оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу”. 27 декабря советскими специальными подразделениями был взят штурмом дворец Амина. Во время штурма дворца Амин погибает, а новым руководителем Афганистана становится Бабрак Кармаль, прибывший в Кабул под охраной советских войск.

Принимая решение о вводе войск в Афганистан, советское руководство планировало разместить войска в крупных

городах, что должно было способствовать снижению вооруженного сопротивления оппозиции и предотвращению возможного вмешательства внешних сил во внутренние дела Афганистана. Активного участия советских войск в боевых действиях против отрядов оппозиции не планировалось. Однако ввод советских войск в силу ряда причин привел к иному результату – резкой эскалации вооруженной борьбы оппозиции как против правительственных, так и против советских войск. Ввиду низкой боеспособности и слабой мотивации к ведению боевых действий афганской армии, советские войска с первых же месяцев нахождения в Афганистане были вынуждены ввязываться в боевые действия против мятежников. Против советских войск в Афганистане был объявлен джихад – священная война мусульман против неверных. Таким образом, советские войска на девять лет оказались втянутыми в гражданскую войну афганского народа.

Обстановка в афганской провинции Бадахшан, большая часть которой вошла в зону ответственности 860-го полка, имела свои особенности.

Во второй половине XIX в. между Российской империей и Великобританией развернулось соперничество за Памирский регион, который находился между сферами влияния этих империй в Центральной Азии. Результатом этого соперничества стало заключение в 1895 г. между Российской империей и Великобританией Памирского разграничения, в результате которого историческая область Бадахшан была разделена на две части. Новая граница между вассальным России Бухарским ханством и Афганистаном пролегла по реке Пяндж. Северная часть области Бадахшан, вошедшая впоследствии в состав Российской империи, в советское время была преобразована в Горно-Бадахшанскую автономную область в составе Таджикской ССР.

Афганская провинция Бадахшан расположена на северо-востоке страны. Большая часть провинции занята горными хребтами Памира и Гиндукуша, вследствие чего она имела

слабо развитые коммуникации с другими провинциями и столицей Афганистана г. Кабулом.

Провинция граничила с Таджикской ССР на севере, с Пакистаном – на юго-востоке, с Китаем – на востоке, с афганской провинцией Тахар – на западе, Панджшер – на юго-западе и Нуристан – на юге. На востоке провинции находится Ваханский коридор, представляющий собой узкую высокогорную полосу земли длиной около 295 км и шириной от 15 до 57 километров, который под давлением Великобритании в конце XIX века был оставлен в составе Афганистана и стал буферной зоной между российской Средней Азией и британской Индией.

Основную часть населения провинции Бадахшан составляют таджики. Кроме них в Бадахшане проживают памирцы, узбеки, киргизы и пуштуны. После поражения басмачества – вооруженного движения местного населения Средней Азии против советской власти, остатки басмаческих отрядов и часть мирного населения перешли в Афганистан и осели в северных провинциях страны, в том числе и в Бадахшане. Их потомки были враждебно настроены против Советского Союза.

Из-за своего расположения провинция Бадахшан имела важное значение как для кабульских властей, так и для афганской оппозиции. Мятежники к концу 1979 г. контролировали большую часть провинции. Более того, они планировали захватить административный центр провинции – г. Файзабад и создать в Бадахшане независимое исламское государство. Размещенный в Файзабаде 24 пехотный полк афганской армии с трудом удерживал город. А у кабульских властей не было возможности направить дополнительные правительственные войска в Бадахшан. Поэтому еще в начале декабря 1979 г. руководитель Афганистана Амин через главного военного советника СССР в ДРА генерал-полковника Магомедова передал просьбу советскому руководству о направлении в провинцию Бадахшан одного усиленного полка.

С учетом вышеприведенных факторов, советское военное командование, планируя ввод и размещение войск в Афганистане, приняло решение направить в провинцию Бадахшан мотострелковый полк и разместить его в Файзабаде.

Ввод полка в Афганистан

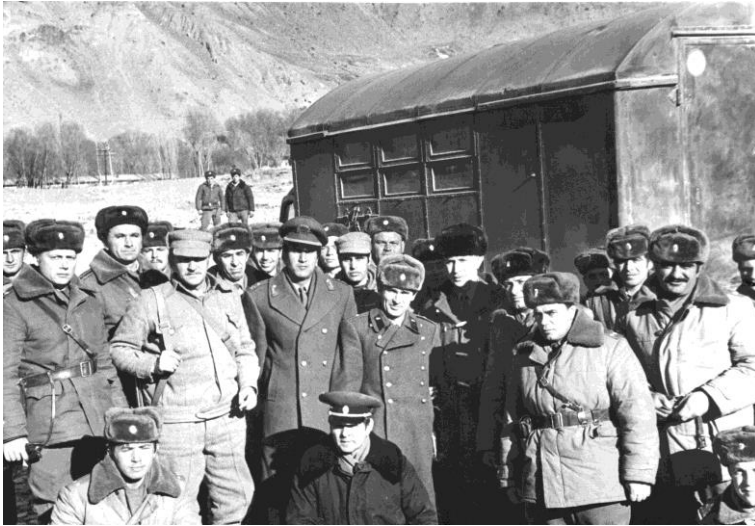
В Хороге нам стало известно то, о чем мы уже давно стали догадываться – полк будет введен в Афганистан. Нам было сказано, что в Афганистан по просьбе его руководства будут введены советские войска для стабилизации обстановки и предупреждения внешней агрессии. После стабилизации обстановки в Афганистане наши войска будут незамедлительно выведены из страны.

Последние дни декабря были использованы для отдыха личного состава, а также для подготовки вооружения и техники к боевому применению. На учебном центре Хорогского погранотряда была проведена проверка боя и пристрелка стрелкового оружия и вооружения боевых машин.

В Хороге командир полка подполковник Кудлай сообщил мне, что получен приказ о присвоении мне очередного воинского звания. Таким образом, я покинул Ош майором, а входил в Афганистан уже подполковником.

Новый год мы встретили в Хороге. А уже в первых числах января 1980 г. полк, получив новый приказ, покинул Хорог и к вечеру того же дня достиг районного центра Ишкашим,

расположенного на левом берегу реки Пяндж, по которой проходила государственная граница с Афганистаном. На противоположном берегу реки Пяндж находился уже афганский кишлак Ишкашим.

Офицеры полка в Ишкашине, январь 1980 г.

В Ишкашим на вертолете прилетел подполковник Николай Кулагин – советский военный советник дислоцированного в Файзабаде афганского 24-го пехотного полка. От него мы узнали, что в Афганистан с конца декабря начали входить советские войска.

В те дни на советском берегу реки Пяндж силами Среднеазиатского военного округа стала создаваться крупная база снабжения для материального обеспечения 860-го полка после его ввода в Афганистан. Был развернут полевой госпиталь.

Руководство района с первого часа пребывания полка в Ишкашине помогало нам продовольствием, дровами и всем остальным. В Ишкашине находилась пограничная комендатура, а недалеко от него – погранзастава.

Пограничники также оказывали нам посильную помощь. Комендантом был майор В. Терех.

Нам стало известно, что вышестоящее военное командование приняло решение о направлении 860-го отдельного мотострелкового полка в г. Файзабад по маршруту: Ишкашим-Гульхана-Бахарак-Файзабад.

Как мне позднее рассказал мой заместитель подполковник Тимчук, попытка прорваться к Файзабаду была предпринята в начале января 1980 г. силами мотострелкового батальона 186-го Алма-Атинского мотострелкового полка вместе с танковой ротой по маршруту Кундуз-Кишим-Файзабад. Однако, батальон смог пройти лишь до взорванного первого крупного моста в районе Кишима, понес потери и был вынужден вернуться в Кундуз.

Тогда, в январе 1980 г., у нас была очень скудная информация об Афганистане. Нам было известно об апрельской революции, убийстве Тараки. Кроме того нам сообщили, что правительство Афганистана обратилось к Советскому Союзу с просьбой ввести войска для стабилизации ситуации в стране. Однако мы не знали, как отнесется местное население к вводу советских войск. Не было также достоверной информации о состоянии дорог на предстоящем маршруте. Воздушная разведка не могла дать информацию о состоянии дорожной сети по причине сильных туманов. Поэтому командование Среднеазиатского военного округа приняло решение провести разведку предстоящего маршрута 860-го омсп на глубину 50 км. Разведка должна была быть осуществлена силами разведроты и мотострелкового батальона. Руководить разведотрядом было поручено мне. Меня лично проинструктировал командир 17 армейского корпуса генерал-майор В. Пьянков. Была поставлена следующая задача: *совершить марш по маршруту н/п Ишкашим – н/п Гульхана на глубину 50 км, проверить проходимость дорог и отношение местного населения к*

советским войскам. Мне было приказано, в случае возникновения инцидентов с местным населением, огонь не открывать.

Перед разведкой пограничники рассказали нам, что в Гульхане проживает некто Мамаджанбой. До 1937 г. он был начальником милиции поселка Мургаб Киргизской ССР. Ему удалось выкрасть жену начальника погранзаставы и уйти в Афганистан. Пограничники, всегда отличавшиеся чувством боевого товарищества, даже по прошествии 40 с лишним лет, не забыли преступления Мамаджанбоя и попросили меня при возможности захватить его.

Ранним утром 7 января 1980 г. выделенные для разведки силы полка в составе разведроты во главе с начальником разведки майором Валерием Токторалиевым, командиром разведроты ст. лейтенантом Владимиром Андросенко и 2-ым мсб во главе с капитаном Владимиром Хуторным, перешли государственную границу СССР.

В январе месяце уровень воды в реке Пяндж наименьший, поэтому мы без проблем преодолели реку вброд и достигли крупного афганского кишлака Ишкашим. Следует отметить, что население Ишкашима традиционно хорошо относилось к советской власти, так как в голодные годы местное население переходило границу и получало на советской стороне помощь в виде продовольствия, керосина и др. Кроме того имелись тесные родственные связи среди приграничного населения двух стран.

При нашем приближении, большинство жителей Ишкашима вышли из домов. Нас поразила их нищета. Мы знали, что Афганистан бедная страна, но не могли вообразить, что встретим такую нищету. Многие афганцы были одеты в грубую одежду из овечьих шкур. На ногах у многих были калоши, а некоторые были и вовсе босые. И это в январе месяце. Кишлак состоял из низких глинобитных домов. Потрясение было таким сильным, что во время своего доклада

командиру корпуса из Ишкашима, первое, что я сказал было: “Вижу диких людей”.

В Ишкашимае мы взяли с собой нескольких местных партийных активистов НДПА, так называемых “доброжелателей”, которые являлись информаторами наших пограничников. В самом Ишкашимае дорог не было, были только ослиные тропы. Мы вынуждены были ломать дувалы – глиняные ограды метровой высоты, чтобы продолжить движение. После прохода Ишкашима мы обнаружили сухое русло реки и продолжили путь по этому руслу, огибая огромные валуны.

Мы ехали по-боевому, т.е. на броне БМП не было солдат. Во главе колонны шла разведрота. Мы с командиром 2-го мсб капитаном Хуторным ехали на командирской машине, идущей за БМП разведроты.

Не доезжая до н/п Гульхана, примерно на 35-м км маршрута около 16.00 разведрота попала под обстрел. Начальник разведки капитан Токторалиев доложил по рации, что по БМП разведроты ведется огонь из стрелкового оружия.

2-ой мсб увеличил скорость движения и подъехал вплотную к машинам разведроты. Мы увидели, как несколько десятков человек верхом на лошадях с трех сторон обстреливают наши БМП. Огонь усиливался. Капитан Токторалиев каждые две минуты по рации спрашивал меня:

– Что мне делать? Разрешите открыть огонь.

Но как разрешить, когда командир корпуса мне приказал не открывать огонь. Отдавая подобный приказ, вышестоящее командование, видимо, не предполагало, что нас может ожидать такой “теплый прием”. Необходимо было принимать решение.

Для меня эти минуты запомнились на всю жизнь. Ведь наше поколение росло в мирное время. А теперь требовалось в первый раз в жизни отдать приказ на открытие огня по живым людям. Поверьте, отдать этот приказ было нелегко, хотя нас к этому готовили, как во время учебы, так и во время службы.

Огонь велся из камышей и из ущелья справа. Внимательно проанализировав ситуацию, я отдал приказ Токторалиеву открыть ответный огонь. Затем, посоветовавшись с капитаном Хуторным, я приказал мотострелковому взводу под прикрытием камышей обойти противника слева. Взвод прекрасно выполнил задание и, выйдя противнику во фланг, открыл огонь из пулеметов. Противник был застигнут врасплох. В результате скоротечного боя противник потерял более 10 человек, в том числе и, как мы узнали позднее, своего главаря. Остальные на лошадях удалились в ущелье. У нас потерь не было. Мы собрали трофейное оружие – карабины, автомат и пистолеты в основном советского производства.

Партийные активисты в ответ на наши вопросы, объяснили, что на нас напали “босмачи”, как называло их местное население. Многие из них были потомками тех басмачей, которые во время советизации Средней Азии воевали против Красной Армии и после поражения были вынуждены перебраться в Афганистан.

После завершения боя я по рации доложил командиру корпуса генерал-майору Пьянкову о том, на нас неожиданно напали с трех сторон, и мы были вынуждены открыть ответный огонь.

Командир корпуса стал кричать:

– Прекратите бой! Товарищ Арутюнян, вы не выполнили приказ. Вам было приказано не ввязываться в бой. Вы должны вернуться назад.

Получив приказ возвращаться обратно, я собрал офицеров и проинструктировал их. Ответственным за хвост колонны был назначен зампотех 2-го мотострелкового батальона капитан Валерий Трутнев.

Начинало темнеть. Проехав вперед еще несколько километров и найдя удобное место в 2-3 км от н/п Гульхана, мы развернули колонну и начали движение назад.

По дороге меня мучил один вопрос: как руководство оценит мои действия по открытию огня и уничтожению части нападавших?

Зампотех капитан Трутнев четко выполнял мое указание и каждые 15 минут докладывал:

– Голова, я хвост. Все в порядке.

Примерно на середине пути к советской границе связь с Трутневым прервалась. В условиях горного рельефа местности связь работала плохо, поэтому я не остановил движение колонны, надеясь, что связь восстановится. Голова колонны приближалась к афганскому Ишкашиму, огни которого уже были видны. Личный состав и в особенности механики-водители очень устали и стремились как можно быстрее доехать до реки Пяндж. Примерно в 2.30 ночи головная машина разведчиков подошла к реке Пяндж. Машины стали переходить реку не колонной, а врассыпную, так как все стремились вырваться из пугающей темноты Афганистана и как можно скорее оказаться на советской земле. На советском берегу нас встретили командир корпуса генерал-майор Пьянков и командование полка. Все стали обнимать и поздравлять нас с благополучным возвращением. Стали задавать вопросы: как встретил народ, каковы дороги и т.д. Комкор пригласил в стоящую рядом командирскую машину и сказал следующее:

– Все нормально, молодцы. Артур, не расслабляйся, тебе придется вернуться. 3 машины отсутствуют.

Можно представить мое состояние. Как оказалось, не вернулись шедшие в хвосте колонны три БМП. Я надеялся, что у них лишь проблема со связью и они двигаются в колонне. Пьянков налил полкружки спирта и предложил мне выпить. Затем он заявил, что я должен вернуться на территорию Афганистана и попытаться найти на маршруте пропавшие БМП. К этому времени были подготовлены БМП со свежими экипажами. Я сказал, что мне нужно не более 6 машин и

приказал собрать как можно больше тросов. Свою БМП я решил не менять, водитель которой успел отдохнуть и поесть.

Пограничники также рвались ехать со мной. В машину к нам сел комендант погранкомендатуры Ишкашима майор Терех. Ночью температура была минус 25-30 градусов, поэтому пограничники дали мне бурку и варежки.

Около 3-х часов ночи мы начали движение. Семь БМП перешли реку Пяндж и, освещая дорогу прожекторами, двинулись вперед. Так как дорога уже была знакома, то мы ехали на более высокой скорости. Когда мы проезжали мимо не очень глубокого ущелья, то увидели слабый свет. Я приказал всем остановиться.

Мы быстро подбежали к источнику света, которым оказалась переносная лампа, горевшая под БМП. Под машиной мы обнаружили сильно замерзших зампотеха 2-го мсб капитана Трутнева и механика-водителя. В первый момент мы не могли понять – живы они или нет. Когда мы вытащили их из-под машины, они открыли глаза, но говорить не могли. С нами был врач. Мы достали фляги с медицинским спиртом, открыли им рты и влили немного спирта. Постепенно оба пришли в себя и заговорили. Врач обработал их лица, руки и ноги.

Выяснилось, что на обратном пути в Ишкашим одна БМП съехала с дороги и у нее слетела гусеница. Радиосвязь с колонной прервалась. Капитан Трутнев, подъехавший на другой БМП, вместе с механиком-водителем в условиях тридцатиградусного мороза попытались надеть гусеницу и замерзли.

Две другие БМП находились неподалеку. Личный состав с оружием в руках стоял рядом с машинами. Все сильно замерзли. Их также напоили спиртом. Самое главное все были живы.

Довольно быстро, минут за 40 на БМП была надета гусеница и с помощью связанных вместе тросов машину

вытащили на дорогу. На обратном пути я приказал двигаться на небольшой скорости. Мы без проблем доехали до расположения полка. Так завершилась наша разведка, оказавшаяся разведкой боем.

Мы были тепло встречены командным составом, который обрадовался, узнав, что нам удалось найти пропавшие машины и вернуться без потерь. Замерзших солдат сразу же разместили в развернутом полевом госпитале. Впоследствии я узнал, что у нескольких солдат были ампутированы пальцы ног.

На следующий день я детально представил командному составу полученную в результате проведенной разведки информацию и сформулировал следующие выводы:

1. Дороги как таковые отсутствуют, имеются лишь тропы.
2. Отношение местного населения к нашим войскам неоднозначное. Существуют вооруженные отряды, которые будут нам противостоять, поэтому следует быть готовыми к боевым столкновениям с незнакомым нам противником.

Представленная мною информация была доложена командующему округу. Полк тем временем продолжил подготовку к вводу на территорию Афганистана. Определялась та техника, которая сможет пройти на Файзабад. Рассчитывались запасы продовольствия и ГСМ.

Вскоре полк получил боевой приказ: *Пересечь государственную границу и совершить марш по маршруту Ишкашим-Гульхана-Бахарак-Файзабад.*

Протяженность маршрута составляла около 300 км. 10 января 1980 г. в 8 часов утра начался ввод полка на территорию Афганистана. Первой перешла границу разведрота, за ней 2-ой мсб капитана В. Хуторного, а чуть позднее и остальные силы полка. Часть сил полка, в основном артиллерия и тыловые службы остались в Ишкашимае.

До Гульханы доехали без происшествий. В Гульхане я получил приказ: *Силами 3-го мотострелкового батальона,*

усиленного артиллерией, расположиться рядом с н/п Гульхана и занять круговую оборону.

Таким образом, 10 января 1980 г. я с 3-м мсб, которым командовал капитан Тупицкий, остался в Гульхане, а основные силы полка продолжили движение к Файзабаду. Вскоре мы узнали, что в нескольких км от Гульханы разведотряд полка наткнулся на завал. При попытке расчистить завал разведчики были обстреляны из засады. В том бою погибли двое солдат, были ранены командир взвода 4-ой мср ст. лейтенант Домбровский и командир разведроты В. Андросенко. Пропал без вести рядовой Сергеев. Через несколько дней тело рядового Сергеева будет найдено у следующего завала. Как нам станет известно позднее раненного Сергеева душманы перед убийством зверски пытали.

Это были первые боевые потери полка, понесенные всего через несколько часов после вхождения на территорию Афганистана. Все мы тяжело переживали гибель наших ребят. Фактически, для нашего полка Афганская война началась с первого же дня нахождения в Афганистане.

Гульхана

Населенный пункт Гульхана находился на перекрестке четырех ущелий: одно вело к границе с Пакистаном, второе ущелье или так называемый Ваханский коридор вел к границе с Китаем, третье – к Бахараку и далее к Файзабаду, а четвертое

– в сторону Ишкашима. Размещение 3-го мсб у н/п Гульхана преследовало две основные цели:

1) прикрытие со стороны Гульханыдвигающихся к Файзабаду основных сил полка,

2) обеспечение бесперебойного функционирования дороги Ишкашим – Гульхана – Файзабад.

Оставленный в Гульхане 3-й батальон был усилен гаубичной батареей, зенитным взводом, а также частью сил подразделений боевого обеспечения.

В Гульхане остались также подполковник Романов из состава оперативной группы офицеров из штаба Среднеазиатского военного округа и начальник ПВО полка подполковник Малкевич.

Получив приказ командования, я с офицерами стал искать подходящее для размещения батальона место. Мы решили расположить батальон в центре перекрестка ущелий, на удалении 400 метров от Гульханы и около 1 км от гор. Стали рыть окопы. Но продолбить замерзшую землю оказалось невозможно. Пришлось применить взрывной метод. Подготовили окопы для круговой обороны, поставили палатки. Для питания использовали комплекты полевой кухни ПАК 200. Два свободных комплекта ПАК мы использовали для подогрева воды и мытья личного состава.

Обстановка в районе Гульханы была беспокойной. Басмачи, как мы на первых порах называли своего противника, пока не появился термин душманы, обстреливали нас со стороны гор практически каждую ночь. Вреда личному составу обстрелы не причиняли. Но на прямое нападение на батальон противник так и не решился. Усиленный мотострелковый батальон представлял собой серьезную силу. К тому же, противник в первом же боестолкновении 7 января, во время проведения нами разведки понес ощутимые потери.

Оказание помощи местному населению в Гульхане, январь 1980 г.

В Гульхане не было ни представителей кабульских властей, ни правительственных войск. Я придавал большое значение установлению хороших отношений с местным населением. С нами были партийные активисты из афганского Ишкашима, которые нашли в Гульхане своих родственников. По мере возможностей мы раздавали местному населению керосин. Афганцы быстро поняли, что нас им нечего бояться. С другой стороны, они много натерпелись от постоянного грабежа со стороны вооруженных банд. Поэтому местное население стало передавать нам информацию о передвижении банд душманов. Как нам стало известно, из Пакистана в Файзабад, регулярно шли караваны с оружием и продовольствием.

В Гульхане была создана вторая база снабжения полка. Из советского Ишкашима к нам шли колонны с продовольствием, боеприпасами и ГСМ. За ними прилетали вертолеты Ми-8Т и переправляли к основным силам полка. Следует отметить, что маршрут Ишкашим-Гульхана считался безопасным, так как не было случаев нападений душманов на колонны.

Освоившись на месте, мы стали проводить рейды в радиусе 15 км от расположения батальона. Целью рейдов было обеспечение контроля над районом Гульханы. Для сбора разведывательной информации в направлении границы с Пакистаном и в сторону Файзабада регулярно направлялся мотострелковый взвод на БМП из состава 3-го мсб.

Во время одного из рейдов был захвачен главарь небольшой банды. Когда он вернулся в свой дом в одном из кишлаков, мы, своевременно получив информацию, выдвинулись к кишлаку на 3-х БМП. Главарь, узнав о нашем приближении, попытался верхом на лошади уйти в горы. Увидев его, я с 5-ю солдатами побежал ему наперерез. Мы пробежали несколько сот метров, пока, наконец, наш сержант точной очередью не ранил его. Вскоре после задержания душман был отправлен вертолетом в Кабул для передачи афганским силовым структурам. Отмечу, что всех задержанных душманов мы и в дальнейшем, передавали афганской стороне.

Оставшись с 3-м мсб в Гульхане я вспомнил о Маманджабое. Во время проведения разведки 7 января 1980 г. нам было не до него. Выяснилось, что Маманджабой был самым влиятельным и богатым человеком в районе. У него было семь сыновей, которые были главарями банд, державших в страхе местное население. В Бадахшане богатство определялось по количеству баранов и яков. Считалось, что если человек имеет стадо более 1000 голов, то он уже богатый человек. По словам местных у Маманджабоя было более 6000 баранов. Я решил выполнить просьбу пограничников и захватить Маманджабоя. Когда мы окружили его дом, он, несмотря на свой преклонный возраст, попытался бежать, но был схвачен. После допроса Маманджабой был отправлен в Ишкашим и передан афганской службе государственной безопасности – ХАД. Впоследствии, нам удалось захватить также и троих его сыновей.

Во время проведения очередного рейда в районе Гульханы, январь 1980 г.

Однажды мы получили информацию от местных о том, что в находящемся рядом с Гульханой кишлаке находится прибывший из Пакистана “живой бог”. Именно так называли этого человека на местном наречии. Он являлся важной персоной среди душманов.

Я решил захватить его. Нам удалось скрытно подобраться и окружить дом, в котором находился “живой бог”. Когда он выбежал из дома и попытался скрыться, то был схвачен нашими солдатами. При обыске в доме были обнаружены несколько пистолетов, чемодан с афганскими деньгами и несколько паспортов различных государств на его имя. “Живой бог” оказался эмиссаром пакистанской разведки. Когда он появлялся среди афганцев, то все они падали на землю. По всей видимости он был или представлялся одним из многочисленных потомков пророка Мухаммеда, безмерно почитаемых среди мусульман.

Заместитель командира полка подполковник А.Т. Арутюнян ставит задачу офицерам 3-го батальона. Гульхана, февраль 1980 г.

Находясь в Гульхане, мы сильно переживали за передовой отряд полка, который с боями, неся потери, продвигался к Файзабаду. Я регулярно связывался по рации с командованием полка и комбатами. Кроме того, периодически к нам в Гульхану приезжали офицеры из передового отряда, которые также рассказывали нам о продвижении полка. В дальнейшем, когда в феврале 1980 г. я прибыл в Файзабад и принял командование полком, мне стали известны подробности продвижения полка к Файзабаду и имевших место боевых столкновениях.

Фактически дорога на Файзабад представляла собой тропу для передвижения на лошадях и ослах. Для БМП она была труднопроходимой. По мере необходимости приходилось строить отдельные участки дороги. Строительство дороги в условиях сильного холода шло вручную, без использования техники, с применением взрывного метода.

Строительство дороги на участке Гульхана-Файзабад, январь 1980 г.

Дорогу строить было очень тяжело, земля была промерзшей. В этих сложнейших условиях очень хорошо себя проявила инженерная служба полка во главе с капитаном М. Легановым. К сожалению, капитан Леганов очень скоро, в феврале 1980 г., погибнет подорвавшись на mine.

Много раз дорогу преграждали завалы, которые устраивали душманы путем подрывов скал. При расчистке

завалов военнослужащие полка часто подвергались обстрелу из устроенных противником засад. В результате боестолкновений полк нес потери.

По дороге на Файзабад, январь 1980 г.

Нужно отметить, что у нашего полка, также как и у остальных советских войск введенных в Афганистан, не было

опыта ведения боевых действий в сложных горных условиях, против противника, применявшего методы партизанской войны. На узких горных дорогах, колонны советских войск были весьма уязвимы перед огнем противника, обстреливающего наши войска со склонов господствующих высот. В то же время у войск, остановленных на горной дороге завалом, зачастую не было возможности для проведения маневра. Кроме того, некоторые виды нашего вооружения и военной техники оказались малоэффективными в горных условиях. В частности, пушки БМП-1 из-за малых углов наведения не могли обстреливать склоны гор.

20 января продвижение полка было остановлено очередным завалом. Во время завязавшегося многочасового боя погибнет командир 2-й мотострелковой роты ст. лейтенант Александр Шварцман и двое солдат.

Ст. лейтенант Александр Шварцман во время учений, 1979 г.

После переброски в середине января из Союза в Кундуз 181-ого отдельного вертолетного полка, прорывавшийся к

Файзабаду передовой отряд 860-го полка стал получать огневую поддержку с воздуха.

Продолжая движение, полк вышел в район населенного пункта Бахарак, который являлся одним из центров мятежного движения в провинции Бадахшан.

28 января 1980 г. передовой отряд полка в составе: 1 мсб, 2 мсб, разведроты, роты связи и частью инженерно-саперной роты, общей численностью личного состава в 470 человек, преодолев за 18 суток около 300 км тяжелого маршрута Ишкашим-Файзабад, достиг Файзабада.

Нужно особо отметить, что в сравнении с выдвижением всех остальных воинских частей советского ограниченного контингента, введенных в Афганистан в декабре 1979 – январе 1980 гг., ввод 860 полка в провинцию Бадахшан оказался самым тяжелым. Нашему полку, совершившему тяжелейший марш через Памир для выхода к афганской границе, пришлось с боями пробиваться к Файзабаду, восстанавливая взорванные участки узкой горной дороги и расчищая ее от завалов. Во время марша Ишкашим-Файзабад от огня противника в полку погибло 10 человек. К концу марша личный состав был сильно истощен вследствие постоянного напряжения от нападений душманов и тяжелой работы по расчистке и строительству дороги.

На подступах к Файзабаду полк встретили прилетевшие на вертолетах первый заместитель Министра Обороны маршал Советского Союза Соколов С. Л., маршал авиации Силантьев А. П., главный военный советник генерал-полковник Магомедов С. К. и другие высокопоставленные представители командования 40-й армии. Прибытие двух маршалов показывает, какое большое значение для советского руководства имело продвижение 860 полка к Файзабаду. Ведь, по существу, прибытием 860 омп в Файзабад был положен конец планам мятежников по созданию на северо-востоке Афганистана независимого исламского государства.

Слева направо: командир полка подполковник В.С. Кудлай, генерал-полковник С.К. Магометов, маршал Советского Союза С.Л. Соколов, полковник В.А. Теодорович, командир 1-го батальона капитан В.Д. Нестеров. Файзабад, 28 января 1980 г.

Когда, находясь в Гульхане, мы узнали, что 28 января передовой отряд полка наконец дошел до Файзабада, то испытали большое облегчение.

Возвращаясь к 3-му мсб отмечу, что он продолжал выполнять функцию перевалочной базы полка еще около трех месяцев, до тех пор, пока 860 омсп не был передан в состав Туркестанского военного округа. После этого, полк стал получать все необходимое по воздуху из Кундуза, где была создана новая база снабжения полка. 3-й мсб будет нести боевую службу в Гульхане вплоть до июня 1980 г., когда он в результате операции “Крест” был выведен в Файзабад. В Гульхане 3-й мсб сменит Хорогская мотоманевренная группа (ММГ), которая была сформирована на базе 131 Ошского погранотряда.

За время нахождения в Гульхане 3-го мсб, также как и во время дальнейшей службы хорошо себя проявил командир батальона капитан В. Тупицкий. Он зарекомендовал себя как грамотный командир батальона.

Я находился в Гульхане с 3-м мсб в течение 1,5 месяцев. 24 февраля при проведении операции в районе кишлака Аше, который находился рядом с Файзабадом, получает ранение командир полка подполковник Кудлай. Его переправили в Союз на лечение, а я, решением вышестоящего командования, был назначен исполняющим обязанности командира 860 омсп и убыл в Файзабад для вступления в командование полком.

Забегая вперед, отмечу, что Виктор Семенович Кудлай, после завершения лечения в Союзе, вступал в командование полком в промежутках между плановым отпуском и повторным направлением в госпиталь осенью 1980 г. Во время его отсутствия я продолжал исполнять обязанности командира полка. В конце 1980 года Виктор Семёнович Кудлай был направлен в Уральский военный округ на должность заместителя командира дивизии, а в декабре пришёл приказ о моем назначении командиром 860-го отдельного мотострелкового полка.

Файзабад

Получив приказ командования, 25 февраля я на вертолете прибыл в Файзабад и вступил в командование полком.

Файзабад располагался на правом берегу реки Кокча на высоте 1200 метров у подножия гор, которые окружали его с трех сторон. Дома в городе были в большинстве одноэтажные, глинобитные. Сам город и жизнь в нём носили черты, характерные для средневековья.

Прибыв в Файзабад, я застал подразделения полка в довольно сложном положении. Силы полка все еще не были собраны в Файзабаде. Они были разбросаны по 1200-километровому маршруту Ош-Хорог-Файзабад. 3-ий мотострелковый батальон находился в Гульхане, а большая часть артиллерии и тыловых служб осталась в Ишкашине. В Файзабаде не было заместителя командира полка по технической части майора В.Н. Никитина, который продолжал руководить ремонтом неисправной техники, оставленной на маршруте движения полка Ош-Хорог-Файзабад. Вместе с ним на маршруте находился и начальник бронетанковой службы полка майор Н.А. Машляковский.

Полевой лагерь полка располагался в 2,5 км от Файзабада у подножия г. Джалгар и на расстоянии примерно 6 км от аэродрома. В полевом лагере полка располагались: управление полка, 2-ой мотострелковый батальон, разведывательная рота,

рота связи, инженерно-саперная рота и полковой медицинский пункт. Вокруг лагеря были оборудованы окопы с огневыми позициями, на которых круглосуточно неслось боевое дежурство. В Файзабаде и на его окраинах были установлены сторожевые посты. В состав каждого поста входили, как правило, одно или два мотострелковых отделения на БМП.

На аэродроме базировалась приданная нашему полку 3-я эскадрилья 181-го отдельного вертолетного полка, имеющая в своем составе 12 вертолетов Ми-8Т. Там же, для охраны и обороны аэродрома дислоцировался и 1-ый мотострелковый батальон.

Зоной ответственности 860 омсп была провинция Бадахшан, которая занимает площадь 44059 км². В провинции по оперативным данным действовали враждебные кабульской власти бандформирования общей численностью около 6000 человек.

В районе Файзабада действовало несколько банд душманов. Наиболее крупные из них возглавляли полевые командиры Абдул Басир и Гульдод. Душманы регулярно обстреливали стрелковым оружием и минометами, в основном ночью, полковой лагерь, аэродром и сторожевые посты, держа личный состав полка в постоянном напряжении.

По прибытии в Файзабад моей первой задачей стало обеспечение устойчивого управления подразделениями полка, которые были размещены несколькими гарнизонами. В любой момент могло произойти нападение противника, поэтому было необходимо обеспечить надежное круглосуточное боевое охранение гарнизонов.

Другой важной задачей, стоящей передо мной, являлась необходимость в срочном улучшении питания и бытовых условий для личного состава, которые по объективным причинам были далеки от нормальных.

В полковом лагере личный состав размещался в лагерных палатках в которых было довольно холодно. А личный состав

1-го мсб размещался в блиндажах, оборудованных в траншеях рядом с боевыми машинами. В пункте постоянной дислокации был развернут пункт хозяйственного довольствия, который обеспечивал личный состав горячей пищей, однако не было свежего хлеба. Вместо него приходилось есть чёрствый хлеб или сухари, нерегулярно доставляемые вертолетами из Кундуза. В феврале 1980 г. полк все еще входил в состав Среднеазиатского военного округа, который был очень далеко и реально мало чем мог помочь полку. С другой стороны, связь с находившимся в Кабуле командованием 40-ой армии, которая входила в состав Туркестанского военного округа, была слабой.

Первый лагерь полка. Файзабад, 1980 г.

Несмотря на нехватку личного состава полка, вышестоящее командование требовало проведения рейдов по поиску и уничтожению бандформирований в близлежащих кишлаках вокруг Файзабада.

В начале марта 1980 г. в Файзабад прибыл командующий Среднеазиатским военным округом генерал-полковник П.Г. Лушев. От прибывшего командующего нашего военного округа, мы ожидали получить помощь и моральную

поддержку. Командование округа имело все основания по меньшей мере быть довольным действиями 860-го полка. Ведь наш полк успешно выполнил приказ командования, совершив без потерь тяжелейший марш через Памир, с боями прорвался к Файзабаду, где продолжал в сложных условиях, в отрыве от основных сил советского воинского контингента, нести боевую службу.

Однако Лушев держал себя очень высокомерно. Ознакомившись с состоянием дел в полку, он сказал мне:

– У ваших офицеров усы смотрят вниз.

Он имел в виду, что офицеры были не в духе. Что было естественно, учитывая условия службы и ту нагрузку, какую испытывали подразделения полка в Файзабаде в феврале – марте 1980 г.

Взяв карту, Лушев нарисовал на ней исходящие из Файзабада и доходящие до соседних кишлаков радиальные линии. Указав на карту, он заявил, что полк должен регулярно проводить операции по поиску и уничтожению бандформирований мятежников, а командир полка – регулярно докладывать ему об итогах операций.

Командующий Среднеазиатским военным округом генерал-полковник П.Г. Лушев (в центре) с офицерами полка в Файзабаде, март 1980 г.

После отъезда Лушева в марте месяце мы стали регулярно, фактически через день, проводить рейды в целях обнаружения и уничтожения душманов на глубину до 30 км от Файзабада. Кроме того, личный состав полка регулярно привлекался для поиска и огневого поражения душманов с бортов вертолетов МИ-8Т в направлении Файзабад, Кишим, Бахарак, Джарм, Истукаль и Санглич.

Во время дневных боевых выходов примерно треть личного состава осуществляла охрану лагеря, а остальным приходилось участвовать в рейдах. По ночам опять же треть личного состава полка заступала на боевое дежурство для охраны лагеря, а остальные спали.

Можно представить, какие высокие физические и психологические нагрузки испытывали солдаты и офицеры полка весной 1980 г. От личного состава требовалась полная отдача сил. Следует отметить, что перенесенные полком во время совершения марша через Памир испытания еще больше сплотили солдат и офицеров, способствовали появлению чувства боевого братства. И в эти, наиболее тяжелые первые месяцы несения боевой службы в Афганистане, абсолютное большинство солдат и офицеров полка проявило верность воинской присяге и высокие морально-боевые качества.

Прощание с погибшим однополчанином. Файзабад, весна 1980 г.

В марте 1980 г. начальник штаба полка майор Владимир Архангородский отбыл в Союз на лечение и обратно в полк уже не вернулся. Исполняющим обязанности начальника штаба полка стал командир 1-го батальона капитан Валерий Дмитриевич Нестеров. Капитан Нестеров, молодой выпускник академии Фрунзе, был очень грамотным и храбрым офицером. Он стал начальником штаба в самый тяжелый для полка период и многое сделал для организации устойчивого управления подразделениями полка.

В первом ряду – заместитель командира полка подполковник А.А. Тимчук, начальник штаба полка майор В.Д. Нестеров, командир полка подполковник А.Т. Арутюнян. Во втором ряду слева – заместитель начальника штаба полка майор Г.М. Шорохов, 1981 г.

Скажу, что в этот сложный для воинских частей период, как впрочем и за все время службы в Афганистане, прекрасно проявил себя начальник политотдела полка майор Владимир Ильич Архангельский. Майор Архангельский, выпускник Военно-политической академии, был грамотным, принципиальным и работоспособным офицером. Он лично участвовал во многих боевых операциях и рейдах. Он был душой офицерского коллектива и моим надежным боевым товарищем.

Начальник политотдела корпуса полковник Полевик, начальник политотдела полка майор В.И. Архангельский, командир 1-го батальона капитан В.Д. Нестеров, пропагандист полка ст. лейтенант Н.Н. Белашов. Файзабад, январь 1980 г.

Естественно, что особенно тяжело в Файзабаде приходилось боевым подразделениям полка: 1-му и 2-му мотострелковым батальонам и разведrote. На плечи командиров взводов и рот этих подразделений выпала основная нагрузка.

1-ый мотострелковый батальон под командованием капитана Валерия Нестерова 28 января 1980 года в авангарде полка первым вошел в город Файзабад. А уже со 2 февраля батальон приступил к охране и обороне аэродрома. Он сменил там пехотный батальон 24-го афганского пехотного полка. До прибытия нашего полка в Файзабад, душманы, хорошо осознавая важное значение аэродрома для практически изолированной провинции, неоднократно пытались захватить его.

Кроме охраны аэродрома, 1-ый мсб участвовал в операциях и рейдах полка, выделял личный состав для

огневого поражения душманов с бортов вертолетов, а также осуществлял на аэродроме погрузочно-разгрузочные работы.

В марте командиром 1-го мсб вместо капитана Нестерова был назначен начальник штаба 1-го мсб старший лейтенант Валерий Павленко, а начальником штаба батальона – командир 3-ей мотострелковой роты ст. лейтенант Анатолий Самусев. Новым командиром 2-ой мср вместо погибшего ст. лейтенанта Александра Шварцмана стал ст. лейтенант Николай Андросенко, брат-близнец командира разведывательной роты полка Владимира Андросенко. 1-й мотострелковой ротой командовал ст. лейтенант Сергей Андрианов, а 3-й ротой стал командовать – ст. лейтенант Виталий Васильев.

Так сложится, что с апреля по июнь 1980 г. в 1-ом батальоне не было ни одного офицера в звании капитана и выше. Большинство офицеров были в звании старший лейтенант. Правда, это не влияло на качество выполнения батальоном боевых задач. Мы тогда шутили, что душманам безнадежно воевать с батальоном “старших лейтенантов”.

2-ой мотострелковый батальон станет единственным из трех батальонов полка, который будет неизменно находится в пункте постоянной дислокации полка в Файзабаде. На него ляжет основная тяжесть осуществления рейдов и операций полка в районе Файзабада и сопровождения транспортных колонн между Файзабадом и Кишимом. В феврале 1980 г. батальоном командовал капитан Владимир Хуторной. В апреле 1980 г. командиром 2-го мсб вместо капитана Хуторного, поступившего в Военную академию им. М. В. Фрунзе, был назначен капитан Зябликов. Начальником штаба батальона был капитан Николай Хромов, а 4-ой, 5-ой и 6-ой мотострелковыми ротами командовали соответственно старшие лейтенанты Василий Черношей, Сергей Капшуров и Сергей Беликов.

Кроме охраны полкового лагеря, 2-ой батальон выделял также личный состав для сторожевых постов. Наиболее

важный для обеспечения безопасности полка пост находился на горе Джалгар, которая возвышалась над Файзабадом и его окрестностями. На посту постоянно находился один мотострелковый взвод, усиленный взводом автоматических минометов “Василек”. Этот пост был закреплен за 6-й мотострелковой ротой 2-ого мсб, которой грамотно и уверенно командовал старший лейтенант Сергей Беликов. В первый год нахождения полка в Файзабаде мотострелковым взводом на джалгарском посту почти непрерывно командовал лейтенант Шамиль Идрисов, добросовестный и храбрый командир 3-го мотострелкового взвода 6-ой мср.

Командир 6-й роты старший лейтенант Сергей Беликов (справа) и командир 3-го взвода 6-ой роты старший лейтенант Шамиль Идрисов в парке боевых машин. Файзабад, декабрь 1980 г.

Должен отметить, что 2-ой мсб успешно справлялся с поставленными перед ним боевыми задачами.

Нужно отдать должное и нашей разведывательной роте, личный состав которой самоотверженно выполнял свой воинский долг. Разведрота, являясь одним из самых боеспособных подразделений полка, принимала участие во многих рейдах и операциях, проводимых полком. Помимо этого, разведрота организовывала засады на возможных путях

движения отрядов и караванов противника, а также регулярно осуществляла сопровождение наших транспортных колонн.

Разведротой командовал хорошо подготовленный и смелый офицер – старший лейтенант Владимир Андросенко. Весьма достойно проявили себя и командиры разведвзводов – лейтенанты Юрий Волков и Борис Масловский.

Следует также отметить и наших артиллеристов. Начальником артиллерии полка был подполковник Анатолий Васильевич Трухов, которого артиллеристы называли “дедом”. Подполковник Трухов был очень опытным артиллеристом, пользовавшимся заслуженным авторитетом среди личного состава полка. Во время сложнейшего марша полка через Памир он сделал все возможное, чтобы сохранить артиллерию в боевом состоянии.

Слева направо – командир афганского 24 полка, командир 860-го полка подполковник А.Т. Арутюнян, начальник артиллерии полка подполковник А.В. Трухов, начальник особого отдела полка ст. лейтенант Д. Кубатов.

Грамотным офицером-артиллеристом зарекомендовал себя и командир артиллерийского дивизиона полка майор Юрий Фридинский, которого также отличали и замечательные личные качества. Наши артиллеристы часто демонстрировали

высокий профессионализм, и у меня, как у командира полка, практически никогда не возникало нареканий к боевому применению артиллерии.

Огонь ведет реактивная батарея

Через несколько дней после моего назначения на должность исполняющего обязанности командира полка в Файзабад во второй раз прибывает первый заместитель Министра обороны маршал Советского Союза Соколов С. Л. с большой группой генералов и офицеров. Соколов решил посетить наш полк, узнав, что командир полка подполковник Кудлай получил ранение и отбыл в Союз на лечение.

Приезд в полк столь высокопоставленного военачальника предоставил мне возможность для кардинального решения задачи по улучшению бытовых условий личного состава полка.

Маршал Советского Союза С.Л. Соколов (в центре) с офицерами 860-го полка в Файзабаде, март 1980 г.

Маршал Соколов с группой офицеров прибыл в Файзабад на транспортном самолете. Приехав с аэродрома в расположение полка, мы стали обсуждать сложившуюся в полку ситуацию.

Обращаясь ко мне, маршал Соколов спросил:

– Ну, сынок, как жить будем?

Я ответил:

– Товарищ Маршал Советского Союза, личный состав полка 2 месяца не ел свежего хлеба.

Он тут же дает команду сопровождающим его высокопоставленным офицерам:

– Хлебзавод полку. Сколько отделений? – спросил он у меня.

Я понятия не имел. Кто-то из офицеров полка подсказал:

– 2 отделения.

Как оказалось, каждое отделение хлебзавода рассчитано на 3000 человек. Я продолжаю:

– Личный состав полка 2 месяца не мылся в бане.

Соколов приказывает:

– Банно-прачечный комбинат полку.

Несколько генералов, прибывших с Соколовым, стали возражать, аргументируя свою позицию тем, что хлебзавод и

банно-прачечный комбинат полагается дивизии, а не полку. Я настаивал на своем. Соколов поддержал меня. Продолжая обсуждение, я обратил внимание, что в полку нет электричества. Соколов спросил:

– Какие нужны генераторы?

Я отвечаю:

– Пять 100-киловаттных, пять 70-киловаттных и пять 30-киловаттных генераторов.

Соколов утвердил выделение указанных генераторов.

Я продолжил:

– Товарищ маршал, полк пьет воду из реки.

Соколов приказывает выделить полку 4 комплекта тканево-угольных фильтров ТУФ 200 и 16 малых установок для обеззараживания воды, с целью обеспечения личного состава безопасной для потребления водой в пункте постоянной дислокации полка и на постах, расположенных за его пределами.

Затем я указал на то, что личный состав размещается в небольших лагерных палатках и попросил выделить необходимое количество больших армейских палаток с прорезиненной тканью. Соколов отдал соответствующее распоряжение.

Далее мы обсудили вопрос создания запасов всех видов довольствия – боеприпасов, ГСМ, продовольствия и др., которые были необходимы полку для выполнения боевых задач с учетом его изолированного положения.

Обсудив с командованием полка основные проблемы, маршал Соколов со своей группой офицеров уже через несколько часов отбыл из Файзабада.

Невозможно переоценить важность решений оперативно принятых маршалом Соколовым. Благодаря этим решениям, полку будет оказана беспрецедентная помощь, которая кардинальным образом улучшит бытовые условия для личного состава, повысит уровень обеспечения полка и позволит ему успешно выполнять боевые задачи.

Я хочу отметить, что за 3 года моей службы в Афганистане и во время своей дальнейшей службы, мне довелось общаться со многими высокопоставленными советскими военачальниками. Из них самое лучшее впечатление на меня оставил маршал Сергей Леонидович Соколов, как опытный, грамотный военачальник, способный быстро ориентироваться в сложной обстановке и принимать верные решения. Другими отличительными качествами Соколова были природная доброта и умение прислушиваться к мнению подчиненных.

Для исполнения принятых маршалом Соколовым решений в Кундузе на территории 201-ой мотострелковой дивизии была создана перевалочная база снабжения 860-го полка. Там была размещена рота материального обеспечения нашего полка. На базе хранения постоянно находился начальник тыла полка или его заместитель. Для переброски необходимого запаса довольствия из Кундуза в Файзабад из состава 181-го вертолетного полка была выделена эскадрилья транспортных вертолетов Ми-6.

Посетивший полк в феврале 1980 г. первый заместитель Министра обороны СССР маршал Соколов сразу осознал необходимость передачи 860-го полка из состава 17-го армейского корпуса Среднеазиатского военного округа в состав 40-й армии Туркестанского военного округа.

В первой половине марта 1980 г. в Файзабад прибыли две большие комиссии, представлявшие соответственно Среднеазиатский (САВО) и Туркестанский (ТУРКВО) военные округа, для осуществления процесса приема-сдачи 860 омсп. Комиссию САВО возглавлял начальник боевой подготовки округа генерал-лейтенант Бобров. Комиссию

ТУРКВО возглавлял заместитель командующего 40-й армии по вооружению в звании генерал-майора.

Работа комиссий проходила в бурных обсуждениях и нескончаемых спорах. Принимающая сторона указывала на реальное, имеющееся в наличии количество материальных средств полка, в первую очередь техники. А представители САВО привезли документы, в которых числились штатные материальные средства полка. Разница в цифрах, в основном по технике, объяснялась тем, что часть техники не смогла пройти по маршруту Ош-Хорог-Файзабад, а другая часть, выйдя из строя, оставалась на маршруте. Мне часто задавали следующий вопрос:

– Где находится эта техника?

Я отвечал, что в настоящий момент у меня нет полной информации о том, на каком конкретно участке маршрута Ош-Хорог-Файзабад находится указанная техника.

Приемлемое для обеих сторон решение проблемы отсутствующей техники никак не могло быть найдено.

Как уже было сказано, с наступлением темноты полковой лагерь время от времени подвергался обстрелам душманов с близлежащих гор из стрелкового оружия и минометов. При начале обстрела я выходил из палатки в которой работали комиссии и руководил из командного пункта полка ответными действиями по подавлению огня душманов.

Следует отметить, что по моему приказу рядом с командирской палаткой всегда находились три БМП дежурного взвода в состоянии пятиминутной готовности.

В один из вечеров, в период работы комиссий в полку, обстрел лагеря был особенно сильным. После подавления огня душманов я вернулся в палатку, где заседали комиссии. Но она оказалось пустой. Как оказалось, прибывшие в Файзабад офицеры решили переждать обстрел в более безопасном месте – в стоящих рядом с палаткой БМП.

Я подошел к БМП и сказал:

– Все, война закончилась. Можете выходить.

Прибывшие из САВО офицеры, впервые попавшие под обстрел, стали выражать благодарность:

– Молодец, командир.

По всей видимости, произошедшее повлияло на настрой руководителей комиссий. Когда офицеры вновь собрались в палатке, генерал-лейтенант Бобров обратился к отдельным офицерам:

– Ты хочешь на место командира полка? А ты хочешь?

Затем продолжил:

– Вы видите, что в сложной обстановке командир находится на пределе. А вы засыпаете его вопросами. Мы должны быстро закончить процесс приема-сдачи, чтобы командир мог сосредоточиться на решении своих непосредственных задач.

Руководители обеих комиссий поручили своим офицерам до 10 часов утра подготовить акт приема-сдачи на основе тех материальных средств, которые были в полку в наличии. А я должен был в дальнейшем докладывать командованию 40-й армии о прибывающей в полк отставшей технике.

Утром подготовленный акт был подписан, а прибывшие комиссии улетели. Так 860 отдельный мотострелковый полк вошел в состав 40-й армии Туркестанского военного округа.

Прощание с отбывающими в Союз военнообязанными. Файзабад, 1980 г.

Специфика ведения боевых действий

Боевые действия в Афганистане имели свою специфику. Без ее понимания будет трудно представить все те трудности, с которыми столкнулись в Афганистане советские войска в целом и наш полк в частности.

К особенностям ведения боевых действий в Афганистане следует отнести сложный рельеф местности, тяжелые климатические условия, поддержку отрядов оппозиции со

стороны большинства местного населения и партизанскую тактику ведения войны мятежниками.

Зоной ответственности 860-го полка была большая часть провинции Бадахшан, которая была, в основном, занята высокими горными хребтами Гиндукуша и Памира, между которыми находились узкие долины и ущелья. Дорожная сеть в Бадахшане была развита очень слабо, что значительно затрудняло возможность использования боевой техники и проведения маневров войсками. Кроме того, горный рельеф местности создавал серьезные проблемы с организацией радиосвязи, ввиду того, что штатные радиостанции не всегда могли обеспечить устойчивую связь.

Горные реки в провинции были бурными и непредсказуемыми, вследствие чего, переправы через них вброд часто были сопряжены с серьезным риском.

Климат в провинции Бадахшан континентальный, которому присущи очень высокие температуры летом, низкие зимой и большие перепады суточной температуры. Вследствие этих особенностей климата, наши военнослужащие при ведении боевых действий нередко получали как тепловые удары, вследствие перегрева организма, так и обморожения.

Сложный горный рельеф местности уменьшал превосходство регулярных советских войск над отрядами мятежников. В целом следует сказать, что вести боевые действия в горах было крайне тяжело. Ведь для ведения боевых действий, каждому военнослужащему помимо оружия приходилось тащить на себе в горы запас боеприпасов, воды и еды, общий вес которых мог достигать нескольких десятков килограмм. И это в условиях кислородного голодания высокогорья и изматывающей афганской жары, так как активные боевые действия в горах велись в основном в теплое время года. Поэтому нередко советским военнослужащим в Афганистане приходилось максимально, на грани возможностей организма, напрягать свои силы.

Советским войскам в Афганистане противостояли вооруженные отряды (или банды, как мы их называли) оппозиции, которая добивалась вывода советских войск из Афганистана и свержения режима правящей в Афганистане Народно-демократической партии. Отряды оппозиции пользовались поддержкой большинства населения страны. Этой поддержки удалось добиться, с одной стороны, вследствие непопулярности действий кабульских властей, а с другой – с помощью умелого ведения оппозиционными партиями пропаганды среди мирного населения. Главной идеей пропаганды являлся призыв к правоверным мусульманам вести против неверных священную войну – джихад, с целью изгнания советских войск из Афганистана. Эффективная пропаганда обеспечивала с одной стороны широкую поддержку мирного населения, а с другой – формировала у душманов сильную мотивацию на ведение вооруженной борьбы против советских и правительственных войск.

После ввода советских войск в Афганистан, отряды мятежников быстро осознали, что они не способны противостоять советским войскам в открытом бою и перешли к партизанским формам и методам ведения войны. Это привело к тому, что в Афганистане линия фронта как таковая между противостоящими сторонами отсутствовала.

Поняв, что крупные банды до нескольких сот человек легче обнаруживаются с воздуха, противник перешел к действиям мелкими группами численностью в 20-50 человек, которые могли легче уходить от преследования и растворяться среди местного населения в населенных пунктах. Следует отметить, что душманы носили ту же традиционную афганскую одежду, что и местное население. Поэтому отличить душмана, избавившегося от оружия, от мирного жителя было очень сложно.

Душманов было сложно застать врасплох. Известия о готовящихся против них операциях поступали от их

информаторов, имеющих как в армии, так и в других афганских силовых структурах. А о передвижении советских войск душманы получали информацию от местного населения, в первую очередь от пастухов, которые передавали условные сигналы с помощью дыма и костров.

Нужно отметить, что на стороне противника было и хорошее знание местности. Выросшие в горах, они знали каждую пещеру и тропу, что помогало им устраивать засады и осуществлять налеты в самых неожиданных местах, после чего быстро уходить от преследования.

Душманов отличало умелое владение стрелковым оружием. Дело в том, что в Афганистане постоянно шла вооруженная борьба между бандами за передел зон влияния и многие афганцы мужского пола с юных лет приобщались к оружию. Помимо этого, после ввода советских войск, в Пакистане и Иране было создано большое количество центров военной подготовки мятежников, в которых обучение проводили опытные инструкторы из Пакистана, Ирана, Египта, Китая и США.

Из стрелкового оружия душманы имели на вооружении: знаменитые английские винтовки “Бур” (винтовки Ли-Метфорд, Ли-Энфилд и Энфилд Р14 калибра 7,71x56 мм, произведенные в конце XIX – начале XX вв.), автоматы Калашникова китайского, египетского, а также советского производства. Реже встречались более современные образцы автоматов и винтовок западных стран. Среди крупнокалиберных пулеметов наибольшее распространение получил 12,7 мм ДШК китайского производства. Кроме того, мятежники применяли ручные противотанковые гранатометы РПГ-2, РПГ-7, 60 мм и 82 мм минометы, безоткатные орудия, зенитные-горные установки. Также душманы использовали противопехотные и противотанковые мины в основном западного производства. Позднее, с 1981 г. у мятежников

появились китайские и египетские аналоги советского переносного зенитно-ракетного комплекса (ПЗРК) “Стрела-2”.

Для успешной борьбы с советскими и правительственными войсками оппозиционные партии и движения создали систему базовых районов, баз и центров военной подготовки мятежников. Эта система позволяла стабильно снабжать воюющие отряды мятежников оружием, боеприпасами и восполнять людские потери обученными бойцами.

В зоне ответственности 860 полка душманы регулярно обстреливали, преимущественно в ночное время, пункт постоянной дислокации полка, аэродром и отдельные сторожевые посты, совершали нападения на наши колонны, проводили террористические акты против представителей кабульских властей. После совершения обстрелов или организации засад душманы обычно быстро покидали местность, уходя в горы, либо, прятались среди местного населения в одном из ближайших населенных пунктов.

Как уже было сказано, в начальный период нахождения в Афганистане нам не хватало опыта ведения контрпартизанской войны в горной местности. И этот опыт нам приходилось приобретать непосредственно в боях, расплачиваясь за него очень высокой ценой – жизнями наших солдат и офицеров. Со временем были найдены и отработаны более эффективные формы и методы ведения боевых действий против душманов. Тем советским военнослужащим, которым пришлось служить в Афганистане после нас, было легче, потому что они могли опираться на уже накопленный опыт.

Для нашего полка, как впрочем и для большинства советских воинских частей введенных в Афганистан, основными формами боевой деятельности станут: проведение рейдов и более крупных по своему масштабу операций, организация засад, а также сопровождение транспортных автомобильных колонн.

1-ый батальон возвращается с рейда

Обычно после получения информации по линии военной разведки, от советских советников или афганских властей о нахождении в том или ином кишлаке душманов, туда направлялся рейдовый отряд для их поиска и уничтожения. Рейдовый отряд состоял, как правило, из одной или нескольких усиленных мотострелковых рот, который выдвигался либо на БМП, либо в пешем порядке.

Нередко душманы успевали покинуть кишлак, будучи предупрежденными местными жителями, о приближении советских войск. Поэтому, случалось, что рейдовый отряд, с целью застигнуть противника врасплох, выходил на задание для реализации разведданных в пешем порядке ночью. Действия отряда во время рейда при необходимости поддерживались вертолетами и полковой артиллерией. При проведении рейда в отдаленном или труднодоступном районе вертолетами высаживался воздушный десант.

6-ая рота на выполнении боевого задания

Для проведения рейдов и операций кроме сил нашего полка привлекались также и подразделения размещенного в Файзабаде 24 пехотного полка афганской армии. Должен отметить, что 24 пехотный полк, как впрочем и другие части афганской армии, не обладал высокой боеспособностью и не проявлял особого рвения в проведении самостоятельных боевых действий. Это объяснялось рядом факторов: плохим централизованным снабжением боеприпасами и основными видами довольствия, проникшей в армию внутривластной борьбой, интенсивной исламской пропагандой и др. Уже после ряда проведенных нашим полком весной 1980 г. операций, доверие к афганским подразделениям, как самостоятельным боевым единицам, резко пошатнулось. Во время боевых действий афганские подразделения, за редким исключением, неохотно выполняли поставленные боевые задачи, нередко паниковали и покидали место боя. В дальнейшем, во время проведения рейдов и операций на афганские подразделения возлагались в основном функции проверки блокированных силами нашего полка кишлаков, а также прикрытия флангов и тыла наших подразделений.

Набравшись опыта, мы стали проводить рейды по определенной схеме, которая позволяла сводить наши потери к минимуму. Силы полка обычно занимали высоты, окружающие кишлак, в котором находились душманы, и блокировали все выходы из него. Затем в кишлак входили приданные силы афганского полка или Царандоя (Министерства внутренних дел ДРА) вместе с местными партийными активистами, которые подавляли сопротивление оставшихся в кишлаке душманов и проводили поиск оружия.

По возможности, я старался избегать вхождения подразделений полка в кишлаки, чтобы минимизировать наши потери и не допустить инцидентов с гражданским населением. Если же зачистка кишлака, в силу обстоятельств, все же должна была быть проведена нашим подразделением, то я требовал от личного состава полка не заходить в дома афганцев. Проверку домов мы предоставляли афганским военнослужащим, сотрудникам Царандоя, ХАДа (службы государственной безопасности) или местным партийным активистам.

В отличие от рейдов, для проведения операций привлекались более крупные силы полка – до 2-х мотострелковых батальонов, а также афганские батальоны 24 пехотного полка. Кроме того, в операциях для огневой поддержки с воздуха и высадки тактического десанта широко применялись многоцелевые вертолеты Ми-8Т и ударные Ми-24. При необходимости могли быть задействованы и боевые самолеты армейской авиации.

Помимо проведения рейдов и операций, подразделения полка организовывали также засады на предполагаемых маршрутах движения вооруженных групп противника. Решение о проведении засады принималось после получения оперативных разведданных. Организация засад, как правило, возлагалась на разведывательную роту полка, которая действовала самостоятельно, либо совместно с другими подразделениями полка или афганскими силами.

Другой формой боевой деятельности с июня 1980 г. станет сопровождение боевыми подразделениями транспортных автоколонн, доставлявших из Союза в Файзабад необходимые полку грузы по маршруту Кундуз-Кишим-Файзабад.

Транспортная колонна на дороге Кишим-Файзабад

Крупные автоколонны на узких горных дорогах были удобными целями для нападений противника. На наш полк была возложена ответственность за сопровождение и охрану колонн на участке Кишим-Файзабад. Эта часть маршрута протяженностью в 110 км была очень сложной и опасной. Дорога проходила через 3 крупных моста, кишлаки и участки узкого горного серпантина. Благодаря хорошо поставленной разведке, душманы вовремя узнавали о подходе колонны, минировали дорогу и устраивали засады.

Для охраны и сопровождения колонн обычно по маршруту Кундуз-Файзабад и обратно выделялась мотострелковая рота или разведрота на БМП, усиленная подразделением саперов и самоходной зенитной установкой ЗСУ-23-4 “Шилка”. Во время сопровождения колонны мотострелки и танкисты из приданного полку танкового батальона перекрывали наиболее опасные участки маршрута и пропускали через них транспорт.

Поддержку с воздуха обычно обеспечивала пара вертолетов Ми-8Т “Файзабадской” эскадрильи.

Танкисты и мотострелки приступают к сопровождению автоколонны

Для военнослужащих полка, проводка колонн всегда считалась серьезным и опасным боевым выходом. Дело в том, что несмотря на все наши действия по усилению охраны маршрута, душманы не переставали устраивать засады и постоянно совершенствовали тактику минирования. Поэтому проводка колонн редко обходилась без подрывов техники и потерь с нашей стороны.

Операция в Джарме

В конце марта 1980 г. был получен приказ о проведении операции по поиску и уничтожению бандформирований в районе н/п Джарм. Районный центр Джарм являлся одной из основных перевалочных баз на пути караванов с боевиками и оружием из Пакистана на север Афганистана.

Во время подготовки к проведению операции нами были изучены разведывательные данные о составе сил и средств противника, особенностях местности и вероятных путях отхода из Джарма. Операцию по уничтожению бандформирования в районе н/п Джарм предписывалось провести высадкой общевойскового десанта от нашего полка и 24-го пехотного полка афганской армии с вертолетов Ми-8Т.

Для проведения операции было решено привлечь личный состав 2-го мотострелкового батальона, разведроты и подразделений 24-го пп – всего около 200 человек. На макете местности мы тщательно проработали все детали предстоящей операции.

Согласно плану операции вертолеты Ми-8Т, после нанесения ракетных ударов, осуществят высадку десанта. Десантирование в Джарме должно было начаться в 10 часов утра, а сама операция должна быть закончена к 16.00 часам, за 2 часа до наступления темноты.

Операция прошла успешно. Наше появление на вертолетах в Джарме застало противника врасплох. Душманы стали выбегать из домов, стремясь покинуть населенный пункт. Огонь с вертолетов произвел необходимый эффект – противник не смог оказать организованного сопротивления.

Высадившись с вертолетов, мы стали отдельными группами проводить прочесывание Джарма по заранее определенным направлениям.

После проверки очередного двора, я подошел к двери, выходящей на другую улицу. Со мной были командир взвода разведроты лейтенант Волков и один сержант. Открыв дверь, я неожиданно наткнулся на душмана, который, видимо хотел войти во двор дома. Столкнувшись со мной, душман в тот же миг направил на меня свой пистолет и нажал на курок. Но выстрел не произошел из-за осечки. Как потом выяснилось, патрон застрял в дуле пистолета.

Я нанес душману удар прикладом автомата в лицо, а лейтенант Волков с сержантом повалили его на землю. Задержанный нами душман оказался одним из главарей мятежников, действовавших в районе Джарма, по имени Асадулло.

Во время проведения операции над Джармом постоянно баражировали несколько наших вертолетов. Со мной находился авианаводчик. Вертолетчики в этой операции сработали очень хорошо. Душманы не смогли организовать серьезного сопротивления и бежали из города, попадая под огонь наших вертолетов.

Тщательно подготовленная операция прошла согласно плану. Мы успешно выполнили поставленную перед нами задачу. Нам удалось избежать потерь, лишь несколько человек получили легкие ранения. В результате операции была разгромлена довольно крупная группировка противника численностью около 200 человек. Было уничтожено около 60 душманов, а еще несколько десятков взяты в плен.

Несмотря на то, что душманы понесли чувствительные потери, нам было ясно, что после нашего ухода они вскоре вновь вернуться в Джарм и продолжат использовать его в качестве перевалочной базы.

После окончания операции я задал через переводчика плененному Асадулло несколько вопросов. Он держался спокойно. Ответив на мои вопросы, Асадулло сказал мне:

– Аллах спас тебя.

Я спросил, что он имеет в виду. Тот ответил:

– Я воюю много лет и впервые мое оружие дало осечку.

Пленные душманы

Операция в Бахараке

27 марта, на следующий же день после проведения операции в Джарме, мною был получен новый приказ командующего 40-й армией – провести 30 марта десантную операцию с целью уничтожения группировки мятежников в районе уездного центра Бахарак.

Бахарак располагался в 40 км юго-восточнее Файзабада. После ввода нашего полка в провинцию Бадахшан и размещения подразделений полка гарнизонами в Файзабаде и Гульхане, Бахарак превратился в один из основных центров мятежного движения в Бадахшане.

Как и во время операции в Джарме, в Бахараке планировалась высадка десанта с вертолетов Ми-8Т. Для усиления огневой поддержки с воздуха в операции должны были быть задействованы вертолеты Ми-24. С целью координации действий авиации во время проведения операции в Файзабад был направлен начальник штаба ВВС 40 армии генерал-майор Пашков.

Я считал, что у нас недостаточно информации для проведения операции в указанный срок. Дело в том, что у нас не было точных данных о численности противника, его

вооружении и расположении площадок, удобных для десантирования. Нам было лишь известно в каком доме располагается штаб душманов. Успех только что проведенной нами десантной операции в Джарме не мог гарантировать подобного успеха в Бахараке. Ведь душманы, понеся тяжелые потери в Джарме, наверняка повысят бдительность и усилят оборону Бахарака – ближайшего к Джарму центра мятежного движения.

Учитывая эти обстоятельства, я полагал, что нам нужно время для надлежащей подготовки операции. Однако, руководитель оперативной группы САВО полковник В. А. Теодорович и генерал-майор Пашков не разделяли моих опасений. Пашков заявил, что к операции будут привлечены сверхзвуковые самолеты, пролет которых над Бахараком оглушит и деморализует противника, что облегчит проведение операции.

Мое предложение о переносе сроков проведения операции для ее более тщательной подготовки было отклонено.

Для проведения операции было решено привлечь личный состав 2-го мотострелкового батальона, разведроты и подразделений 24 пехотного полка афганской армии.

Согласно плану операции, вертолеты Ми-8Т с десантом на бортах должны были лететь к месту высадки парами по нескольким направлениям. Как непосредственному руководителю операции мне предстояло действовать на главном направлении. Мы должны были высадиться на поле, которое располагалось ближе всего к дому, где по нашим данным находился штаб душманов.

Утром 30 марта 1980 года мы начали операцию, которая станет для меня самой тяжелой за все 3 года службы в Афганистане.

Обещанные генерал-майором Пашковым самолеты в операции не были задействованы. Вместе с разведчиками я летел во втором ведомом вертолете своего направления. В каждом вертолете летело по 10 человек десанта. Когда два

вертолета стали снижаться, по нам был открыт очень сильный огонь из крупнокалиберных пулеметов и стрелкового оружия. По всей видимости противнику стало заранее известно о планируемой нами операции и они встретили нас на хорошо подготовленных и скрытых огневых позициях. Утечка информации могла произойти через военнослужащих 24 афганского пехотного полка.

В результате сильного обстрела из крупнокалиберного пулемета ДШК был подбит ведущий вертолет нашего направления, которым управлял капитан Юрий Власов. В этом вертолете летели разведчики во главе с командиром разведроты ст. лейтенантом Владимиром Андросенко. Разведчики успели десантироваться, а экипажу вертолета удалось совершить вынужденную посадку во дворе одного из домов.

При снижении нашего вертолета к полю для посадки, мы заметили, что оно покрыто водой. Я тут же сказал летчику майору Льву Туктареву:

– Нельзя садиться, нужно зависать.

Вертолет завис на высоте примерно одного-двух метров от земли и под сильным огнем противника мы стали прыгать в воду. Как оказалось, мы десантировались на залитое водой рисовое поле. Оказавшись с автоматом в руках в воде, я почувствовал, что ноги глубоко увязли в иле. Душманы вели по нам сильный огонь с трех сторон, с расстояния примерно 70-90 м с подготовленных позиций. Мы же были как на ладони и оказались в очень тяжелой ситуации. Как потом нам стало известно, противник сосредоточил свои основные силы и крупнокалиберные пулеметы ДШК на нашем направлении.

К чести разведчиков надо сказать, что оказавшись в критической ситуации, они не растерялись и приняли бой, открыв ответный огонь. От сильного огня противника сразу погибли радист, младший сержант Малоков и ротный пулеметчик рядовой Кулагин из 2-го мсб. Еще несколько

разведчиков, из летевшей со мной десантной группы были ранены.

Рядового Сергея Кулагина я знал еще до ввода полка в Афганистан. Он выделялся своими физическими данными, и когда в 1979 г. в полку были проведены соревнования по борьбе, Сергей занял первое место в тяжелом весе.

Я остался без связи, так как рация Малюкова оказалась в воде. В этот момент я услышал голос прапорщика Петренко из разведроты:

- Товарищ подполковник, вы как?
- Нормально. Сколько у нас погибших и раненных?
- Мне известно о двух убитых.

Передвигаться в вязкой грязи рисового поля было очень тяжело. С большим трудом под огнем противника мне удастся минут за 10 преодолеть 15 метров и выбраться на сухую землю, где я смог укрыться от огня за большим валуном.

Справа и слева от нас послышалась перестрелка. К рисовому полю стали приближаться разведчики из сбитого вертолета. Другие вертолеты поддержали нас огнем с воздуха. Огонь душманов ослаб.

Я решил укрыться за большим деревом, находившимся недалеко от меня. Но как только я, встав во весь рост, выглянул из-за валуна, как тут же в 15 метрах от себя увидел душмана с винтовкой “Бур” в руках. Видимо душман, также как и я, только что вышел из укрытия, намереваясь сменить свою позицию. Наши взгляды встретились. Мы оба одновременно подняли свое оружие и выстрелили.

Судьба уберегла меня и на этот раз. Я опередил душмана на долю секунды, а мой побывавший в воде автомат АК-74 не подвел – очередь прошла тело душмана снизу вверх. Пуля, выпущенная из винтовки душмана, попала в валун, осколок которого поранил мою голень.

Дойдя до дерева, я увидел, что ствол внутри оказался полым. Я боком залез туда. Минут через пять ко мне подбежал

командир разведроты ст. лейтенант Владимир Андросенко. В его десантной группе также были погибшие и раненые. У него самого был прострелен палец на руке.

Я связался по радиации с действующим на другом направлении начальником штаба 2-го мотострелкового батальона капитаном Хромовым и приказал ему изменить направление и двигаться в нашу сторону. Сам же, вместе со способными продолжать бой разведчиками, двинулся к штабу душманов. Подойдя к дому, где находился штаб, разведчики закидали его гранатами. Штаб оказался пустым, душманы успели уйти.

После того, как к нам подоспела помощь, мы продолжили зачистку Бахарака, уничтожая отчаянно сопротивлявшихся душманов.

На других направлениях душманы не оказали такого сильного сопротивления. После завершения боя, мы нашли подбитый вертолет, экипаж которого к этому времени уже был эвакуирован вертолетом капитана В. Оболонина. В то же время, в результате обстрела душманами вертолета майора В. Гайнутдинова, получил тяжелое ранение и вскоре скончался бортмеханик ст. лейтенант Кошелев.

Так как быстро отремонтировать вертолет было невозможно, командование 181 вертолетного полка передало мне приказ командующего ВВС 40-й армии об уничтожении подбитого вертолета.

В результате проведенной операции душманы понесли серьезные потери. Только убитыми они потеряли более 100 человек. Еще около десятка душманов были взяты в плен. Рядом со штабом душманов в арыке, отведав воду, мы обнаружили более 20 единиц стрелкового оружия, в том числе и 4 пулемета.

Один из пленных сообщил нам, что им были известны дата и время проведения нами операции в Бахараке.

Завершив операцию, мы на вертолетах вернулись в Файзабад. Так закончилась операция в Бахараке, в которой мы

потеряли вместе с бортмехаником 6 человек убитыми, а еще более десяти было ранено. Я, как и многие другие, тяжело переживал гибель наших ребят. Ведь этих потерь можно было избежать. По возвращении в Файзабад у меня состоялся жесткий разговор с представителем ВВС 40-й армии и полковником Теодоровичем, которые не поддержали мое предложение об отсрочке проведения операции.

Должен сказать, что эта операция стала для меня неким водоразделом. Я тщательно анализировал результаты операции и причины наших потерь.

Основной причиной наших потерь явилось отсутствие точной информации о противостоящем нам в Бахараке противнике и местности, на которой предстояло проводить операцию. Операция в Бахараке также показала, что находившееся в Кабуле, далеко от нас, командование 40-й армии, отдавая приказы о проведении операций, не могло в полной мере учесть все особенности обстановки в зоне ответственности полка в провинции Бадахшан.

Кроме того, мы уже почти 3 месяца находились в Афганистане и к нам постепенно приходило понимание того, что советские войска фактически оказались втянутыми в гражданскую войну афганского народа, большинство которого не приняло новой афганской власти.

Учитывая все эти факторы, я пришел к решению, что впредь для меня, как для командира полка, на котором лежит ответственность за жизнь вверенных мне людей, главным приоритетом становится сохранение жизни личного состава полка, а не выполнение приказов командования любой ценой. Этим принципом я и руководствовался все последующие годы моей службы в Афганистане.

Командир полка подполковник А.Т. Арутюнян с разведчиками

В апреле 1980 г. полк продолжал, правда уже не так часто как в марте, проводить рейды вокруг Файзабада и Гульханы, а также осуществлять дежурными подразделениями поиск душманов с бортов вертолетов в направлении Кишим, Бахарак, Джарм, Истукаль и Санглич.

18 апреля в Файзабаде произошел трагический случай. Стоящую на боевом дежурстве на окраине Файзабада БМП из 4-й мотострелковой роты селевым потоком, возникшим после сильного ливня, унесло в реку Кокча. Сильно поврежденная БМП и тела 5-х членов боевого расчета были найдены в нескольких километрах ниже по течению реки, а тело шестого так и не было найдено.

8 мая 1980 г. в канун Дня Победы в полк прибыл первый заместитель начальника Генерального Штаба Министерства Обороны СССР генерал армии С.Ф.Ахромеев для вручения

государственных наград командному составу 860 полка и летчикам 3-й эскадрильи 181 вертолетного полка.

Офицеры 860-го мотострелкового и 181-го вертолетного полков после получения государственных наград. Файзабад, 8 мая 1980 г.

Звания Героя Советского Союза, одними из первых в Афганистане, были удостоены заместитель командира 181-го отдельного вертолетного полка майор Вячеслав Гайнутдинов и командир 3-й эскадрильи майор Василий Щербаков. Каждому из них удалось под огнем противника подобрать и спасти экипаж подбитого вертолета.

Подполковник А.Т. Арутюнян награжден орденом “Красного Знамени”. Файзабад, 8 мая 1980 г.

За успешное выполнение боевой задачи при совершении марша Ош-Хорог-Файзабад были награждены: орденом “Ленина” – подполковник Кудлай В.С. и полковник Теодорович В.А.; орденом “Красного Знамени” – я и начальник политотдела майор Архангельский В.И.; орденом “Красной Звезды” – начальник штаба полка майор Нестеров В.Д., заместитель командира полка по вооружению майор Никитин В.Н. и заместитель командира полка по тылу подполковник Терещенко В.М.; орденом “За службу Родине в ВС СССР 3-й степени” – начальник бронетанковой службы полка майор Машляковский Н.А. и начальник химической службы полка майор Новиков.

Через несколько дней в Файзабад прибыл начальник штаба 17 армейского корпуса генерал-майор Панкратов для вручения

правительственных наград остальным награжденным
военнослужащим нашего полка.

Отношения с афганскими властями провинции Бадахшан

С первых дней пребывания в Файзабаде командование полка установило тесные связи как с командованием 24 афганского полка, так и с местными гражданскими властями. Как командование 40 армией, так и маршал Соколов придавали большое значение установлению хороших отношений с местными властями. По прибытии полка в Файзабад вышестоящее начальство поставило командованию полка задачу оказывать содействие гражданским властям провинции Бадахшан в деле восстановления школ, больниц и в других жизненно важных для населения вопросах. Помимо этого, мы помогали руководству провинции посещать с помощью вертолетов нашей эскадрильи те труднодоступные населенные пункты, добраться до которых автотранспортом было невозможно.

Кроме того, быстро выявилась необходимость оказания медицинской помощи гражданскому населению. Поэтому во время очередного прибытия в Файзабад маршала Соколова, я обратился к нему с просьбой разрешить оказывать медицинскую помощь женщинам, детям и старикам на базе полкового медицинского пункта. Соколов согласился и распорядился, в ответ на мое предложение, увеличить снабжение медицинской службы полка необходимыми средствами.

Посадка “Дерева дружбы” вместе с представителями властей провинции Бадахшан и гражданского населения

Каждую пятницу руководство провинции Бадахшан и города Файзабада приходили к нам в полк в гости. С нашей стороны во встречах участвовали мои заместители и другие офицеры. По сложившейся традиции, в непринуждённой и дружеской обстановке мы обсуждали интересующие обе стороны вопросы. Пятничные обсуждения заканчивались совместными обедами. Угощения наши были скромными. Но гости с удовольствием ели тушёнку с макаронами, не отказывались и от фронтовых 100 граммов.

Должен сказать, что у меня с местными властями, сложились не просто тесные, а я бы сказал доверительные отношения, которые продолжались до самого конца моего пребывания в Афганистане, несмотря на смену трех губернаторов.

Однажды, во время моего посещения губернатора Роси в Файзабаде, ему от агентов пришло известие о том, что душманы узнали о прибытии в город командира полка и

готовят на него покушение. Губернатор Роси распорядился выставить на всем протяжении дороги от резиденции губернатора до нового полкового лагеря военнослужащих 24 полка и надежных местных жителей для обеспечения безопасного проезда командира полка.

Командир полка подполковник А.Т. Арутюнян получает подарок от губернатора провинции Бадахшан

Местные власти, в ответ на нашу всестороннюю помощь населению, всегда были рады оказать полку необходимую поддержку. Так, когда было принято решение о строительстве пункта постоянной дислокации полка на новом месте, я обратился к губернатору с просьбой найти около 100 мужчин, имеющих навыки работы с камнем. При участии губернатора мастера были найдены и с их помощью нам удалось быстро построить отдельные объекты инфраструктуры полкового городка: столовую, баню, продовольственные склады, ограждения и др. Впоследствии, представители командования

40-й армией, увидевшие новый полковой городок, удивлялись тому, как быстро он был построен.

На приеме у губернатора Бадахшана в Файзабаде

Операция по захвату базы мятежников на горе Санги Дуздан

К июню 1980 г. до Файзабада дошла отставшая и временно вышедшая из строя во время совершения марша Ош-Хорог-Файзабад техника полка. В Файзабаде были собраны основные силы полка за исключением 3-го мотострелкового батальона, находившегося в Гульхане.

Следует отметить, что к лету 1980 г. 860-ый отдельный мотострелковый полк, регулярно проводивший рейды по поиску и уничтожению бандформирований мятежников в зоне своей ответственности, уже приобрел приличный опыт ведения боевых действий в горных условиях Афганистана, окреп и был в состоянии проводить более крупные операции.

В это время большую активность проявляло вооруженное формирование душманов, возглавляемое полевым командиром Гульдодом.

Гульдод был влиятельным полевым командиром в провинции Бадахшан и руководил самым большим вооруженным формированием, известным под названием “полк Гульдода”. Силы Гульдода базировались на массивной горе Санги Дуздан (высота 2700), расположенной в 10 км севернее Файзабада и, практически, нависавшей над ним.

Название горы Санги Дуздан переводили и как “Камень воров”, и как “Большой камень”.

На этой горе имелось множество пещер. На склонах располагались врезанные в скалы небольшие кишлаки, к которым вели узкие тропы. Гора представляла собой естественную крепость, которую защищал опытный противник, грамотно использующий ее рельеф для построения многоярусной обороны. Уничтожение бандформирований мятежников и захват их базы в таких условиях являли собой весьма сложную задачу для нашего полка.

Согласно местным преданиям, гору Санги Дуздан в свое время попытались захватить войска Александра Македонского, а гораздо позднее, в XIX веке, английский корпус. Но ни тем, ни другим не удалось захватить Санги Дуздан.

Командование 40-й армией, регулярно получая от меня доклады об оперативной обстановке в районе Файзабада, пришло к выводу, что для ее улучшения необходимо провести крупную операцию по уничтожению бандформирований мятежников, базирующихся западнее и севернее Файзабада, и захвату базы Гульдода на горе Санги Дуздан.

О значимости планируемой операции говорит тот факт, что решение о ее проведении принималось на уровне руководителя оперативной группы Министерства Обороны СССР, первого заместителя Министра Обороны СССР маршала Соколова. Операция была спланирована в штабе 40-й армии при участии заместителя начальника Генерального штаба МО СССР генерала-армии Ахромеева. Согласно плану операции, двум мотострелковым батальонам 149-го мотострелкового полка и 783-му отдельному разведывательному батальону 201-ой мотострелковой дивизии и подразделению 75-го пехотного полка 20-ой пехотной дивизии афганской армии предстояло действовать в направлении на Файзабад с запада, из района Карамакара. А 1-

ый и 2-ой мотострелковые батальоны нашего полка вместе с двумя батальонами 24-го пехотного полка афганской армии должны были из исходных районов сосредоточения совершить пеший марш в горах по двум отдельным маршрутам и к исходу четвертых суток блокировать и уничтожить бандформирование Гульдода, захватить базу мятежников на горе Санги Дуздан.

Должен заметить, что наш полк с момента ввода в Афганистан еще не проводил таких крупных по размаху операций. Предстоящая операция была тщательно спланирована и хорошо подготовлена. Перед операцией генерал армии Ахромеев провел совещание, во время которого на макете местности со всеми офицерами, которым предстояло участвовать в операции, от командира роты и выше были обсуждены все основные детали предстоящей операции.

Для смены 1-го мсб 860 полка, обеспечивающего охрану аэродрома в Файзабаде, по воздуху к нам был переброшен десантно-штурмовой батальон 56-й десантно-штурмовой бригады. Бригадой командовал мой друг, подполковник Александр Плохих. Подполковник Плохих прибыл в Файзабад со своим батальоном. Мы оба были рады этой встрече, так как за время совместной учёбы в Военной академии им М.В. Фрунзе очень подружились, а после ее окончания встречаться нам не приходилось.

Всем офицерам 1-го мсб кроме подготовки своих подразделений к проведению многодневного рейда надлежало ввести в курс дела офицеров-десантников: передать в тактическое подчинение боевые машины пехоты вместе с экипажами, помочь организовать систему огня в обороне, провести совместные рекогносцировки и т.п. Офицеры 1-го мсб справились с этой задачей и батальон успел своевременно и качественно подготовиться к участию в проведении Сангидузданской операции.

Во 2-ом мсб по объективным причинам имелась нехватка офицеров. Так в 6-ой роте Сергея Беликова в предстоящей операции могли принять участие всего три офицера.

9 июня подразделения полка совершили марш к подножию Санги Дуздан. Операция должна была начаться 10 июня на рассвете. 9 июня и на следующий день, непосредственно перед началом наступления, были нанесены ракетно-бомбовые удары истребителями-бомбардировщиками Су-17 и боевыми вертолетами Ми-24Д по местам предполагаемого нахождения противника. По целям на горе Санги Дуздан был также нанесен удар реактивной системой залпового огня “Град-1”, которую пришлось поднять на г. Джалгар, чтобы огонь установки мог достичь позиций душманов.

Общее руководство операцией осуществлял генерал армии Ахромеев, который находился в Кундузе.

Я управлял силами и средствами полка, которые привлекались к Сангидузданской операции, с командного пункта (КП), который был развернут на базе нашего поста наблюдения, находящегося на горе Джалгар. Мне предстояло докладывать о ходе операции лично Ахромееву каждые четыре часа, а в случае изменения оперативной обстановки – немедленно.

На командном пункте полка во время проведения Сангидузданской операции. Гора Джалгар, июнь 1980 г.

Утром 10 июня 1980 г. 1-ый мсб со средствами усиления, во главе с командиром батальона капитаном Павленко и 2-ой мсб со средствами усиления, во главе с командиром батальона капитаном Зябликовым начали движение по утвержденным маршрутам. Поддержку выдвигающихся подразделений с воздуха обеспечивали две пары вертолетов Ми-8Т 3-й эскадрильи 181-го отдельного вертолетного полка. Они вели воздушную разведку и уничтожали мелкие группы душманов, препятствующих своим огнём движению наших подразделений по указанным маршрутам. Каждому батальону пришлось осуществлять пеший марш по узким горным гребням в колонну по одному, медленно поднимаясь по крутым склонам Санги Дуздана к его вершине.

Подполковник А.Т. Арутюнян руководит операцией. В центре – военный советник афганского 24-го полка подполковник П. Петровский, а справа - командир радиовзвода роты связи полка лейтенант Сергей Пивень

В первый день операции, вначале оба батальона со свежими силами успешно продвигались вверх, несмотря на то, что условия подъема были очень тяжелые. Ведь сам подъем в гору в условиях летней афганской жары в полном снаряжении, с оружием и многодневным запасом боекомплекта усложнял и без того нелегкую задачу. Здесь наглядно заявила о себе отмечаемая в военном искусстве истина: в горах у солдата два врага – это собственно противник и горы. В начале подъема душманы не оказывали сильного сопротивления, ограничившись обстрелами с дальних дистанций.

По мере подъема, продвижение 2-го батальона стало замедляться и во второй половине дня командир 2-го мсб капитан Зябликов сообщил мне по рации:

– Батальон выбился из сил, многие получили солнечный удар. Не хватает воды. Батальон не может продолжать движение наверх.

По изменившемуся голосу Зябликова я понял, что он себя плохо чувствует. Капитан Зябликов всегда грамотно и уверенно командовал батальоном, но в этот раз я впервые услышал от него слово “не могу”. Я понял, что положение 2-го мсб очень серьезное. Следовало как можно скорее оказать батальону необходимую помощь.

С помощью вертолетов была организована доставка воды на маршрут движения 2-ого мсб. Вертолеты, где это было возможно, зависали и спускали канистры с водой на телефонном кабеле или попросту сбрасывали. Однако вода доходила не до всех, так как личный состав батальона растянулся сверху вниз по крутому склону длинной цепью.

Нужно было срочно решать вопрос дальнейших действий 2-го мсб. С одной стороны надо было спасти людей и восстанавливать боеспособность подразделения. А это значит надо остановить движение и спустить батальон с крутого склона горы. С другой стороны – остановка движения одного из двух батальонов могла привести к срыву всей операции.

Еще неизвестно, как отреагирует находящийся в Кундузе генерал армии Ахромеев, если я предложу ему спустить вниз 2-ой мсб. Он мог не согласиться с моим предложением или согласиться не сразу, а в сложившейся ситуации важен был каждый час.

Я посоветовался с начальником штаба полка капитаном Валерием Нестеровым и начальником политотдела полка майором Владимиром Архангельским. Взвесив все аргументы, заручившись их поддержкой и взяв всю ответственность на себя, принимаю решение – для оказания помощи личному составу, не ставя в известность вышестоящее командование, приказать 2-му батальону прекратить движение наверх и остановиться в более защищённом от огня противника месте.

Приходилось идти на большой риск, но иного выхода у меня не было. Одновременно, 1-му батальону было приказано остановить продвижение к объекту атаки. Поняв, что комбат Зябликов сильно сдал физически, я отдал распоряжение начальнику штаба 2-го мсб капитану Хромову, временно принять командование батальоном. В этом ему оказывал помощь замполит батальона майор Кузнецов Н. Н.

В то же время, я продолжал докладывать Ахромееву о медленном продвижении к вершине обоих батальонов. К исходу первого дня, как и планировалось, командный пункт полка переместился на вертолётах с г. Джалгар к прилегающему к Санги Дуздану горному хребту севернее Файзабада. Новое место КП оказалось недалеко, примерно в 1,5-2 км от 2-го мсб, на удалении зрительной видимости.

Слева направо – заместитель командира 181-го вертолетного полка майор В.К. Гайнутдинов, зам. командующего ВВС округа, начальник штаба полка капитан В.Д. Нестеров, советник 24-го полка афганской армии полковник Н. Кулагин, подполковник А.Т. Арутюнян

Утром следующего дня мы на КП увидели как тяжело личный состав 2-го батальона поднимался в новое наступление. Тревога и беспокойство за обстановку во втором батальоне нарастала. Мы ясно понимали, что командованию батальона необходимо оказать помощь и поддержку непосредственно на месте.

В этой ситуации начальник политотдела майор Архангельский вызвался перейти в расположение 2 мсб. Я осознавал опасность такого перехода, но, в тоже время, понимал, что так надо, это война и на войне иначе не бывает. Не сказав ни слова, а только пожав руку, я разрешил майору Архангельскому покинуть командный пункт полка.

Майор Архангельский, прибыв в новый район сосредоточения 2-го мсб, доложил мне:

– Положение в батальоне еще тяжелее, чем мы предполагали.

Я спросил, что нужно сделать для помощи батальону. Архангельский ответил:

– Отдых личному составу и много воды.

Я приказал заместителю по тылу полка майору Терещенко собрать все емкости, какие только можно найти для доставки воды в подразделения батальона. Вертолеты, сделав несколько рейсов, доставили все необходимое. Наиболее сильно пострадавший личный состав был переправлен вертолетами в полковой лагерь.

Район, в котором временно сосредоточился 2-ой мсб представлял собой открытую площадку, которая могла беспрепятственно обстреливаться душманами со всех направлений. Поэтому было принято решение переместить подразделения батальона ниже по склону горы, в более безопасный район сосредоточения.

Командир минометной батареи 2 мсб капитан Болотин для перевозки мин к 82 мм миномету при подъеме в горы использовал 18 ослов, взятых в одном из кишлаков во временное пользование. Наша боеспособность в горах во многом определялась наличием мин и их количеством. Во время проведения операций в горах солдаты несли на себе свыше 30 кг своего снаряжения, и им было очень трудно поднимать в горы дополнительно еще и 82 мм мины. Ослы могли перевозить по 18-20 мин, размещенных в хурджинах. Когда же появилась необходимость переместить 2-ой мсб в более безопасный район, то Болотин организовал перевозку на ослах наиболее ослабленных солдат.

После нескольких часов отдыха батальон стал оживать. Офицеры батальона во время коллективных и индивидуальных бесед с солдатами и сержантами, активно обсуждали и обобщали способы экономии сил при движении в горах в условиях летней жары. Инструктировался комсомольский актив батальона. Через несколько часов капитан Зябликов доложил, что личный состав 2-го мсб готов возобновить участие в операции и начать подъем наверх.

Мы приняли решение вывести 2-ой мсб на направление движения 1-го мсб. С батальоном пошел и начальник

политотдела полка майор Архангельский. 2-ой мсб после отдыха был столь решительно настроен, что ему удалось уже к вечеру догнать 1-ый мсб. Капитан Зябликов бодрым голосом доложил мне, что 2-ой мсб догнал 1-ый мсб. Я был рад за него и за весь батальон.

С подходом 2-го мсб, 1-й батальон вместе с афганским пехотным батальоном переместился в новый район сосредоточения и начал блокировать вершину горы, так называемый “Зуб” с северо-западного направления. А 2-ой мсб продолжил подъем по основному направлению.

Население кишлаков расположенных на горе уходило из них по мере продвижения наших войск. На определенной высоте 2-й батальон был остановлен плотным огнем душманов. Но батальону удалось подавить сопротивление противника и он приступил к блокированию “Зуба” с юго-западного направления.

Сопротивление душманов нарастало по мере приближения наших батальонов к вершине горы. Приблизившись к “Зубу”, 1-ый мсб натолкнулся, на хорошо организованную многоярусную оборону душманов. Единственную проходимую тропу к вершине горы прикрывали многочисленные грамотно оборудованные в инженерном отношении огневые точки. Обстрел душманами наших подразделений велся из крупнокалиберных и ручных пулеметов, автоматов и винтовок, а также периодически из 82 мм минометов. Плотность огня противника была настолько высока, что дальнейшее продвижение наших подразделений без больших потерь было невозможно.

Я отдал приказ командирам батальонов закрепиться на достигнутых рубежах, провести разведку опорных пунктов мятежников, готовить свои подразделения к штурму “Зуба” и захвату базы Гульдода на горе. Для успешного штурма “Зуба” и в целом выполнения плана операции необходимо было провести перегруппировку всех сил и средств, привлекаемых к выполнению боевой задачи, блокировать бандформирование

Гульдода и максимально подавить его огневые точки, а также обеспечить наши батальоны боеприпасами, водой и продовольствием.

Обеспечение батальонов давалось нам с большим трудом. Доставка боеприпасов, воды и продуктов питания осуществлялась вертолетами под постоянным огнем душманов. При выполнении этой ответственной задачи наши вертолетчики творили чудеса. Так, Вячеслав Гайнутдинов впервые применил прием, когда вертолет, зависая на несколько минут, упирался колесом в скалу и за это время происходила выгрузка груза и погрузка раненых.

Подготовка подразделений к штурму “Зуба” проводилась более суток под постоянным огневым воздействием мятежников. Со мной по радиостанции связался командир 1-го мсб капитан Павленко и доложил, что в ходе планирования штурма “Зуба” батальоном, от командира 1-ой мотострелковой роты старшего лейтенанта Сергея Андрианова поступило предложение – атаковать душманов ночью.

Нужно отметить, что генерал армии Ахромеев всегда требовал начинать боевые действия с утра. Душманы уже привыкли к таким действиям наших войск и штурм “Зуба” в светлое время суток под сильным и точным огнем противника мог привести к большим потерям. Проведение же атаки ночью в горах – это одно из самых сложных условий ведения боевых действий, которое требует тщательнейшей подготовки, но оно давало такое существенное преимущество, как внезапность.

Я попросил командира батальона капитана Павленко изложить свои соображения о предстоящем штурме “Зуба”.

Решением командира батальона на штурм предусматривалось, что:

– штурмовые группы 1-ой мср и 2-ой мср должны будут скрытно, обходя выявленные огневые точки душманов, подняться на вершину “Зуба” и занять исходное положение для атаки;

– 3-я мср, блокируя подножье "Зуба" на направлении сосредоточения батальона, должна быть в готовности из всех видов оружия вести огонь по выявленным огневым точкам противника и уничтожать душманов, которые попытаются прорваться из своих опорных пунктов;

– по установленному сигналу штурмовые группы 1-ой мср и 2-ой мср должны будут атаковать опорные пункты, огнем из автоматов и ручными гранатами уничтожить в них душманов, в это же время, 3-я мср сосредоточенным огнем из всех видов оружия должна подавить огневые точки противника и уничтожить душманов, которые попытаются прорваться из своих опорных пунктов;

– атаку предлагалось начать в 3 часа ночи.

Штурмовые группы 1-ой мср и 2-ой мср предлагалось создать только из стрелков-автоматчиков. Эти группы должны были подниматься на вершину горы налегке, имея при себе только автоматы с боекомплектом и ручные гранаты. Пулеметчиков и гранатометчиков 1-ой мср и 2-ой мср предлагалось временно передать в тактическое подчинение командира 3-ей мср.

Оценив предложенный командиром батальона вариант штурма "Зуба", взвесив все аргументы за и против, я ответил Валерию Павленко:

– Решение утверждается, разрешаю штурмовать ночью. Будь осторожен, не потеряй людей!

Перед полуночью 1-ая мср начала скрытное выдвижение и подъем на вершину Санги Дуздана. Первым начал выдвижение 1-ый мотострелковый взвод под командованием лейтенанта Зиновьева, который вел разведку, прокладывал маршрут и в целом обеспечивал успешный подъем штурмовых групп на "Зуб". Подъем на вершину осуществлялся в крайне сложных условиях. Крутизна скатов на маршруте зачастую превышала 70°, приходилось не идти, а практически ползти в полной темноте, без приборов ночного видения, обходя огневые точки

душманов. Малейшая ошибка могла не только сорвать выполнение боевой задачи, но и стоить жизни личному составу всей роты. Примерно в 2 часа 50 минут штурмовая группа 1-ой мср под командованием командира роты старшего лейтенанта Андрианова поднялась на “Зуб” и заняла исходное положение для атаки, а в 3.00 атаковала душманов на их позициях с тыла. Одновременно с атакой штурмовой группы 1-ой мср, ротные и крупнокалиберные пулеметы 3-ей мср открыли огонь по ранее выявленным огневым точкам мятежников.

Моя радиостанция находилась в режиме “дежурного приема” на частоте 1-го мсб. Всю ночь я не отходил от радиостанции, а перед самым началом атаки услышал, как командир 1 мср Андрианов отдает приказ штурмовой группе:

– Примкнуть штыки!

Должен сказать, что за все время моей службы в Афганистане, это был первый и последний случай, когда в полку был отдан приказ примкнуть штыки. Вскоре у вершины разгорелся отчаянный бой. Мы с КП полка на горе Джалгар видели интенсивную перестрелку трассирующими пулями и взрывы гранат. Ожесточенный бой длился около 30 минут и в какой-то момент я услышал в наушниках радостный голос Сергея Андрианова:

– “Береза” у “Зуба”, “Береза” у “Зуба”, духи сдаются, духи бегут!

“Береза” был позывной командира 1-ой мср. Спустя минуту комбат Павленко докладывает мне:

– “Береза” у “Зуба”, высота взята.

Я от радости, в нарушение инструкций, кричу открытым текстом:

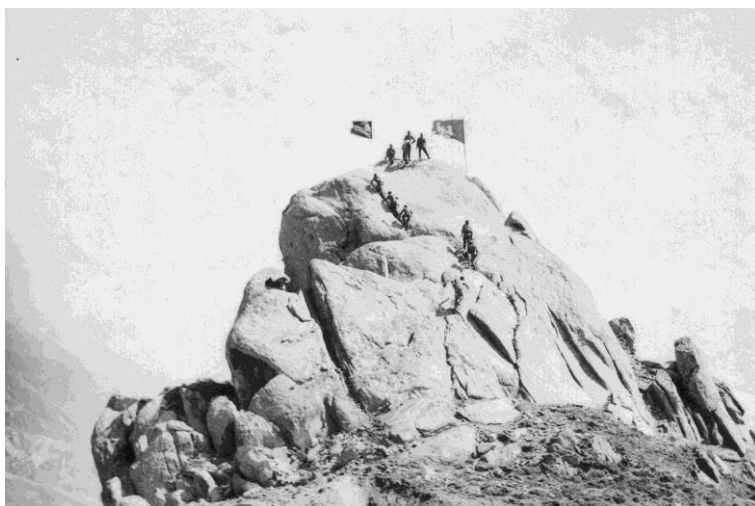
– Павленко, дорогой, ты не ошибся? Повтори, что ты сказал?

Он отвечает:

– Андрианов у “Зуба”, высота наша, душманы сдаются. Смотрите салют и отмените авиационный удар!

Через несколько минут над “Зубом” в воздух взлетела серия красных, зеленых и белых ракет.

Мы на КП полка не сдерживали радостных эмоций, но пришлось срочно связываться с командным пунктом авиации и отменять запланированный на 4.00 ракетно-бомбовый удар истребителей-бомбардировщиков Су-17 по вершине горы Санги Дуздан. Команда на отмену удара поступила вовремя и самолеты просто с ревом пронесли над склонами горы Санги Дуздан, отсалютовав этим еще раз нашу победу.

Вершина горы Санги Дуздан взята воинами 860-го полка. Июнь 1980 г.

Общеизвестно, что именно во время войны раскрываются в полной мере подлинные качества и способности офицера. Командир 1-ой мотострелковой роты старший лейтенант Сергей Андрианов во время мирной службы в Оше отличался буйным характером. А в Афганистане он проявил себя как грамотный, храбрый и инициативный командир роты. Сергей Андрианов безусловно был одним из лучших офицеров полка. За взятие "Зуба" командир 1-ой мср старший лейтенант Андрианов и командир 1-го мотострелкового взвода этой роты лейтенант Зиновьев были достойны получения звания Героя Советского Союза.

Заместитель 181-го вертолетного полка майор Вячеслав Гайнутдинов (слева) и командир 1-ой роты 1-го мсб старший лейтенант Сергей Андрианов, 1980 г.

После взятия вершины я испытал огромное облегчение. Во-первых, оба моих рискованных решения – остановить продвижение 2 мсб вверх и разрешить ночной штурм “Зуба”, – себя оправдали. А во-вторых, взятие вершины означало окончание сложной операции, которая измотала личный состав не только мотострелковых батальонов, но и других подразделений, участвовавших в ней.

К сожалению, не обошлось без потерь. При подходе 2-го мсб к последнему перед “Зубом” оборонительному ярусу под миномётным огнём душманов погиб ефрейтор А.С. Пугач. А в ночном штурме высоты 1-ым мсб тяжёлое ранение в плечо из

крупнокалиберного пулемёта получил рядовой Грауберг. И только благодаря своевременной оказанной первой медицинской помощи, а также самоотверженным действиям вертолётчиков, снявших со скал истекающего кровью бойца, удалось спасти его жизнь. Еще шесть военнослужащих получили лёгкие ранения и после непродолжительного лечения в полковом медпункте стали в строй.

Стремясь как можно быстрее попасть на вершину горы, я обратился к заместителю командира 181-го отдельного вертолетного полка майору Гайнутдинову:

– Слава, полетим.

Он ответил:

– Командир, даю слово, с рассветом полетим.

Я знал, что доставить нас на вершину мог только наш лучший вертолетчик-ас, каким был Вячеслав Гайнутдинов. Утром я вместе с другими офицерами, находящимися на КП полетел к “Зубу”. Красными дымами нам обозначили место, где возможно приземление вертолета и Гайнутдинов успешно осуществил посадку.

У подножия скалы было множество пещер превращенных в огневые точки. Я отдал приказ проверить все пещеры. В одной из пещер скрывались душманы. Пришлось выкуривать их с помощью гранатометов. В пещерах мы обнаружили большое количество оружия и боеприпасов, знамя и печать Гульдода, бланки удостоверений, а также большие запасы продовольствия, пшеницы и около 50 коров.

Вертолет майора В. К. Гайнутдинова у “Зуба”

Нам стало известно, что Гульдод в начале операции лично возглавлял оборону своей базы, однако, убедившись, что наши батальоны успешно поднимаются и мы решительно настроены на захват его базы, он покинул район боевых действий.

В результате проведенной операции противник понес крупные потери. Было убито более 200 душманов. Нами было захвачено 76 мм горная пушка, 120 мм миномет и большое количество стрелкового оружия китайского, английского и советского производства. Кроме оружия было также захвачено много боеприпасов и взрывчатки.

Я доложил о взятии вершины командующему 40-ой армии генерал-лейтенанту Ткачу и генералу армии Ахромееву. Ахромеев ответил:

– Товарищ Арутюнян, спасибо за службу. Вы должны остаться наверху и в течении недели уничтожить долговременные огневые сооружения противника.

Захваченные в плен душманы на горе Санги Дуздан, июнь 1980 г.

Из полка на вертолетах привезли взрывчатку. Но большинство пещер было невозможно взорвать. Сделали лишь то, что смогли. Ниже вершины на скале солдаты крупными буквами написали: высота 2700, взята доблестными воинами 860-го отдельного мотострелкового полка. По распоряжению Ахромеева привезли красное советское знамя и укрепили на вершине. Когда спустя год нам пришлось вновь захватить вершину горы Санги Дуздан, то мы не обнаружили ни знамени, ни надписи, которую душманы уничтожили выстрелами из гранатометов.

На второй день пребывания у вершины мне передали распоряжение Ахромеева, что я должен спуститься вниз. На вертолете я спустился к подножию горы, куда уже успела спуститься одна из наших рот. Через некоторое время прилетел и генерал армии Ахромеев. Неожиданно для меня он говорит:

– Товарищ Арутюнян, пусть личный состав отдохнет и начнет готовиться к новой операции в направлении Бахарак и Гульхана.

Можно понять мое состояние. В те дни мои нервы были на пределе. Я ответил:

– Товарищ генерал армии, тридцать процентов личного состава, принявшего участие в операции, получили солнечный удар. Поэтому, в настоящий момент полк не может принять участие в новой операции. Полк нуждается в отдыхе.

Ахромеев, косо посмотрев на меня, сказал:

– Что вы сказали? Товарищ Арутюнян, учитывая вашу усталость, я прощаю вам эти слова. Будьте готовы доложить мне о результатах операции в лагере полка.

Я не знал какой разговор меня ожидает с Ахромеевым. Однако, несмотря на мои опасения, в полковом лагере Ахромеев спокойно выслушал мой доклад о результатах операции. Он остался доволен ее итогами. Об участии полка в новой операции Ахромеев в этот день больше не говорил.

После окончания Сангидузданской операции. В центре – генерал армии С.Ф. Ахромеев и подполковник А.Т. Арутюнян. Июнь 1980 г.

Взятие горы Санги Дуздан и понесенные душманами потери привели к улучшению оперативной обстановки вокруг Файзабада на значительный период времени.

Успешное проведение Сангидузданской операции было обусловлено несколькими причинами:

Во-первых, операция была хорошо спланирована и подготовлена. Для ее проведения командование 40-й армии привлекло необходимые силы и средства.

Во-вторых, удары самолетов и вертолетов, а также действия артиллерии деморализовали противника и облегчили продвижение наших батальонов. Вертолетчики нашей 3-й эскадрильи как всегда были на высоте. Они не только оказали огневую поддержку с воздуха, но и смогли в опасных и сложных условиях обеспечить снабжение всем необходимым поднимавшихся к вершине батальонов.

И наконец, успех в операции был бы невозможен без грамотных и мужественных действий наших двух мотострелковых батальонов. Закаленные в предыдущих боях солдаты, ведомые грамотными и храбрыми офицерами сумели успешно выполнить сложную боевую задачу.

Очень хорошо показал себя 1-ый мотострелковый батальон, благодаря уверенным и грамотным действиям в первую очередь командира батальона – капитана Валерия Павленко, начальника штаба батальона – капитана Анатолия Самусева, замполита батальона – старшего лейтенанта Дмитрия Паращака, а также командиров рот, старших лейтенантов – Сергея Андрианова, Николая Андросенко и Виталия Васильева.

Высокой оценки заслуживают и действия 2-го батальона, который оказавшись в сложном положении, смог собраться, быстро восстановить боеспособность, продолжить участие в операции и тем самым внес свой вклад в общий успех

операции. Нужно отметить, кроме уже упомянутого командного состава батальона, также и грамотные действия командиров рот, старших лейтенантов Василия Черношея, Сергея Кашпурова и Сергея Беликова.

При проведении Сангидузданской операции афганским батальонам отдельных боевых задач не ставилось. В ходе совершения марша к “Зубу”, они прочесывали кишлаки и прикрывали наши тылы и фланги. Информация о штурме “Зуба” к ним не поступала, а, наоборот, им подбрасывалась всевозможная ложная информация о будущих действиях наших подразделений. А после взятия “Зуба”, афганские батальоны прочесывали пещеры и территорию у вершины горы и осуществляли охрану пленных.

После успешного проведения Сангидузданской операции в 40-й армии резко вырос авторитет 860-го отдельного мотострелкового полка. На Военном совете 40-й армии был сделан доклад о проведенной Сангидузданской операции, ставшей одной из первых крупных операций, осуществленных советскими войсками в Афганистане. Командование 40-й армии дало высокую оценку действиям нашего полка.

Операция “Крест”

Для повышения эффективности выполнения боевых задач по борьбе с мятежниками в Афганистане, высшим военно-политическим руководством страны было принято решение, осуществить частичную перегруппировку войск 40-й армии Туркестанского военного округа и Восточного пограничного округа КГБ СССР. Ответственность за северные уезды провинции Бадахшан переходила к пограничным войскам. В Гульхану на смену 3-му батальону 860 полка, который должен был быть передислоцирован в Файзабад, была направлена на постоянную дислокацию Хорогская мотоманевренная группа. В зоне ответственности нашего полка оставались центральные и южные уезды провинции Бадахшан.

Таким образом, 3-му мсб предстояло совершить марш Гульхана-Бахарак-Файзабад, т.е. повторить путь основных сил 860 полка, пройденный в январе 1980 г. Данный маршрут считался очень опасным ввиду того, что он проходил через территорию, контролируемую душманами, а Бахарак являлся одним из центров мятежного движения в провинции Бадахшан. Поэтому, для обеспечения передислокации 3-го мсб из Гульханы в Файзабад, вышестоящим командованием была спланирована операция под названием “Крест”.

Согласно плану операции, выделенные силы 860 омсп и 24 пехотного полка афганской армии, а именно: 1-ый мсб в

полном составе, 2-ой мсб в сокращенном составе, разведрота полка, 2-ой пб 24-го пп при поддержке вертолетов Ми-24 и Ми-8Т, проведут поиск и уничтожение бандформирований душманов на направлении Файзабад – Гульхана и обеспечат 3-му мсб беспрепятственный вывод в район Файзабада.

Общее руководство операцией было возложено на начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск Министерства Обороны СССР генерал-полковника Меримского Виктора Аркадьевича. Я же непосредственно командовал выделенными силами нашего полка и 2-ым батальоном 24-го пп афганской армии.

Генерал-полковник Меримский разместил свой временный командный пункт на файзабадском аэродроме. Должен сказать, что генерал-полковник Меримский был опытным военным руководителем высокого ранга, участником войны с Финляндией 1939–40 гг. и Великой Отечественной войны. За годы войны в Афганистане генерал-полковник Меримский руководил многими операциями, которые проводились советскими войсками.

К лету 1980 мы приобрели немалый боевой опыт и хорошо изучили тактику действий противника. Поэтому, марш Файзабад-Гульхана было решено осуществить в следующем порядке: колонна БМП (бронегруппа) будет выдвигаться по дороге, которая проходит по ущелью вдоль реки Кокча. В боевых машинах будут находиться только механики-водители БМП и наводчики-операторы БМП. Остальной личный состав будет выдвигаться в составе своих подразделений по хребтам гор и горному плато в пешем боевом порядке и осуществлять поиск и уничтожение бандформирований душманов. Такой порядок действий исключал возможность внезапного нападения душманов на бронегруппу. В случае же завязки боя душманов с подразделениями,двигающимися пешим порядком, бронегруппа своим огнем из вооружения БМП могла оказать огневую поддержку нашим основным силам.

Операция началась 21 июня. Во время совершения марша я, вместе с начальником штаба полка майором Валерием Нестеровым, начальником политотдела полка майором Владимиром Архангельским и другими офицерами управления полка, находился на командном пункте полка, двигавшегося вместе с подразделениями полка пешим порядком. Во время движения мы постоянно поддерживали связь с колонной БМП, готовые в любой момент в случае нападения оказать им помощь.

Поднявшись на горное плато мы обнаружили несколько небольших кишлаков, не отмеченных на наших картах. Каждый кишлак окружали маковые поля. Видимо, выращивание опиумного мака являлось основным источником дохода для местных жителей. Мы проходили мимо кишлаков, не заходя в них.

Плато было ровное, как стол и протянулось примерно на 12 километров. Затем рельеф местности стал усложняться. Подъемы чередовались со спусками. Двигаться по горам с полной боевой экипировкой в жаркий период было трудно. Душманы обстреливали нас издалека, но на прямое столкновение не решались. Когда тропу по которой мы шли перегородил горный массив, нам пришлось спуститься в ущелье где нас поджидала колонна наших БМП. Наступали сумерки и было необходимо выбрать места для ночлега подразделений. Местность не позволяла безопасно разместить все подразделения для отдыха и мною было принято решение о разделении сил. Мы отыскали в ущелье небольшой мост. Командный пункт полка, 2-ой мсб и разведывательная рота полка переправились по мосту на противоположный берег реки, а 1-ый батальон и 2-ой афганский батальон остались на месте.

Ночевать у реки было опасно, поэтому в поисках мест удобных для размещения подразделений на ночной отдых и организации круговой обороны было решено подняться по

склонам ущелья вверх. Часть склонов ущелья была покрыта абрикосовыми садами, которые были обнесены оградами высотой до 1,5 метров из крупных валунов. Каменные ограды являлись хорошим укрытием для личного состава, и я решил разместить личный состав в этих садах.

Связавшись по радиостанции с командиром 1-го мсб капитаном Валерием Павленко и командиром афганского батальона, которые со своими батальонами находились на противоположном склоне ущелья, я приказал им разместить личный состав батальонов на ночлег и организовать круговую оборону в садах под прикрытием каменных оград.

До наступления темноты все подразделения заняли указанные районы сосредоточения, организовали боевое охранение, а саперы установили сигнальные мины.

Солдаты и офицеры, уставшие после тяжелого перехода длиной примерно в 20 км, крепко уснули на своих плащ-палатках. Глубокой ночью, часа в 3, внезапно нас стали обстреливать с нескольких сторон. Каменные ограды защитили нас от ружейно-пулеметного огня душманов. Мы ответили огнем из недавно полученных 30 мм автоматических гранатомётов АГС 17, 82 мм минометов и пулеметов.

Нападению подвергся также и 1-ый батальон. Я связался с комбатом Павленко. Он доложил, что район сосредоточения 1-го мсб и 2-го пб 24-го пп душманы обстреливают с двух сторон, огонь ведут из гранатометов, пулеметов, автоматов и винтовок. Также он доложил, что в ходе боя нашими наблюдателями выявлены огневые точки противника. Наиболее плотный и прицельный огонь велся душманами с высоты, которая нависала над районом сосредоточения 1-го мсб. Нейтрализовать душманов на этой высоте можно было, только атаковав ее. Я приказал командиру батальона капитану Павленко выделить необходимые силы для атаки высоты и уничтожить засевших там мятежников. Для захвата высоты и уничтожения на ней душманов был выделен мотострелковый

взвод 1-ой мср во главе с командиром взвода лейтенантом Зиновьевым.

Взвод под прикрытием огня дежурных огневых средств 1-ой мср скрытно выдвинулся к объекту атаки и с ходу атаковал засевших на высоте мятежников. Бой был скоротечным. Душманы не ожидали атаки нашего взвода с тыла и флангов. В ходе боя было убито двенадцать душманов, пятеро захвачены в плен, в том числе и главарь бандформирования, а остальные бежали выше в горы. Пленные душманы были переданы для охраны афганскому батальону, но вскоре главарю банды каким-то образом удалось бежать.

С нашей стороны убитых не было, но был ранен в голову командир взвода лейтенант Зиновьев. Я связался с генерал-полковником Меримским и сообщил, что на нас совершено нападение, мы ведем бой с мятежниками, потерь пока не имеем. Он потребовал каждые 15 минут докладывать об изменении оперативной обстановки. После захвата высоты обстрел душманами районов сосредоточения наших подразделений прекратился, и мятежники отошли в горы.

Утром мы продолжили движение. Через некоторое время одна БМП сошла с дороги в ущелье юзом. Личный состав не сильно пострадал. Я доложил Меримскому:

– БМП сорвалась в ущелье. Думаю как вытащить.

Меримский мне отвечает:

– Думайте, думайте. Я не запрещаю вам думать. Я вылетаю к вам и буду через 40 минут.

Стали думать как вытащить БМП. С нами был заместитель командира 45-го инженерно-саперного полка 40-й армии подполковник Алексеев, который и предложил верное решение. Были собраны и скреплены между собой около 10 тросов. Тросами зацепили съехавшую на дно ущелья БМП, обвили вокруг 2-х растущих у дороги деревьев и зацепили за другую БМП. Механик-водитель стоящей на дороге БМП, выполняя указания Алексеева, стал осторожно тащить вторую

БМП. Боевую машину удалось вытащить на дорогу до прилета Меримского.

Я доложил Меримскому о результатах ночного боя. Он был немногословен:

– Хорошо, хорошо.

Меримский вскоре улетел, а мы продолжили марш. Впереди основных сил двигались два усиленных мотострелковых взвода – по одному с каждой стороны ущелья.

Генерал-полковник В.А. Меримский беседует с личным составом после ночного боя. Июнь 1980 г.

Должен сказать, что ежедневно вертолеты 2-3 раза в день доставляли нам из Файзабада горячую пищу. В один из дней вертолетчики получили неверные координаты нашего месторасположения, и мы остались без завтрака и обеда. Чтобы утолить голод солдаты стали есть плоды, с растущих в ущелье вишневых, черешневых и абрикосовых деревьев. Чтобы избежать кишечных расстройств у личного состава, я приказал во время дневного привала собрать фрукты, разжечь костры и в котелках приготовить компот.

Через несколько часов вертолетчики нашли нас, но, не имея с собой горячей пищи, решили обеспечить нас рыбой. С этой целью они осуществили пуск двух кумулятивных неуправляемых реактивных снарядов по руслу разлившейся реки. Нам оставалось лишь собрать оглушенную рыбу. Для быстроты приготовления солдаты нанизывали рыбу на автоматные шомпола и жарили ее на костре. Но уже вечером вертолетчики доставили нам горячий ужин.

28 июня, к исходу седьмых суток после выхода из Файзабада, в 26 километрах от Гульханы мы встретились с 3-им батальоном, хотя согласно плану операции, 3 мсб не должен был начинать движения до подхода вышедших из Файзабада выделенных сил.

Во время проведения операции командир 3-го батальона капитан Тупицкий находился в отпуске, а его обязанности исполнял начальник штаба батальона капитан Терещенко. Когда мы встретились, я заметил, что он очень взволнован. Терещенко сообщил мне, что батальон потерял 6 человек. Выяснилось, что во время совершения марша Гульхана – Бахарак командование батальона решило переправить часть личного состава на другой берег реки Кокча. С этой целью 5 сержантов и рядовой взялись за руки и попытались перейти на другой берег реки и закрепить трос для облегчения переправы. Но сильный поток коварной горной реки сбил и унес ребят. Тела двоих так и не удалось найти.

Выслушав Терещенко, я вскрикнул:

– Почему 3-й батальон выступил из Гульханы? Кто дал команду?

Терещенко ответил:

– Генерал-полковник Меримский.

Как оказалось, вылетев от нас генерал-полковник Меримский решив ускорить ход операции приказал 3-му мсб выступить из Гульханы. Терещенко пытался связаться со мной по рации, но это ему не удалось.

Соединившись с 3-им мсб, мы двинулись в обратный путь. При подходе к населенному пункту Бахарак, мне сообщили, что командующим 40-й армией было принято решение о размещении в Бахараке одного усиленного мотострелкового батальона нашего полка. Это решение было принято с целью установления жесткого контроля над главным направлением переброски бандформирований, оружия, боеприпасов и всевозможных материальных средств из Пакистана в провинции Бадахшан и Кундуз.

Нашему желанию собрать в Афганистане весь полк вместе, так и не суждено было осуществиться. Не успели вытащить 3-ий батальон из Гульханы, а уже приходилось оставлять другой батальон в Бахараке.

Узнав о решении командующего 40-й армией, мы поняли, что батальон, оставляемый в Бахараке на постоянной основе, окажется в довольно сложной ситуации, так как будет оторван от основных сил полка. После обсуждения этого вопроса с начальником штаба полка майором Нестеровым и начальником политотдела полка майором Архангельским, было принято решение оставить в Бахараке 1-ый мотострелковый батальон. Следует отметить, что 1-ый батальон с момента ввода полка в Афганистан принимал участие практически во всех операциях и боевых выходах проведенных полком и всегда успешно справлялся с боевыми задачами.

Батальоном уверенно и грамотно командовал капитан Валерий Павленко. Под стать командиру в батальоне были и остальные офицеры. В батальоне сложился сплоченный офицерский коллектив. Поэтому и было принято решение оставить 1-ый батальон.

Когда мы благополучно дошли до Бахарака, я вместе с командиром 1-го мсб капитаном Павленко стал искать подходящее место для размещения батальона.

На восточной окраине Бахарака мы обнаружили довольно хорошо сохранившуюся старую крепость с высокими и толстыми стенами. В сохранившихся помещениях внутри крепости и при постройках снаружи, после соответствующего ремонта, можно было разместить подразделения батальона и приданные ему силы и средства. В этой крепости раньше размещалась школа Царандоя, которая перешла на сторону душманов.

Вскоре в Бахарак на вертолете прилетел генерал-полковник Меримский. Мы встретили его рядом с Бахаракком. Он передал мне приказ маршала Соколова – оставить один усиленный мотострелковый батальон в Бахаракке. Меримский тут же принимает решение разместить батальон лагерем в чистом поле на расстоянии 2-х км от Бахарака. Я не согласился с этим решением и изложил свое мнение:

– Товарищ генерал-полковник, указанное вами место простреливается с близлежащих гор. Батальону видимо придется зимовать в Бахаракке, поэтому я предлагаю разместить батальон в старой крепости. В крепости батальон будет в большей безопасности и там можно будет обеспечить необходимые условия для проживания личного состава.

Меримский на мое возражение заявил:

– Товарищ подполковник, выполняйте приказ.

Я отвечаю:

– Товарищ генерал-полковник, я батальон на голом месте не оставляю. Я, как командир полка, несу ответственность за людей и поэтому в Бахаракке я могу разместить батальон только в крепости.

– Товарищ подполковник, вы много на себе берете. Я этого так не оставляю. Я доложу о вас командованию.

Тем не менее, приняв во внимание мои возражения, Меримский решил продолжить вместе со мной поиск подходящего для размещения батальона места за пределами

Бахарака. Во время поиска с нами произошел примечательный случай.

Мы с Меримским сели в одну боевую машину и в сопровождении 2-х других БМП одного из взводов 1-го мсб поехали по направлению к реке, которая в это время года имела сильное течение. Наш БМП подъехал к небольшому мосту, представлявшему собой два длинных бревна, которые покрывал настил из деревянных брусьев. Я стоял, высунувшись из командирского люка БМП, а Меримский находился в десантном люке, держа в руках сорванную розу. Намереваясь продолжить движение вдоль реки, чтобы найти более безопасное место для переправы, я обратился к нему:

– Товарищ генерал-полковник, по мосту проезжать опасно, так как он может не выдержать тяжести БМП. Стоит поискать другое место для переправы.

Меримский, продолжая нюхать розу, говорит:

– Вы же говорите, что как командир полка несете ответственность, так вот сами и принимайте решение.

Его слова задели меня и я сгоряча принял опасное решение. Я приказал механику-водителю БМП, в котором кроме меня и Меримского находились командир взвода и несколько солдат, медленно проехать по мосту на другой берег. Когда БМП оказалась на мосту, послышался хруст ломающихся деревянных брусьев настила, которые вместе с кусками земли стали падать в реку. Те секунды, за которые БМП медленно проехала по мосту, показались мне вечностью. В конце моста механик-водитель дал газу и БМП, совершив рывок, оказалась на берегу. Я и командир взвода быстро выпрыгнули на землю и взглянули на мост. От моста остались лишь два бревна без брусьев настила, которые переломались под тяжестью БМП.

Меримский посмотрел на остатки моста и сказал:

– Ну вы даете, товарищ подполковник.

Оставшимся на другом берегу было приказано найти переправу для боевых машин ниже по течению. В метрах 300 ниже моста река разливалась и наши БМП спокойно переправились на другой берег. После случая на мосту Меримский стал вести себя мягче.

Мы осмотрели несколько мест для возможного размещения батальона, но все они находились слишком близко от гор и поэтому не подходили. В конце концов, Меримский согласился с моим предложением разместить 1 мсб в крепости, обозначил на карте зону ответственности батальона и улетел в Файзабад.

Должен отметить, что за годы моей службы в Афганистане генерал-полковник Меримский руководил несколькими операциями в которых принимал участие и наш 860-й полк. Его подход к планированию и проведению операций был чересчур академичным. Меримский не учитывал в должной степени специфику горной войны в Афганистане и тактику действий противника.

Собрав офицеров 1-го батальона, я дал им указания о размещении в крепости Бахарак личного состава и техники. Перед комбатом капитаном Павленко были поставлены следующие задачи:

- организовать оборону крепости Бахарак, мостов Алимугуль, Сарипуль и Бахарак, дорожной “полки” в районе могилы Ходжи-Абиабдала;
- в кратчайшие сроки привести крепость в жилое состояние;
- приступить к поиску и уничтожению отрядов и караванов душманов в обозначенной зоне ответственности радиусом в 25 километров;
- оказывать помощь местным органам власти.

Как видно, задачи перед батальоном стояли очень сложные и, вместе с начальником штаба полка майором Нестеровым и начальником политотдела полка майором Архангельским, мы стали обсуждать, какую помощь следует оказать батальону, чтобы эти задачи были успешно

выполнены. Для усиления батальона было решено придать ему гаубичную батарею М-30 артиллерийского дивизиона полка, взвод реактивных установок “Град-1” реактивной батареи полка, зенитный взвод ЗУ-23-2 зенитно-ракетного дивизиона полка и инженерно-саперное отделение инженерно-саперной роты полка.

В тот же день участвующие в операции силы нашего полка кроме 1-го мсб продолжили марш к Файзабаду. На обратном пути силы полка не встретили противодействия душманов и благополучно достигли Файзабада.

Через 3 дня со мной ночью по радиостанции связался командир 1-го батальона капитан Валерий Павленко. Он доложил, что по крепости Бахарак и временному полевому лагерю батальона душманы с двух направлений ведут ружейно-пулеметный огонь, плотность которого возрастает с каждой минутой. Ответный огонь ведется дежурными огневыми средствами двух рот. Местные активисты передали информацию о том, что душманы планируют захватить крепость и временный полевой лагерь батальона.

Я спросил капитана Павленко, как он намерен отразить нападение противника. Суть решения командира батальона состояла в том, чтобы максимально близко подпустить душманов и одновременно сосредоточенным огнем из вооружения БМП, автоматических гранатометов АГС-17, крупнокалиберных пулеметов “Утес” и зенитных установок ЗУ-23-2 нанести поражение противнику. Затем двумя ротами, в пешем порядке атаковать душманов с флангов и завершить его уничтожение.

Полк, в сложившейся ситуации ничем не мог помочь батальону. Я в целом утвердил решение командира батальона, но проводить пешую ночную атаку не разрешил. В наушниках я вначале слышал отдаленную стрельбу пулеметов и карабинов, а потом невообразимый грохот, который длился около пяти минут, после него наступила полная тишина. Вскоре Павленко доложил, что бой закончен и в подразделениях батальона потерь нет. Утром через местных активистов нам стало известно, что в ночном бою душманы потеряли убитыми 24 человека и более 50-ти человек ранеными, а само бандформирование ушло в ущелье Зардев.

После этого успешного отражения ночного нападения душманы до конца 1981 г. больше не повторяли своих попыток напасть на батальон в старой крепости Бахарак, а ограничивались лишь редкими обстрелами с очень дальних расстояний.

К концу июля 1980 года ремонт Бахаракской крепости был в целом завершен, были оборудованы ротные и взводные опорные пункты как вокруг крепости, так и на охраняемых объектах. Объектов было четыре, и каждый из них закреплялся за определенным подразделением батальона. Этими объектами были: участок дороги Бахарак-Файзабад, который охранял усиленный мотострелковый взвод, его опорный пункт находился возле могилы Ходжи-Абиабдала; мост Бахарак, охраняемый мотострелковым отделением и отделением афганской милиции Царандой, а также мосты Сарипуль и Алимугуль, которые охранялись усиленными мотострелковыми взводами.

Особую озабоченность у меня вызывали именно эти 2 взвода, которые находились в отрыве от батальона и выполняли сложные боевые задачи. Душманы не могли смириться с тем, что одна из главных артерий поставки оружия, боеприпасов и вооруженных формирований из Пакистана перерезана и находится под постоянным контролем

“шурави”. Почти каждую ночь эти взводы обстреливались ружейно-пулеметным и минометным огнем душманов. Предпринимались также и попытки захвата объектов. Но оборона объектов была так четко организована, а поддержка огнем артиллерийской батареи и взвода РСЗО из крепости была настолько эффективной, что никаких практических надежд на успех у душманов не оставалось.

Основным путем снабжения размещенного в Бахараке батальона стала дорога Файзабад-Бахарак, по которой доставлялись транспортными колоннами все необходимые для батальона грузы. Эта дорога, имела важное значение не только для наших войск, но и для афганского населения уездов Бахарак и Джарм, так как являлась одним из главных торговых путей провинции Бадахшан.

Наиболее сложный участок дороги Файзабад-Бахарак начинался в 5-ти км от Файзабада и тянулся до могилы Ходжи-Абиабдала. На этом отрезке было пять так называемых “полок” – участков дороги, которые врезались в скалы. 1-ый мсб, в своей зоне ответственности, обеспечивал безопасность двух “полок” (№4, №5). Для этих целей от батальона в районе могилы Ходжи-Абиабдала нес боевое дежурство усиленный мотострелковый взвод. Остальные три “полки” (№1, №2, №3) со стороны Файзабада контролировали подразделения 24-го пп афганской армии. Уничтожение этих “полок” могло привести к временному или полному прекращению снабжения и передвижения транспорта на участке дороги Бахарак-Файзабад.

Глава районной администрации Бахарака, командир 1 мсб капитан Валерий Павленко, старшина 3 мср 1 мсб ст. прапорщик Айталиев. Крепость Бахарак

Наши колонны вначале были небольшие и в основном формировались из техники 1-го мсб. В своем составе колонны имели, как правило, один-два бензовоза, две бортовые машины и одну-две боевые машины пехоты. Подобные колонны отправлялись в Файзабад два-три раза в месяц. Практически все наши колонны подвергались атакам душманов.

Душманы неоднократно пытались уничтожить наш мотострелковый взвод в районе могилы Ходжи-Абиабдала и разрушить подконтрольные нам две “полки”, но так и не смогли достичь своих целей. Основной же проблемой для нас было то, что подконтрольные 24-му афганскому полку 3 “полки”, практически ими не контролировались и с середины сентября 1980 года находились под контролем душманов. Душманы на этом участке дороги устанавливали мины, устраивали засады против наших колонн, которые осуществляли перевозку ГСМ, боеприпасов и продовольствия для нашего 1-го батальона. Одиночные машины афганцев

продолжали ездить беспрепятственно, проплачивая духам пошлину.

Слева направо – зам. командира 1 мсб по политчасти капитан Д. Парашак, командир 1 мсб капитан В. Павленко, заместитель командира полка подполковник А. Тимчук, командир взвода 2 мср ст. лейтенант, командир минометной батареи батальона Е. Суховолец. Опорный пункт взвода у могилы Ходжи-Абиабдала

Позже, наши колонны, следующие в Бахарак, стали укрупняться и ходить по опасному маршруту гораздо реже. Для успешной доставки грузов колоннами обеспечения, приходилось проводить специальные рейды, с выделением дополнительных сил от 1-го мсб, а также от главных сил полка. Проводка колонн в Бахарак отвлекала много сил, времени и ресурсов от выполнения основных задач по борьбе с отрядами душманов, как в зоне ответственности главных сил полка, так и в зоне ответственности 1-го мсб. Поэтому, обеспечение 1-го мсб вначале свежим хлебом и боеприпасами для гаубиц и РСЗО “Град-1”, а потом и всеми остальными ресурсами постепенно начало осуществляться вертолетами.

Хотел бы отдельно обратить внимание на то, что 1-ый мотострелковый батальон успешно и в полном объеме выполнял все возложенные на него боевые задачи. Командованием батальона было организовано и осуществлялось тесное взаимодействие с районными органами государственной власти Афганистана и их вооруженными формированиями такими, как подразделения Царандой, а также отрядами самообороны.

Прилетая в Бахарак, и беседуя с офицерами, солдатами и сержантами, я с большим удовольствием отмечал, что в крепости сложился настоящий сплоченный коллектив, который состоял из личного состава мотострелкового батальона и приданных ему артиллерийской батареи, взводов РСЗО и ПВО и инженерно-саперного отделения.

Офицеры и политработники этих подразделений сделали все возможное для их объединения в единую боевую семью. Среди “влившихся” в 1 мсб офицеров приданных подразделений полка, особо хотел бы отметить командира гаубичной батареи старшего лейтенанта А. Зубачева, который практически стал начальником артиллерии Бахаракского гарнизона. Грамотный и инициативный офицер-артиллерист он смог четко скоординировать действия гаубичной батареи, минометной батареи батальона и взвода РСЗО “Трад-1” во время проведения батальоном рейдов и уничтожения душманов при их попытке захвата объектов.

Генерал армии Ахромеев, когда мы неоднократно вместе прилетали в распоряжение 1-го мсб, высоко оценивал боевую готовность и выучку всего личного состава Бахаракского гарнизона.

На переднем плане – капитан Д. Паращак, во втором ряду слева направо – командир 2 гаубичной батареи арт. дивизиона полка ст. лейтенант А. Зубачев, начальник артиллерии полка подполковник А. Трухов, командир 1 мсб капитан В. Павленко, командир отделения взвода связи, на заднем плане – солдаты 1 мсб

Как-то в одно из посещений Бахарака, Ахромеев сказал мне:

– Командир, ты молодец, что подобрал такой оптимальный состав гарнизона. Примерно такими должны быть штатные батальоны в Афганистане.

Затем он посмотрел на командира батальона и спросил:

– Капитан, тебе танки нужны?

Капитан Павленко, задумавшись на несколько секунд, ответил:

– Товарищ генерал армии, нам бы с десяток “Утесов” и с десяток АГС-17 нужны больше, чем танки, а еще бы пару вертолетов Ми-8МТ.

Ахромеев улыбнулся и ответил:

– Комбат, вертолеты всем нужны, а вот насчет крупнокалиберных пулеметов и автоматических гранатометов, мы подумаем.

Министр обороны Афганистана Кадыр (третий слева), далее – генерал армии Ахромеев, командир полка подполковник А. Арутюнян, командир 1 мсб капитан В. Павленко с офицерами в гарнизоне Бахарак

Передислокация полка

Когда советскому военному командованию стало ясно, что войскам придется остаться в Афганистане на более длительный, чем предполагалось вначале срок, оно приняло решение о переоборудовании временных полевых лагерей в пункты постоянной дислокации. Командиры частей получили на этот счёт соответствующие приказы. Выбор места постоянной дислокации определялся не только военно-техническими условиями, но и требовал согласования с местными органами власти, чтобы не ущемлялись интересы местного населения.

Хорошо изучив территорию вокруг Файзабада, я нашел подходящее место ниже по течению р. Кокча, в её излучине, ближе к аэродрому. Новое место по сравнению со старым находилось на большем отдалении от гор и позволяло разместить все объекты необходимые полку для нормального несения службы. А излучина реки Кокча представляла собой естественную защиту. Учитывая все эти преимущества, командованию 40-й армии было представлено на рассмотрение и утверждение решение о строительстве пункта постоянной дислокации полка на новом месте.

Мне хотелось, чтобы новый городок строился не стихийно, а по плану. Для этого я обратился с

соответствующей просьбой в штаб 40-й армии. В Файзабад был направлен специалист из коммунально-эксплуатационного отдела 40-й армии в звании старшего лейтенанта, который на основе моего замысла подготовил генеральный план городка, который включал следующие компоненты: жилой городок, штаб, парковую зону, строевой плац с трибуной, склады, столовую, полковой медицинский пункт (ПМП), узел связи, вертолетную площадку, баню, магазин, гауптвахту и другие объекты. Подготовленный план был послан в соответствующий отдел 40-й армии где и был утвержден.

Летом полк оказался в довольно сложном положении – требовалось продолжать выполнение боевых заданий и одновременно, в сжатые сроки, до наступления холодов, построить на новом месте пункт постоянной дислокации. Своими тревогами и размышлениями о сложности ситуации и необходимости выхода из неё в кратчайшие сроки я поделился со своими заместителями, офицерами штаба и получил у них горячую поддержку. Офицеры управления, не освобождая себя от исполнения прямых служебных обязанностей, распределили между собой основные объекты нового городка и взяли под свою ответственность их строительство.

На себя я взял постройку бункера для проживания командира полка и его заместителей и офицерской столовой. Бункер глубиной 3,5 метра был покрыт кровлей, построенной с использованием бревен, камней и земли. В одном отсеке бункера был оборудован командный пункт, а другой был отведен для отдыха и сна.

Начальник штаба майор Нестеров отвечал за строительство штаба. Начальник бронетанковой службы майор Машляковский вместе с заместителем командира полка по вооружению майором В. Никитиным занимались строительством парка боевых и транспортных машин. Я настоял на том, чтобы парк машин по всему периметру был

полностью обнесен каменной оградой. Добывали камень в основном наши сапёры, используя тротил. Иногда и противотанковая батарея, обстреливая скалы, помогала получить необходимый нам для строительства камень.

Майор Архангельский взял на себя строительство большой каменной полковой бани с парилкой и бассейном. Заместитель по тылу подполковник Терещенко отвечал за установку хлебзавода, заглубленного овощехранилища и банно-прачечного комбината. Начальник инженерной службы капитан Пастухов устраивал на берегу Кокчи пункты очистки воды. Начальник физподготовки полка капитан Ивашкин занимался спортивным городком.

Как уже было сказано, в строительстве отдельных объектов инфраструктуры полкового городка приняли участие около 100 афганцев, имеющих навыки укладки камня.

Строительством моста через реку Кокча занимался прибывший в Файзабад заместитель командира 45-го инженерно-саперного полка 40-й армии подполковник Алексеев, а общее руководство было возложено на заместителя начальника инженерных войск 40 армии полковника Келпша. Экспериментальный мост длиной около 20 метров и шириной около 5 метров был собран из доставленных вертолётами на внешней подвеске алюминиевых конструкций.

Палатки для личного состава были установлены на деревянные каркасы высотой в 1 метр, за счет чего в палатках удалось разместить двухъярусные кровати. Перед палатками были построены погреба для хранения свежей холодной воды. В дальнейшем, перед палатками были установлены памятники с фамилиями погибших военнослужащих.

Склады с боеприпасами с помощью трактора обваловали – создали земляной вал, для прикрытия склада от возможных обстрелов. Реактивные снаряды для РСЗО “Град-1” были размещены таким образом, чтобы головки снарядов были направлены в сторону близлежащего кишлака, со стороны

которого мы опасались обстрелов. О подобном расположении реактивных снарядов были предупреждены местные власти и староста близлежащего кишлака.

Памятник погибшим солдатам и офицерам разведроты полка

Для обеспечения безопасности полкового лагеря на направлениях возможного нападения противника были установлены две линии проволочных заграждений, а между ними – минные поля шириной 20 метров. Кроме того, на этих направлениях были поставлены боевые посты с БМП или ЗСУ-23-4 “Шилка”. Забегая вперед отмечу, что несмотря на то, что на минных полях было установлено множество указателей “Мины”, а среди личного состава была проведена разъяснительная работа, в дальнейшем все же имели место несколько подрывов солдат на минах. В борьбе с беспечностью, к сожалению, приходилось прибегать и к непопулярным мерам. Так, после очередного случая, я приказал провезти перед строем личного состава оторванную миной ногу солдата, чтобы показать, какую высокую цену приходится платить за проявленную беспечность.

На плацу построили трибуну. Рядом с трибуной прапорщик Подшивалов, используя цемент и песок сделал барельеф – БОЕВОЙ ПУТЬ ЧАСТИ.

Рядом установили стенд на котором было указано, какими государственными наградами и сколько военнослужащих полка были награждены за время службы в Афганистане. Позднее, у меня возникла идея установить над воротами полкового лагеря арку. Перед аркой на постаменте с одной стороны была установлена БРДМ, на которой командир полка подполковник Кудлай и представитель САВО полковник Теодорович прошли от Оша до Файзабада, а с другой – БМП, которая в Афганистане несколько раз подрывалась на минах.

Командир полка подполковник А.Т.Арутюнян с офицерами полка после вручения государственных наград, 1982 г.

Рядом с КПП была построена комната советско-афганской дружбы. В этой комнате проводились встречи с теми афганцами, которые регулярно обращались в полк за помощью. В комнате был установлен большой трофейный самовар, а в наличии всегда имелись чай, сахарный песок и

печенье. Эта комната, практически, стала рабочим местом заместителя начальника политотдела по работе с местным населением майора А. Опарина. Он постоянно находился здесь, встречался с дехканами, отвечал на их запросы, вёл с ними агитационно-пропагандистскую работу.

Летом с невероятными трудностями, пробиваясь через засады душманов, подрываясь в пути на минах, большой автомобильной колонне удалось доставить из Термеза в Файзабад строительные материалы, мебель и три комплекта элементов сборных ангаров СРМ. В двух из них были устроены солдатские столовые, а в третьем оборудовали продовольственный склад, в котором удавалось накапливать и хранить трехмесячный запас продовольствия.

Когда основные объекты нового городка были построены, личный состав переехал на новый пункт постоянной дислокации, в котором были улучшены бытовые условия для личного состава.

Вскоре после переезда полка на новое место для обеспечения личного состава свежим мясом и овощами по моему указанию была создана ферма. Свиной для фермы пришлось везти из самого Оша. Кроме свиней на ферме держали кроликов и кур.

А на плодородном участке земли, прилегающем к реке Кокча, выращивали картофель, помидоры, огурцы и разные виды зелени. Наличие в пищевом рационе свежего мяса и овощей играло немаловажную роль в вопросе сохранения здоровья у личного состава полка.

Закладка огорода на новом месте дислокации полка

В целом надо отметить, что благодаря комплексным мерам, предпринимаемым командованием полка и медицинской службой, уровень заболеваемости у личного состава 860-го полка был ниже, чем в полках соседней 201-ой мотострелковой дивизии, дислоцированной в Кундузе.

После обустройства пункта постоянной дислокации на новом месте полк был готов провести свою первую зиму в Файзабаде.

Когда в дальнейшем полк посещали высокопоставленные военачальники, в частности маршал Советского Союза Соколов, генерал армии Ахромеев, командующий ТуркВО генерал-полковник Максимов, командующий САВО генерал-полковник Язов, командующие 40-й армией генерал-лейтенанты Ткач, Ермаков и др., то они неизменно давали высокую оценку полковому городку и существующему в нем порядку.

Строевой смотр полка проводит генерал-майор Грубый.
Файзабад, 1981 г.

В 1982 г. в войсках Туркестанского военного округа был проведен смотр бытовых условий личного состава. С этой целью в Файзабад прибыл член военного совета ТуркВО генерал-полковник Родин. Наш полк был признан лучшим во всем округе. После этого, летом 1982 г. в Файзабад прибыл командующий ТуркВО генерал-полковник Максимов вместе с командирами полков, входящих в состав ТуркВО. Максимов хотел, чтобы командиры полков ознакомились с теми условиями, какие удалось создать для личного состава в 860-м полку в сложных условиях Афганистана.

В те дни, когда личный состав не участвовал в боевых рейдах и операциях, распорядок дня в пункте постоянной дислокации выглядел следующим образом.

Подъём личного состава – в 6.00 утра. Затем завтрак, после которого проводился развод личного состава. В штабе

полка проводились совещания, на которых обсуждалась активность противника в зоне ответственности полка, планировались очередные операции или рейды, а также обсуждались различные вопросы, поставленные заместителями командира полка и начальниками служб.

После проведения тактико-строевых занятий. Гора Джалгар, 1982 г.

В подразделениях до и после обеда проводились занятия по тактической, строевой и физической подготовке. Постоянно велась работа с вооружением и техникой, которые в любой момент должны были быть готовыми к применению.

После ужина проводилась вечерняя проверка. В ночное время душманы обычно активизировались и проводили обстрелы, а иногда и нападения на наши гарнизоны. Приходилось принимать ответные меры.

Обсуждение типов мин, применяемых противником

В определенные дни в полку проводились и партийные и комсомольские собрания.

В полку имелся кинопроектор и согласно очереди в подразделениях полка организовывался просмотр фильмов. Периодически в части также организовывались спортивные мероприятия.

Время от времени в полк приезжали офицеры из штаба 40-й армии и Оперативной группы Министерства обороны СССР. Во время их приезда в полку проводились различные проверки и строевые смотры.

Партийное мероприятие. Файзабад, 1981 г.

Во время проведения спортивных соревнований

Строевой смотр полка проводит командующий артиллерий 40-й армии генерал-майор Близиюков, 1981 г.

Проверка физической подготовки личного состава

Материальное обеспечение полка

Снабжение 860 омпс боеприпасами, продовольствием, горюче-смазочными материалами и другими грузами, необходимыми для обеспечения боевой готовности войск и удовлетворения потребностей личного состава, осуществлялось с помощью вертолетов, доставлявших грузы в Файзабад из Кундуза, и транспортных автоколонн, следовавших по маршруту Термез-Кундуз-Кишим-Файзабад.

После передачи 860 отдельного мотострелкового полка в состав Туркестанского военного округа, решением вышестоящего командования для материального обеспечения нашего полка было выделено два автомобильных батальона, каждый из которых имел в своем составе около 400 автомашин. Необходимые полку грузы доставлялись по железной дороге в узбекский город Термез, откуда автомобильные колонны везли груз в Кундуз. Из Кундуза часть грузов с помощью эскадрильи тяжелых транспортных вертолетов Ми-6, способных перевозить до 12 тонн груза, из состава дислоцированного в Кундузе 181 отдельного вертолетного полка, доставлялась в Файзабад. Основная же часть грузов привозилась в Файзабад автомобильными колоннами по маршруту Кундуз-Кишим-Файзабад. Охрана транспортных колонн, на участках Термез-Кундуз и Кундуз-Кишим, возлагалась на 201-ую мотострелковую дивизию.

В районе Кишима находились 3 крупных моста, построенных советскими специалистами еще в середине XX

века. После ввода советских войск в Афганистан душманы взорвали эти мосты. Командование 40-й армии придавало большое значение необходимости скорейшего восстановления мостов, ввиду того, что маршрут Кундуз-Кишим-Файзабад являлся основным путем снабжения как 860 омсп, так и провинции Бадахшан в целом. Восстановление мостов было возложено на 45-ый инженерно-саперный полк 40-й армии. Из состава полка в Кишим был направлен батальон, который под руководством заместителя командира 45-ого инженерно-саперного полка подполковника Алексева в течение нескольких месяцев занимался восстановлением мостов. Дорога Кишим-Файзабад была восстановлена и стала проходимой для автоколонн к середине июня 1980 г.

Сопровождение и охрана транспортных автоколонн на 110-километровом участке Кишим-Файзабад была возложена на наш полк. Сложность маршрута заключалась в том, что часть дороги представляла собой узкий горный серпантин со множеством крутых поворотов, подъемов и спусков. На Карамакарском серпантине, наиболее сложном участке маршрута, дорога была настолько узка, что гусеницы танка Т-62 и БМП полностью не помещались на проезжей части.

С другой стороны, медленно двигающаяся по узкой дороге автоколонна становилась удобным объектом для нападения противника. Душманы, узнав о приближении колонны, минировали дорогу и устраивали засады для внезапного нападения.

Дорога от Кишима до Файзабада проходила через несколько кишлаков, не все из которых можно было объехать. Поэтому душманы нередко нападали на колонны именно в кишлаках. Одним из самых опасных мест на маршруте считался кишлак Баладжари, в котором часто появлялась и устраивала засады крупная банда Вадуда.

Прохождение автоколонны по маршруту Кундуз-Кишим-Файзабад редко когда обходилось без потерь. Отдельные машины срывались в пропасть на сложных горных участках

маршрута. Другие подрывались на минах. Часть людей гибла от огня душманов.

Очередная колонна движется к Файзабаду

Уже было отмечено, что 860-й полк входил в Афганистан без танков, ввиду того, что танки не смогли бы пройти через сложные перевалы Памира. В феврале 1980 г. в Кундуз в составе 201-ой мотострелковой дивизии прибыл 285-й танковый полк. Нужно отметить, что до января 1980 г. 285-й танковый полк входил в состав 60-й танковой дивизии Московского военного округа и дислоцировался в г. Дзержинске. Летом 1980 г. для охраны маршрута Кишим-Файзабад 860-му полку был придан сроком на один месяц 1-ый танковый батальон 285-го танкового полка под командованием капитана Анатолия Куксова. Затем срок продлевался много раз, до окончательного вхождения танкового батальона в штатный состав 860 омсп в конце 1980 г.

Перед батальоном, вооруженным танками Т-62 были поставлены следующие задачи: охрана и оборона аэродрома в Файзабаде; охрана и оборона 3-х мостов в районе Кишима, а также наиболее уязвимых участков 110 км горной дороги Кишим-Файзабад от их разрушения противником; обеспечение

боевого сопровождения автоколонн с целью отражения нападения противника.

От Файзабада до Кишима были выставлены на постоянной основе 5 сторожевых застав.

Рядом с населённым пунктом Артынджелау разместилось управление батальона – командир батальона капитан Куксов, начальник штаба капитан Маслов, замполит капитан Ахмадеев, зам. по вооружению майор Павлусенко, а также – один танковый взвод, взводы связи и обеспечения, отделения ремонта и техобслуживания, батальонный медицинский пункт.

На 3-ю танковую роту была возложена охрана аэродрома в Файзабаде и далее 20 км дороги в сторону Кишима. Каждый из 3-х крупных мостов в районе Кишима был взят под охрану танковым взводом 2-й танковой роты. А 1-ая танковая рота расположилась у населенного пункта Карамакар.

Третий мост у Кишима

В горах танкисты не могли полностью, с максимальным эффектом использовать боевые возможности своих машин. Как правило, танки применялись для охраны важных объектов, сопровождения колонн и во время действий на небольших равнинах, где машины могли развернуться.

Сторожевая застава представляла собой, как правило, опорный пункт 1-2 танковых взводов с мотострелковым отделением на БМП на постоянном боевом дежурстве. При необходимости танковый взвод, оставляя дежурные средства, выходил на сопровождение колонн, поддержку мотострелковых подразделений или других задач на своем участке ответственности. Тыловое обеспечение сторожевых застав ввиду удаленности от полка, осуществлялось вертолетами раз в три-пять дней, если позволяла погода.

Каждая застава прикрывалась минными полями и плотной системой огня, поскольку нападения душманов и обстрелы были частым явлением. К сожалению, не обходилось и без потерь.

Колонны автомобильных батальонов до 250-300 и более машин формировались в Термезе. По мере выполнения заявки, технической готовности они направлялась в Файзабад, как правило несколько раз в месяц, по обстановке.

Первоначально при сопровождениях танки применялись в составе колонн. Работа саперов в ходе марша и использование танков сильно снижало скорость колонн. На узких серпантинах сорокатонные машины Т-62 становились проблемой.

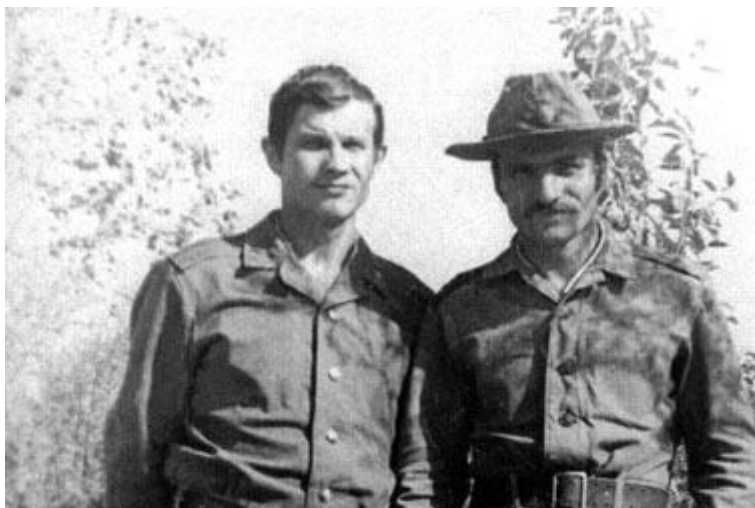

Танкисты двинулись на выполнение боевого задания

В дальнейшем стал использоваться метод блокировок. Он заключался в том, что на участке дневного перехода, используя танки, выставлялись блок-посты прикрытия. После проверки дороги саперами, по уже “чистому” и прикрытому коридору на возможно максимальной скорости пропусклась колонна. Танкисты с блок-постов могли надежно прикрывать колонну своим мощным огнем.

В результате применения метода блокировок снизились потери от огня душманов и подрывов, сократилось время доставки грузов. В силу специфики боевых задач, стоящих перед 860-ым полком, танкистам приходилось действовать в отрыве от основных сил полка. Это быстро учило офицеров, сержантов и солдат самостоятельности, стойкости и смелости.

Танковым батальоном командовали хорошо подготовленные, мужественные офицеры. Майора Анатолия Куксова в 1981 г. сменил на должности командира батальона майор Леонид Маслов, а его, в свою очередь, в 1982 г. – майор Евгений Кошелев.

Комбат Леонид Маслов (справа) и замполит батальона Александр Иванов

Должен отметить также профессиональное мастерство и отвагу, проявленные замполитом батальона капитаном А.А.

Ивановым, зампотехом батальона майором В.С. Игошиным, командирами танковых рот капитанами И.П. Лужаевым, С.И. Каверинным, Ю. Рахмановым, В.Д. Варламовым и ст.лейтенантом С.Н. Левкиным.

Комбат майор Евгений Кошелев и зампотех майор Владимир Игошин

Действовавшие в районе Кишима крупные банды Вадуда и Пахлавана продолжали нападать на наши автоколонны. В конце 1981 г. было принято решение о передислокации 3-го мотострелкового батальона из Файзабада в Кишим для обеспечения контроля над районом Кишима и усиления сторожевых застав на маршруте Кишим-Файзабад. Батальон был усилен гаубичной батареей и танковым взводом.

3-им батальоном к тому времени командовал майор Валерий Карпенко. Должен отметить, что майор Карпенко проявил себя в Афганистане, как очень грамотный офицер, который уверенно командовал батальоном.

В целом говоря о сопровождении автоколонн в Файзабад, нужно отдать должное саперам, водителям транспортных

средств и их защитникам – мотострелкам и танкистам, которые на сложном и опасном горном маршруте, демонстрируя мужество и высокий профессионализм, обеспечивали доставку воюющему полку столь необходимых грузов.

Вертолетчики

Трудно переоценить ту важную роль, которую сыграли вертолеты в Афганской войне. Вертолеты применялись для выполнения таких задач, как переброска десанта, эвакуация раненых, оказание огневой поддержки с воздуха и снабжение удаленных от основных сил сторожевых застав и гарнизонов 40-й армии. В горном Афганистане основная нагрузка по выполнению указанных задач легла на многоцелевые транспортно-десантные вертолеты Ми-8Т и Ми-8МТ, которые благодаря заложенному конструкторами большому запасу прочности очень хорошо зарекомендовали себя.

Вертолет Ми-8

181-ый отдельный вертолетный полк (овп) в составе 2-х эскадрилий на Ми-6 и 2-х эскадрилий на Ми-8Т по 12 вертолетов в каждой был переброшен в Кундуз в середине января 1980 г. Полк должен был поддерживать боевые действия 201-ой мотострелковой дивизии и 860 отдельного мотострелкового полка.

Сформированный в 1972 г., 181-ый вертолетный полк до Афганистана дислоцировался на аэродроме Джамбул и занимался поиском спускаемых аппаратов космических кораблей и эвакуацией космонавтов. Сложная и ответственная служба в условиях сурового климата Казахстана способствовала выработке у летчиков 181-го полка навыков полетов в любое время суток и в любую погоду, иногда даже в нарушение существующих инструкций. Этот уникальный опыт летчики полка в дальнейшем успешно использовали в Афганистане.

Летчики 181-го полка стали обеспечивать поддержку с воздуха 860-му отдельному мотострелковому полку еще в период продвижения последнего с боями к Файзабаду. С помощью вертолетчиков проводились разведка местности и огневое поражение противника десантом, размещенным на бортах вертолетов.

После прибытия в Файзабад, передовой отряд 860 полка оказался в тяжелом положении, так как был практически отрезан от остальных советских воинских частей введенных в Афганистан. Поэтому командование 40-й армии приняло решение передислоцировать в Файзабад 3-ю вертолетную эскадрилью 181-го отдельного вертолетного полка для непосредственной поддержки действий 860-го полка. Командиром 3-ей эскадрильи, летавшей на вертолетах Ми-8Т, был майор Василий Щербаков. Однако, общее руководство действиями 3-й «Файзабадской» эскадрильи было возложено на заместителя командира 181-го полка по летной подготовке майора Вячеслава Гайнутдинова.

Нужно отметить, что вертолеты в Афганистане эксплуатировались в крайне неблагоприятных условиях горно-пустынной местности, таких как большие колебания суточных температур, порывистые и продолжительные ветры с песком и сильная запыленность воздуха. В условиях летней 40-градусной жары и разреженного воздуха мощность двигателей вертолетов значительно снижалась. Все эти неблагоприятные факторы, вдобавок ко все возрастающему огневому противодействию душманов, предъявляли дополнительные требования к летчикам и техническому персоналу. Нередко, боевая обстановка требовала от летчиков выполнения сложных маневров, которые не предусматривались существующими инструкциями.

Почти во всех операциях проводимых 860-м полком активное участие принимали вертолеты 3-й эскадрильи, которые перевозили десант и оказывали огневую поддержку.

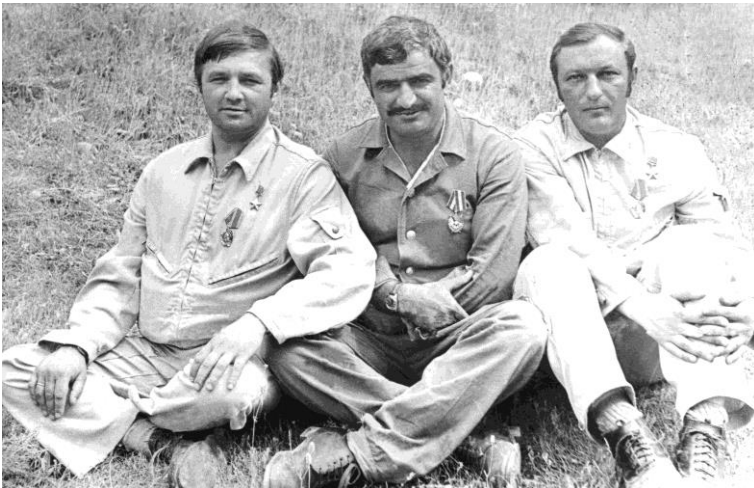
Вертолеты были нашей скорой помощью. Когда во время операции мы слышали шум приближающегося вертолета, нам становилось спокойнее. Летчики 3-й эскадрильи приобрели опыт осуществления полетов не только днем, но и ночью. Хотя командование ВВС 40-й армии категорически запретило осуществлять полеты ночью, но летчики нашей эскадрильи, если возникала необходимость, под мою ответственность,

летали и в ночное время. Бывали случаи, когда во время проведения операции возникали перебои со связью. Тогда командование полка использовало диспетчерскую связь летчиков.

Вертолетчиков отличало сильное чувство боевого братства. Для них не было невозможных задач, не существовало понятия страха и они всегда были готовы, рискуя жизнью, прийти на помощь своим боевым товарищам.

Наша 3-я “Файзабадская” вертолетная эскадрилья 181 отдельного вертолетного полка имела в 40-й армии большой авторитет. Летчики эскадрильи в небе Бадахшана демонстрировали высочайший профессионализм и неоднократно проявляли себя как настоящие герои. Они были достойными защитниками Родины.

Летчик 1-го класса Вячеслав Гайнутдинов до своей трагической гибели совершил 398 боевых вылетов¹. А Василий Щербаков до своего назначения в Союз – 318 боевых вылетов². И совершенно справедливо, что в Афганистане в числе первых звание Героя Советского Союза получают майоры Вячеслав Гайнутдинов и Василий Щербаков.

¹ Герои страны, http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2251

² Герои страны, http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2260

После вручения государственных наград. Слева направо: майор Вячеслав Гайнутдинов, подполковник Артуш Арутюнян, майор Василий Щербаков. Файзабад, 8 мая 1980 г.

К сожалению, жизнь заместителя командира 181-го полка по летной подготовке майора Вячеслава Гайнутдинова, спасшего своими профессиональными и бесстрашными действиями в Афганистане множество жизней советских военнослужащих, трагически оборвалась в августе 1980 г.

Летом 1980 г. Вячеслав Гайнутдинов получил назначение в Союз – командиром вертолетного полка. Но 17 августа 1980 года в зоне аэродрома Кундуза во время совершения тренировочного полета разбивается вертолет Ми-24, в котором вместе с другими членами экипажа находился и Вячеслав Гайнутдинов. Все находившиеся в вертолете погибли. Тогда нам сообщили, что вертолет сбили душманы. Уже значительно позднее появилась другая версия, согласно которой сразу после взлета вертолет по невыясненной причине потерял управление и разбился.

Я, также как и многие офицеры и солдаты 860 полка очень тяжело воспринял известие о гибели Вячеслава Гайнутдинова, летчика-аса, настоящего Героя.

Считаю своим долгом отметить профессионализм и мужество проявленные, как уже упомянутыми В. Гайнутдиновым и В. Щербаковым, так и другими летчиками и офицерами 3-й эскадрильи, в частности: командирами эскадрильи майорами Л. Туктаревым и А. Прокудиным, заместителем командира эскадрильи майором В. Оболониным, замполитом эскадрильи майором В. Копчиковым, летчиками – капитанами В. Пыжковым и А. Сергеевым.

Заместитель командира эскадрильи майор В. Оболонин

Я очень благодарен летчикам “Файзабадской” вертолетной эскадрильи за совместную службу. Они никогда меня не подводили. Своими умелыми действиями вертолетчики всячески содействовали 860-му полку в несении боевой службы и спасли жизни многих наших ребят.

Медицинская служба

Самые теплые слова хочется сказать в адрес медицинских работников, которые своим ежедневным самоотверженным трудом спасали жизни и здоровье советских военнослужащих.

Война в Афганистане стала серьезным испытанием для системы медицинского обеспечения советских войск. Для Советской Армии Афганская война стала самым масштабным военным конфликтом после окончания Великой Отечественной войны. Медицинская служба в целом решала две основные группы задач: медицинское обеспечение войск при ведении боевых действий и охрана здоровья войск в пунктах постоянной дислокации в условиях высокого уровня инфекционной заболеваемости и неустойчивого санитарно-эпидемического состояния.

Организация медицинского обеспечения 860-го отдельного мотострелкового полка имела свою специфику. Вертолетам отводилась ведущая роль в системе медицинской эвакуации. При необходимости оказания раненым и больным военнослужащим 860 полка квалифицированной или специализированной медицинской помощи, их на вертолетах отправляли в Кундуз, а оттуда уже на самолетах – в Центральный военный госпиталь 40-й армии в Кабул или Окружной военный госпиталь ТуркВО в Ташкенте.

Однако, в зимний период над районом Файзабада, как впрочем и над многими другими районами горной провинции Бадахшан, часто стоял туман, который существенно ограничивал полеты вертолетов. Поэтому с целью организации оказания квалифицированной медицинской помощи непосредственно в Файзабаде на базе полкового медицинского пункта 860-го полка был развернут Экспериментальный полковой медицинский пункт (ЭКСПМП) на 60 коек.

Шефство над ЭКСПМП взяла на себя Ленинградская Военно-Медицинская Академия им. С.М. Кирова. Периодически в Файзабад из академии, сменяя друг друга, приезжали опытные хирурги, которые, как правило, оставались в полку в течение месяца. Для хирургов служба в Файзабаде давала уникальную практику, поэтому многие из них не хотели уезжать.

Хотя ЭКСПМП размещался в палатках, но медицинское оборудование имел самое современное. Рядом с ЭКСПМП была оборудована вертолетная площадка, что позволяло значительно сокращать сроки доставки раненых на этап врачебной и квалифицированной медицинской помощи. Командование полка, хорошо понимая значение медицинской службы, оказывало всяческое содействие военным врачам.

С начальником медицинской службы 40-й армии мною была достигнута договоренность, что при проведении полком крупных операций медицинская служба полка будет усиливаться хирургами и другим медицинским персоналом. При проведении первых крупных операций я не использовал эту возможность, о чем пришлось пожалеть. Пару раз при мне сообщали, что от большого объема работы хирурги выбивались из сил и не могли продолжать работу.

Многие хирурги хотели принять участие в рейдах и боевых операциях. Но мы очень ценили и берегли врачей. Поэтому я лишь изредка удовлетворял их просьбы.

В ЭКСПМП сложился замечательный коллектив. У нас служили прекрасно профессионально подготовленные, высокообразованные и самоотверженные военные врачи. Они делали все возможное для спасения каждого солдата и офицера. Припоминаю случай, когда во время операции раненому потребовалась кровь, оперирующий хирург сдал собственную кровь и продолжил операцию.

Военные врачи оперируют раненного. Файзабад, 1981 г.

В Афганистане была неблагоприятная эпидемическая обстановка. Были широко распространены такие инфекционные заболевания, как вирусный гепатит, брюшной тиф, дизентерия и др. Эпидемия гепатита среди военнослужащих 40-й армии порой достигала такого размаха, что отдельные полки и даже дивизии на определенное время теряли боеспособность³. Поэтому, для снижения небоевых санитарных потерь большое значение имело осуществление медицинской службой полка комплекса санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий.

Медицинская служба полка, в целом, успешно справлялась с проблемой профилактики распространения инфекционных заболеваний. Так, уровень заболеваемости инфекционными болезнями в 860 омсп был ниже, чем у мотострелковых полков соседней 201 мотострелковой дивизии.

Помимо лечения раненых и больных военнослужащих медицинская служба полка оказывала медицинскую помощь и местному гражданскому населению. Это стало возможным

³ Борис Громов “Ограниченный контингент”, Москва, 1994

после того, как маршал Соколов согласился с моим предложением и отдал распоряжение увеличить снабжение медицинской службы нашего полка необходимыми средствами.

Подполковник А.Т. Арутюнян с военными врачами

Многие из военных врачей и медицинских работников были представлены мною и получили заслуженные государственные награды, в основном ордена Красной Звезды. Хочется особенно отметить отличившихся в Файзабаде замечательных военных врачей: моего друга майора Александра Александрова, майоров Езерского, Норходжаева, капитанов Палкина, Ярому, Бирюкова, Колесникова, Тхостова, Тимофеева, ст. лейтенантов Кобиашвили, Винниченко и Швецова.

Проверка боевой подготовки полка

Весной 1981 г. в Файзабад прибыла группа офицеров из управления боевой подготовки штаба Туркестанского военного округа. Возглавлял группу офицер в звании полковника. Как оказалось, они прибыли с заданием проверить боевую подготовку 860-го полка. Я спросил у руководителя группы:

– Послушайте, вы серьезно намерены проверить боевую подготовку полка, который с момента ввода в Афганистан постоянно участвует в боевых действиях?

Полковник ответил:

– Товарищ Арутюнян, я вас понимаю, но у меня приказ командующего округом и возглавляемая мною комиссия выполнит этот приказ.

В период проверки учебно-материальной базы полка члены комиссии вели себя довольно предвзято и постоянно подчеркивали, что выше оценки, чем “удовлетворительно” полк не получит. Председатель комиссии все время напоминал:

– Уровень боевой подготовки вашего полка, товарищ подполковник, не может быть высоким потому, что ваш так называемый полигон, абсолютно не соответствует требованиям существующих руководящих документов.

Да, действительно, у нас не хватало фанеры, подъемников и тележек для мишеней, а также многих составляющих,

которые были в полковом учебном центре в Оше. Вместе с тем, те элементы учебного центра, которые мы уже создали в Файзабаде, позволяли совершенствовать боевую выучку личного состава подразделений основных сил полка и качественно готовить их к выполнению боевых задач.

В ходе проверки, несмотря на все усилия офицеров и личного состава, которые сдавали проверку, комиссия упорно находила причины занижать результаты проверки. Я был категорически не согласен с оценкой, к которой пытались нас подвести члены комиссии.

– Очень хорошо товарищ Арутюнян, что вы так переживаете за честь полка! Мы проверим все ваши подразделения, и вы тогда сами поставите реальную оценку своему полку, а пока свяжитесь со своим самым отдаленным гарнизоном и передайте, что через три дня они будут проверяться по политической, тактической и огневой подготовке.

Выйдя на связь с командиром 1 мсб капитаном Павленко, я сказал ему:

– Валера, наш полк может получить оценку ниже той, что заслуживает. Я предложил комиссии проверить и ваш батальон. Поговори с офицерами, подготовьте личный состав, я на вас очень надеюсь. Будете сдавать политическую, огневую и тактическую подготовку. У вас времени на подготовку к проверке целых трое суток.

Я знал, что такой новости в батальоне не очень обрадуются, но полк не подведет. Через трое суток, вместе с группой проверяющих офицеров я вылетел на вертолете в Бахарак. На вертолетной площадке нас встретил командир батальона капитан Павленко и доложил о готовности пройти проверку, а затем представил комиссии командиров подразделений. Первым удивлением членов комиссии было то, что в батальоне есть гаубичная батарея, взвод РСЗО “Град-1” и зенитный взвод ЗУ-23-2 и мне пришлось кратко рассказать,

как эти огневые средства оказались в составе мотострелкового батальона и вообще, какие боевые задачи выполняет 1-ый мсб.

Начальник штаба 1 мсб капитан Анатолий Самусев (слева) и заместитель командира 1 мсб по технической части капитан Сергей Кирий. Бахарак

После осмотра крепости и мест расположения в ней подразделений батальона и приданных ему подразделений председатель комиссии уточнил план проверки подразделений батальона. 1-ая мотострелковая рота должна была провести учения с боевой стрельбой по теме: “Наступление усиленной мотострелковой роты в горах в пешем порядке”. 2-ая мср должна была показать проведение огневого урока, а 3-я мср – сдать политическую подготовку. От ночлега в крепости члены комиссии отказались, и мы вылетели на вертолетах в Файзабад.

Рано утром, я и члены комиссии на двух вертолетах вылетели в Бахарак. В вертолете я еще раз попытался отговорить комиссию от идеи проведения учений, которые могли спровоцировать противника. Но члены комиссии настояли на своем.

Мы прибыли в 1-ую роту как раз в тот момент, когда командир батальона капитан Павленко завершал ставить

боевые задачи командирам 1-ой мср, минометной батареи, гаубичной батареи и взвода РСЗО “Град-1”. После получения боевых задач командиры отбыли в свои подразделения отдавать боевые приказы, а мы с председателем комиссии направились посмотреть, как 3-я мср сдавала политическую подготовку. У заместителя командира батальона по политической части капитана Парашака, который вместе с членом окружной комиссии принимал политическую подготовку, я спросил:

– Дима, как сдают ребята?

Капитан Парашак на листочке бумаги написал: “Пока идем на 5”.

Район сдачи огневой подготовки находился в пятистах метрах от крепости. Сдача огневой подготовки проводилась на трех учебных местах. На первом учебном месте осуществлялась сдача теоретических положений по стрельбе и нормативов по обращению с оружием. На втором учебном месте отработывалась стрельба с ходу, по установленным в горах на разных уровнях мишеням. На третьем учебном месте отработывались практические действия личного состава по уничтожению противника в отдельно стоящем и окруженном высоким дувалом здании.

По результатам огневой подготовки 2-ая мотострелковая рота, возглавляемая ст. лейтенантом Андросенко, получила оценку отлично. Поздравив командира роты с высокой оценкой, я вместе с членами комиссии и командиром батальона убыл на БМП в район, где 1-ая мср должна будет на завершающем этапе учений провести боевые стрельбы.

Прибыв в район проведения боевых стрельб, мы расположились на небольшой высотке, откуда хорошо просматривались хребет горы, с которой должна была провести атаку 1-ая мср и установленное для стрельбы мишенное поле. Мы ждали выхода роты на рубеж перехода в атаку, как вдруг нашу высотку стали обстреливать с гор

одновременно с двух направлений. Пришлось залечь. Рядом со мной находился председатель комиссии. Он снял фуражку и положил ее рядом с собой. Через несколько минут его фуражка оказалась простреленной. Он явно испугался и сказал:

– Товарищ Арутюнян, учения надо заканчивать!

Оценив обстановку, я приказал по радиостанции командиру 1-ой мотострелковой роты капитану Андрианову под прикрытием огня артиллерии изменить направление движения и, обойдя противника с тыла, атаковать и уничтожить его. В это же время командир батальона капитан Павленко уточнял цели и ставил задачи минометной и гаубичной батареям на уничтожение душманов. Сделав отступление, отмечу, что 1-ый батальон регулярно проводил занятия по боевой подготовке во время которых, мотострелковые роты отрабатывали маневры по обходу противника и уничтожения его с флангов и тыла.

Уже минут через 20 мы услышали в горах интенсивную стрельбу и взрывы гранат, а капитан Андрианов доложил по радиостанции, что атакует банду душманов. Вскоре огонь в горах прекратился. В результате боя двенадцать душманов было уничтожено, а пятеро душманов взяты в плен.

На мой вопрос председателю комиссии, как он оценивает боевую подготовку 1-го батальона, показавшего свою боевую выучку во время проверки и в реальном бою, тот ответил: “На отлично, а полк в целом на твердую хорошо!”

Операция по уничтожению банды Наби

Во второй половине 1980 г. подразделения полка с целью реализации разведанных продолжали проводить рейды в районе Файзабада, Бахарака и Джарма. Крупных операций в это время полк не проводил. В этот период основное внимание командования полка было сосредоточено на обустройстве личного состава полка как в пункте постоянной дислокации – в Файзабаде, так и в остальных гарнизонах. Приближалась зима, и мы не знали, как поведет себя противник в этот период. Следовало укрепить гарнизоны и обеспечить их необходимым запасом боеприпасов, продовольствия и ГСМ.

Весной 1981 года активизировалось действующее восточнее Файзабада бандформирование полевого командира Наби. До этого времени он нас редко беспокоил. Наби занимался наркоторговлей и был известен своей жестокостью. Он обладал достаточными силами, чтобы напасть на Файзабад. Поэтому было решено, что весной 1981 года нашей главной задачей станет уничтожение банды Наби.

После получения данных разведки о местонахождении банды Наби, была спланирована операция с целью ее разгрома. Согласно плану операции, задействованные в операции силы в ночное время совершат марш на БМП в район базирования банды Наби, блокируют кишлак, где по данным разведки она находилась, и с рассветом уничтожат ее.

С воздуха будет обеспечена поддержка вертолетами Ми-8Т 3-й «Файзабадской» эскадрильи.

Вручение 860-му полку вымпела Министра обороны СССР. В центре – командир полка подполковник А.Т. Арутюнян. Файзабад, 21 января 1981 г.

Во время проведения очередного строевого смотра полка. На переднем плане: генерал-майор Грубый и командир полка подполковник А.Т. Арутюнян. Файзабад, 1981 г.

В 12.00 часов ночи разведрота, часть сил 2-го мсб и один афганский батальон под моим руководством приступили к выполнению операции. Примерно на расстоянии 25 км от Файзабада мы обнаружили и уничтожили передовые посты банды Наби. На каждом из постов находилось от 3 до 6 душманов, имевших на вооружении крупнокалиберные пулеметы. В результате боевого столкновения с нашей стороны несколько человек получили легкие ранения.

Затем мы вышли на горное плато, на котором располагались несколько кишлаков. С рассветом мы захватили несколько командных высот. После чего приступили к блокированию и проверке кишлаков. Большая часть взрослого мужского населения кишлаков успела их покинуть до нашего появления. У кишлака, где по данным разведки должна была находиться банда Наби, нас встретили огнем с оборудованных позиций, подготовленных для круговой обороны. По всей видимости Наби ожидал, что рано или поздно мы доберемся до него и приготовился достойно нас встретить. Ответным огнем из БМП и с помощью ударов вертолетов нам удалось подавить сопротивление душманов, которые стали отходить.

Войдя в кишлак наши и афганские солдаты попали под сильный обстрел, который велся из трехэтажного дома. Мы подтянули к дому дополнительные силы и стали обстреливать его из гранатомета АГС-17. Кроме того, по указанному нами дому был нанесен удар с вертолетов.

Затем в дом ворвались наши разведчики и в одной из комнат захватили несколько раненых душманов. Как оказалось, были захвачены Наби и его охрана. Наби обладал уродливой внешностью. У него была непропорционально большая голова, крупные глаза, короткие руки и ноги, и горб на спине.

В кишлаке были задержаны еще несколько душманов. Мы стали вести поиск большого склада с оружием, о котором нам сообщили перед проведением операции партийные активисты. После задержания, мы спросили Наби о местонахождении

этого склада. Он ответил, что оружия в кишлаке больше нет. Поиск оружия был продолжен, и вскоре в развалинах одного из домов был обнаружен склад с большим количеством стрелкового оружия.

А кроме того, наши саперы обнаружили в кишлаке помещение, в котором, как они сразу ощутили, стоял резкий и неприятный запах. В доме были найдены 6 мешков, в которых находилось сильно пахнущее вещество. Каждый из мешков весил около 10 кг. Мы предположили, что в них находится опиум – наркотик, получаемый из высушенного млечного сока опийного мака. Нужно отметить, что в Афганистане с давних времен выращивали опийный мак. Для многих крестьянских семей в Афганистане выращивание опийного мака являлось основным источником дохода.

Начинало темнеть и нам нужно было возвращаться в пункт постоянной дислокации. При выезде из кишлака, механик-водитель БМП не замечает глубокой ямы и БМП падает в нее, перевернувшись на башню. Душманы воспользовались нашей остановкой и стали вести обстрел. Попытка вытащить из ямы БМП не удалась, ввиду того, что у нас не хватило тросов.

В этой ситуации нужно было принимать решение: пожертвовать БМП и продолжить движение в Файзабад или дожидаться рассвета, когда вертолеты смогут доставить тросы.

Я приказал занять круговую оборону и отвечать на обстрел душманов огнем из боевых машин. Связавшись с командиром вертолетной эскадрильи, я попросил его с рассветом, как только будет возможно, поддержать нас с воздуха и доставить недостающие тросы.

Душманы до утра обстреливали нас из стрелкового оружия. Ранним утром появилась четверка вертолетов. Мы навели вертолеты на те высоты, с которых ночью велся обстрел. Отработав, четверка вертолетов улетела, а минут через 15 появилась вторая. Ударами с вертолетов противник был рассеян.

После получения недостающих тросов, нам удалось перевернуть и вытащить БМП из ямы, после чего мы благополучно вернулись в Файзабад.

В целом, проведенная нами операция прошла успешно: удалось захватить в плен главаря банды вместе с несколькими душманами и большое количество оружия. Банда понесла ощутимый урон. При проведении операции погибло несколько афганских солдат, и еще несколько военнослужащих нашего полка получили ранения.

По прибытии в Файзабад я доложил командующему 40-ой армии генерал-лейтенанту Ткачу об итогах проведенной операции. В своем докладе я упомянул и о захваченных нами 6 мешках с опиумом. Выслушав доклад, генерал-лейтенант Ткач сказал, что по поводу найденного опиума следует доложить маршалу Соколову и отдал распоряжение соединить меня с маршалом.

Я вкратце доложил маршалу Соколову об операции и захваченных нами мешках с опиумом. Соколов приказал усилить охрану и заявил, что завтра к нам в Файзабад прилетят за найденными мешками.

На следующее утро прилетел самолет, на котором прибыли четверо сотрудников КГБ в плащах и в галстуках. Встретив гостей на аэродроме, я повез их в полковой городок. Гости прибыли в расположение полка и зашли в бункер, куда я приказал доставить захваченные мешки. Пока я рассказывал гостям об операции, они стали взвешивать мешки на привезенных с собой весах. Закончив взвешивание, один из гостей обратился ко мне:

– Товарищ подполковник, здесь чуть больше 58 кг. А где остальные 2 кг?

Я ответил:

– Здесь все, что мы нашли, никто ничего не трогал.

Тогда один из прибывших сказал:

– Пусть ваши заместители выйдут из комнаты.

– Зачем?

– У нас будет серьезный разговор.

Я ответил:

– Заместители не помешают, мы все вопросы решаем вместе.

– Хорошо. Товарищ подполковник, 2-х кг не хватает. Мы задаем серьезный вопрос: где 2 кг?

– На этот вопрос я уже ответил. Сколько было, столько и есть.

– Если вы так будете говорить, то полетите с нами.

– Куда?

– В Кабул, чтобы объяснить, куда делись 2 кг.

Я ответил:

– Что это вы говорите? У меня во время операции не было весов. Это вы под плащами весы носите. Я вам объясняю, что все, что было найдено находится здесь.

– Товарищ подполковник, вы поедете с нами в Кабул, там и разберемся.

Я ответил:

– Никуда я с вами не поеду. Куда хотите, туда и докладывайте.

– Мы можем с вами и по-другому поговорить.

После этих слов у меня внутри все закипело. Можно понять мое состояние. Я подошел к телефону, вызвал командира разведроты и приказал ему:

– Поднять роту по тревоге и оцепить бункер.

Обращаясь к прибывшим кагебешникам я сказал:

– Слушайте, вы. Вы видимо не представляете, чем мы здесь занимаемся.

– Зачем вы подняли разведроту?

– Чтобы поместить вас туда, где у нас сидят пленные душманы. Посидите там, а потом докладывайте куда угодно. Совести у вас нет. Мы здесь воюем, жизнью рискуем, а вы приезжаете в галстуках, с весами и твердите о каких-то килограммах.

Кагебешники стали между собой переговариваться. Реально оценив сложившуюся ситуацию, они заговорили уже совсем другим тоном.

– Ну зачем вы так? Отвезите нас на аэродром.

Садясь в машину, которая должна была отвезти их на аэродром, один из кагебешников заявил мне:

– Мы доложим вашему начальству. У нас еще будет разговор.

Незванные гости улетели. Через некоторое время у меня с командующим 40-й армией генерал-лейтенантом Ткачом состоялся следующий разговор:

– Товарищ Арутюнян, как это ты с кагебешниками обошелся? Разведроту поднял.

– А как еще иначе. Прилетели в галстуках. Я им несколько раз объяснил, что б мешков никто не взвешивал, и общий вес был оценен приблизительно. А они пристали с этими якобы недостающими килограммами.

– Ты знаешь, они тут такой шум подняли. Маршал Соколов с тобой будет говорить на эту тему.

Но Соколов не позвонил. Позднее, на очередном Военном совете армии, после моего выступления, маршал Соколов неожиданно говорит:

– Да это тот командир полка, который хотел связать кагебешников и бросить в реку Кокча.

По его тону я понял, что ему понравилась моя реакция на их поведение. Мне стало ясно, что Соколов защитил меня, не дав хода жалобе кагебешников.

В Файзабаде я решил поговорить с захваченным Наби, чтобы понять мотивы его борьбы с нами. Наби два дня отказывался отвечать на вопросы. Потом заявил, что он будет говорить, если его выведут из камеры. Я приказал вывести Наби из камеры, развязать ему руки и накормить. Затем я стал задавать ему вопросы:

– Расскажи о себе. Почему с нами воюешь? Мы же вошли в Афганистан, чтобы оказать помощь вашему народу.

Наби рассказал, что у него было очень тяжелое детство. Он вырос без родителей. Постоянно голодал. Чтобы выжить, всегда старался определить где сила и примыкал к ней. Со временем он сам стал главарем банды. Наби был независимым полевым командиром и с главарями крупных банд связи не поддерживал, так как они смеялись над ним.

Наби, в свою очередь, интересовало, почему Советский Союз ввел войска в Афганистан и сколько времени они будут там находится.

Когда у меня было свободное время я продолжал беседы с Наби. Но через несколько дней, я получил приказ отправить его в Кабул. Мы отправили Наби и его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Операции и рейды 1981 г.

Летом 1981 года вновь активизировались душманы, базирующиеся на горе Санги Дуздан. Как в других провинциях, так и в Бадахшане кабульские власти, которые не пользовались доверием у большинства населения Афганистана, оказывались не в силах закрепить военные успехи советских войск. Как правило, после проведенных нами успешных операций, душманы через какое-то время возвращались на свои базы и в кишлаки. В результате, нам приходилось проводить операции и рейды в одних и тех же населенных пунктах и районах базирования мятежников по несколько раз.

В сентябре я получил приказ командующего 40-й армии провести операцию по разгрому базы мятежников на горе Санги Дуздан. Операция была спланирована с учетом успешного опыта операции, проведенной полком на горе в июне 1980 г. Для наблюдения за ходом операции в Файзабад прибыл заместитель командующего 40-й армии генерал-майор В.Г. Винокуров.

Для проведения операции привлекался 2-ой мотострелковый батальон, которым к тому времени уже командовал капитан Баженов, разведрота и батальон афганского 24 пехотного полка.

Я руководил операцией с командного пункта полка, размещенного на горе Джалгар.

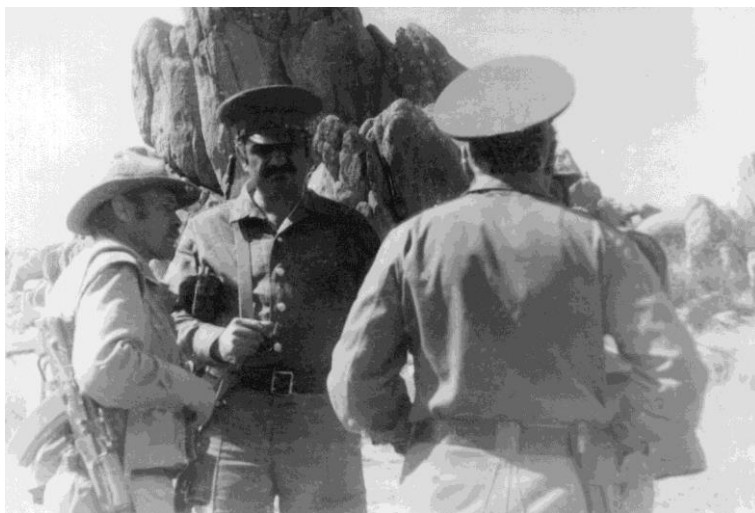
Отработка на макете местности деталей предстоящей операции. Файзабад, 1981 г.

На командном пункте полка во время проведения Сангидузданской операции. Сентябрь 1981 г.

В 4 часа утра после проведенной артиллерийской подготовки и при поддержке вертолетов войска начали движение по утвержденному маршруту. Часть офицеров и солдат, участвовавших в операции, принимала участие еще в прошлогодней операции и была хорошо знакома с маршрутом.

Как только начался подъем войск на гору Санги Дуздан душманы стали вести обстрел с дальних дистанций. Однако, как и ожидалось, сопротивление стало нарастать при приближении войск к вершине горы – к “Зубу”. У нас появились потери – несколько солдат 2-го мсб подорвались на минах, трое из них погибли. У самой вершины душманы оказали ожесточенное сопротивление. С первой попытки взять ее не удалось. С рассветом бойцы разведроты начали штурм, но, как оказалось, душманы предпочли ночью покинуть свои позиции у вершины горы.

После захвата вершины горы Санги Дуздан. Сентябрь 1981 г.

База душманов на горе Санги Дуздан была повторно захвачена. Участвовавшие в операции солдаты и офицеры полка в этой операции действовали грамотно и мужественно.

Наши потери в этой операции составили 4 человека убитыми и еще несколько были ранены.

Отчет о взятии базы мятежников на горе Санги Дуздан был представлен командующему 40-й армией генерал-лейтенанту Ткачу. Командующий приказал обыскать пещеры, с целью нахождения складов оружия и продовольствия, после чего взорвать укрепления душманов.

На этот раз был обнаружен склад с небольшим количеством стрелкового оружия, боеприпасов и пшеницы.

В результате успешно проведенной операции оперативная обстановка в районе Файзабада на определенное время улучшилась.

В сентябре 1981 г. во время проведения очередного рейда по поиску и уничтожению бандформирований в близлежащих кишлаках вокруг Файзабада в плен были захвачены несколько душманов.

Нам стало известно, что один из пленных слыл среди душманов сильным борцом. Мне же всегда нравился спорт. Еще курсантом, во время учебы в Бакинском высшем общевойсковом командном училище я занимался боксом и стайерским бегом. В Афганистане по моей инициативе в полку регулярно проводились спортивные соревнования.

Поэтому меня заинтересовал факт пленения сильного борца. Я спросил его, захочет ли он помериться силами в борьбе с одним из наших солдат. Он ответил, что согласится, только если я дам слово отпустить его, если ему удастся победить в поединке. Я дал слово.

Представлявший нашу сторону солдат был мастером спорта и имел двухметровый рост. В поединке ему удалось победить афганского борца.

В 1981 г. на вооружение отрядов мятежников стали поступать китайские и египетские аналоги советского переносного зенитно-ракетного комплекса (ПЗРК) “Стрела-2”. Эти ракетные комплексы, предназначенные для борьбы с низколетящими целями, имели большую дальность эффективного огня (до 3,6 км), были мобильными и простыми в применении. В целом, они представляли собой серьезную угрозу для наших самолетов и вертолетов.

Командование 40-й армии приняло решение активизировать действия по поиску и уничтожению караванов противника, доставляющих в Афганистан из Пакистана и Ирана помимо прочего и ПЗРК. Маршал Соколов даже заявил, что тот, кому удастся первому захватить караван с ПЗРК, будет представлен к высокой правительственной награде.

В ноябре 1981 г. наш полк провел несколько успешных операций по уничтожению банд душманов в районе Джарма и Бахарака. Арсенал оружия этих бандформирований исправно пополнялся с помощью караванов, регулярно доставлявших военные грузы из Пакистана.

Однажды мы получили от наших информаторов сообщение, что из Пешавара идет тяжелый караван везущий ракеты. Проанализировав полученную информацию, представители гражданской власти в Бахараке, хорошо знающие местность, и наши разведчики пришли к выводу, что маршрут каравана вероятнее всего пройдет через один крупный, врезанный в гору кишлак в районе Джарма.

Был разработан план операции по блокированию кишлака, разгрому бандформирования и поиску оружия. К проведению операции привлекались две роты 1-го мотострелкового батальона, разведрота полка и два афганских батальона.

Согласно плану операции, задействованные в операции силы совершат ночной марш и надежно блокируют кишлак, чтобы никто не смог его покинуть. А с рассветом афганские батальоны войдут в кишлак для поиска каравана с оружием. Во время марша впереди пойдут два афганских батальона: один по правому руслу реки, а другой – по левому. За ними на БМП пойдут по соответствующему берегу по одной мотострелковой роте 1-го мсб и разведрота.

Во время операции я, вместе с другими офицерами управления полка и командиром 24-го афганского пехотного полка, двигался вместе с разведротой. При подходе к кишлаку мне доложили, что мост через реку у кишлака взорван. Мы поняли, что произошла утечка информации. По всей вероятности противник рассчитывал, что подрыв моста приведет к срыву операции.

Мною было принято решение продолжить операцию. Пригодный для переправы брод был найден примерно в 10 км от кишлака. Еще до наступления рассвета поблизости от кишлака послышались разрывы гранат. Наши разведчики вовремя заметили на возвышенности расчет пулемета ДШК противника и забросали его гранатами. Находившиеся в кишлаке душманы попытались вырваться, но все выходы из кишлака уже были заняты нашими войсками. Завязался интенсивный бой, вырваться душманам не удалось.

С наступлением рассвета я приказал афганским батальонам спуститься в кишлак. Соппротивление противника в нем было успешно подавлено. Во время поиска оружия в кишлаке были найдены зенитные установки и стрелковое оружие. Мы обнаружили 2 совершенно новые, обшитые досками зенитные пулеметные установки (ЗПУ-2) китайского производства. Это был первый случай с момента ввода нашего полка в Афганистан, когда нам удалось захватить зенитные установки. Чтобы доставить установки на вертолете МИ-8Т в Файзабад, пришлось снять с них деревянную обшивку и поднять на плато, где могли сесть вертолеты. На

плато, предварительно сняв колеса, с большим трудом удалось поместить установки в вертолет.

Во время проведения операции в районе Джарма. Осень 1981 г.

Через несколько дней нами была получена информация о прибытии в район Джарма очередного каравана с оружием. Силами 1-го мотострелкового батальона, разведроты и двух афганских батальонов была проведена рейдовая операция в районе кишлака Фургамиру. На этот раз операцией командовал мой заместитель, подполковник Анатолий Тимчук. Он грамотно провел операцию, и в результате решительных действий наших и афганских подразделений при блокировании и зачистке кишлака Фургамиру была уничтожена банда душманов, и захвачено большое количество стрелкового оружия. Но главным трофеем этой операции стали два переносных зенитно-ракетных комплекса (ПЗРК) “Стрела-2” и одна зенитная пулеметная установка. Как ПЗРК, так и ЗПУ-2 были китайского производства.

Я доложил командующему 40-й армией генерал-лейтенанту Борису Ивановичу Ткачу о захваченных ракетных комплексах. Вскоре на связь вышел маршал Соколов. Он поблагодарил за успешное проведение операции и попросил связаться с офицером ПВО из штаба 40-й армии, чтобы совместно с нашими офицерами ПВО определить модификацию и производителя захваченных комплексов. Вскоре из штаба 40-й армии поступило указание отправить захваченные нами ПЗРК в Кабул.

Захват ПЗРК “Стрела-2” поднял и без того высокий авторитет 860 полка в 40-й армии.

Нужно отметить, что в 1981 г. практически во всех операциях и во многих рейдах, проведенных полком, принимала участие разведрота полка. Во время боевых выходов разведчики неизменно проявляли себя с самой лучшей стороны. Большая заслуга в успешных действиях разведроты принадлежала начальнику разведки полка подполковнику Валентину Занятному и командиру разведроты ст. лейтенанту Александру Ломаку. Валентин Геннадьевич был прекрасно подготовленным и храбрым офицером. Подполковник Занятный часто участвовал в боевых выходах разведроты.

Во второй половине 1981 г. стали заменяться в Союз большинство из тех офицеров, которые входили с полком в Афганистан. Дело в том, что к лету 1980 г. военное руководство страны приняло решение о том, что замена офицеров из состава Ограниченного контингента советских войск будет проводиться после двух лет службы в Афганистане.

Мне было очень тяжело расставаться с моими боевыми товарищами, с которыми мне довелось служить в Оше, пройти

тяжелейшим маршем через Памир и делить все опасности и невзгоды начального, самого тяжелого периода пребывания полка в Афганистане. Во многом благодаря усилиям этих замечательных офицеров 860-й полк прошел славный боевой путь от Оша до Файзабада и своей безупречной боевой службой завоевал в 40-й армии заслуженный авторитет.

Я старался достойно проводить отбывающих в Союз офицеров. По сложившейся традиции, при проводах очередного офицера строился личный состав, выносилось Боевое знамя полка, после чего произносились теплые слова в адрес отбывающего и вручалась грамота.

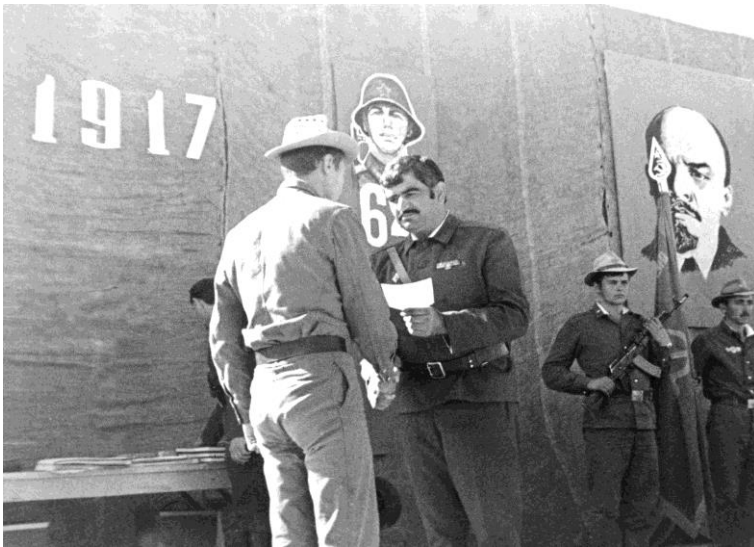
Вынос полкового знамени

С другой стороны, в полк прибывали офицеры, еще не служившие в Афганистане. Им следовало быстро адаптироваться к боевой службе в суровых условиях Бадахшана. Ведь от того, как поведет себя в бою офицер, зависела жизнь многих солдат. А противник, накопивший к

тому времени достаточный опыт противоборства советским войскам, в бою ошибок не прощал.

Как командир полка, я старался содействовать тому, чтобы прибывшие офицеры быстро освоились на новом месте службы.

Начальника штаба полка Валерия Нестерова сменил майор Александр Рябшев, начальника политотдела полка подполковника Владимира Архангельского – подполковник Николай Терещенко, заместителя командира полка подполковника Тимчука – подполковник Евгений Каминский, заместителя начальника штаба полка майора Николая Уткина – майор Геннадий Шорохов, командира артиллерийского дивизиона майора Юрия Фридинского – майор Владимир Гусаров, начальника связи полка майора Олега Ляшко – майор Сидоров, командира 1-го мсб капитана Валерия Павленко – майор Александр Грицай, командира 2-го мсб капитана Зябликова – Геннадий Баженов, командира 3-го мсб майора Тупицкого – майор Карпенко.

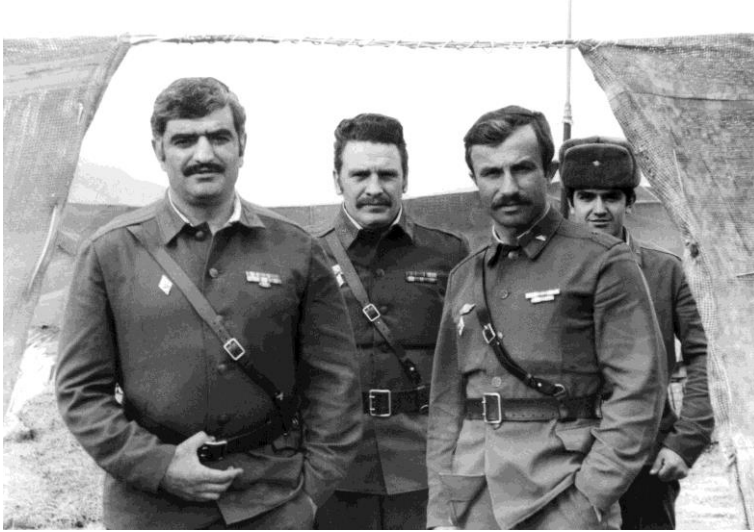
Вручение грамоты

Должен отметить, что немало из прибывших на замену в полк офицеров, успешно освоились в полку и стали достойной сменой своих предшественников.

В конце 1981 г. мне стало известно, что командующий 40-й армией генерал-лейтенант Борис Иванович Ткач представил меня за умелое командование полком во время проведения боевых операций к званию Героя Советского Союза.

Панджшерская операция

В конце 1981 и начале 1982 года продолжалась замена офицеров и прапорщиков полка, прослуживших в Афганистане 2 года. Ждал замены и я.

В первом ряду – подполковник А.Т. Арутюнян, заместитель командира полка майор Е.В. Каминский, заместитель командира полка по вооружению майор Н.А. Машляковский. Файзабад, февраль 1982 г.

Весной 1982 г. подразделения полка продолжали проводить рейды в районах Файзабада, Бахарака и Кишима. В этот период в Файзабад прилетел маршал Соколов. Он потребовал подготовить все те приказы и боевые распоряжения которые я получил на должности командира 860-го полка, и также доклады о проведенных 860-ым полком под моим началом операций. Я поочередно доложил ему о приказах и результатах их исполнения. После нескольких часов обсуждения, Соколов вызвал начальника штаба полка подполковника Рябшева и сказал:

– Молодец, документацию ведешь хорошо.

Затем он обратился ко мне:

– Ну все. Мне нужно еще поработать в 201-ой дивизии. Скоро будет заседание Военного совета. На нем я и выскажу свое мнение о твоём руководстве полком.

Во время заседания Военного совета в штабе армии в Кабуле на котором я присутствовал, Соколов похвалил 860 полк в целом и меня, как командира полка. Через некоторое время я узнал от командующего 40-й армии генерал-лейтенанта Ермакова, что командующий Туркестанским военным округом генерал-полковник Максимов ходатайствовал перед маршалом Соколовым о назначении меня командиром дивизии, дислоцированной в г. Кушка Туркменской ССР. Вскоре генерал-полковник Максимов предложил мне эту должность. Однако, в силу ряда причин я отказался от этого предложения и попросил командующего перевести меня, если это будет возможно, в Закавказский военный округ.

Среди офицеров Закавказский военный округ (ЗАКВО) считался неперспективным округом для продолжения военной карьеры и его аббревиатура обычно читалась как: *Забудь Как Вернуться Обратно*. Но я хотел продолжить службу как можно ближе к моей родной Армении, где жила в преклонном возрасте вырастившая меня мать, с которой я был очень связан.

В апреле 1982 года меня вызвали в Кабул, в штаб армии и сообщили, что готовится очень крупная операция в Панджшерском ущелье, в которой будут задействованы и силы 860-го омсп.

Чтобы представить цели проведения операции и ее масштаб, прежде всего следует понять, что из себя представляло Панджшерское ущелье (в переводе “Ущелье пяти львов”).

Долина реки Панджшер расположена в 150 км к северу от Кабула. Ущелье тянулось от ключевой для снабжения советских войск автомагистрали Хайратон-Кабул с запада на восток примерно на 120 км к границе с Пакистаном. Панджшерское ущелье, окруженное горами Гиндукуша высотой от 2500 до 6000 м, имело выходы в соседние

провинции. В ущелье находилось около 200 кишлаков, в которых жили в основном афганские таджики. Из природных богатств в долине имелись залежи изумрудов, на которые мятежники приобретали оружие и боеприпасы. Таким образом, Панджшерское ущелье занимало в Афганистане стратегически важное положение и являлось одной из основных баз противников кабульской власти.

Отряды мятежников в ущелье возглавлял уже тогда хорошо известный и опытный полевой командир – Ахмад Шах Масуд. Масуд – это прозвище, в переводе означает “счастливый”. Ахмад Шах, по национальности таджик, родился в семье кадрового военного. Учился в Кабульском политехническом институте. В 1975 г. принял активное участие в Панджшерском восстании, направленном против власти президента Дауда. После подавления восстания Ахмад Шах эмигрировал на Ближний Восток, где приобрел боевой опыт, действуя в составе палестинских вооруженных формирований. После Апрельской революции 1978 г. он возвращается в Афганистан и занимается созданием вооруженных формирований. Ахмад Шах Масуд, в сравнении с другими полевыми командирами афганской оппозиции, отличался своими организаторскими, пропагандистскими способностями и искренней заботой о мирном населении. Вследствие этого он пользовался большим авторитетом среди местного населения, которое оказывало ему всяческую поддержку.

После ввода советских войск в Афганистан отряды Ахмад Шаха стали осуществлять нападения на советские и афганские автоколонны на автомагистрали Хайратон-Кабул. В 1980-1981 гг. советские войска провели против Ахмад Шаха Масуда в Панджшерском ущелье несколько успешных операций, после которых между Ахмад Шахом и советским военным командованием было заключено негласное соглашение – обе стороны обязались не предпринимать против другой стороны

враждебных действий. Полученную передышку Ахмад Шах использовал для увеличения численности своих отрядов и усиления системы обороны Панджшерского ущелья в инженерном отношении.

Весной 1982 года по просьбе руководства Афганистана советское военное командование приняло решение провести в Панджшерском ущелье крупномасштабную войсковую операцию для разгрома сил Ахмад Шаха Масуда, численность которых к тому времени достигла более двух с половиной тысяч человек. Руководителем операции был назначен начальник штаба 40-й армии генерал-майор Норат Григорьевич Тер-Григорянц.

Согласно плану операции, после нанесения ракетно-бомбовых ударов с применением фронтовой и армейской авиации, а также ударов артиллерии, привлеченными силами 40-й армии и Вооруженных Сил Афганистана будет нанесен главный удар вдоль долины реки Панджшер в направлении центра Панджшерского ущелья – кишлаков Руха и Базарак, а второй удар – в направлении ущелья Горбанд. Для блокирования выходов из ущелья и расчленения системы обороны противника впервые предполагалось осуществить массовую высадку тактических воздушных десантов в составе 20 советских и афганских батальонов, общей численностью в 4200 человек. Всего же, для проведения операции привлекались 36 батальонов (16 советских и 20 афганских), общей численностью в 12,000 человек, более 320 единиц бронетехники, 104 вертолета и 26 самолетов. Глубина операции составила 220 км, а ширина наступления – до 60 км. Боевые действия должны были охватить территорию, превышающую 3000 кв км.⁴

⁴ *Выступление генерал-майора Н.Г.Тер-Григорьянца перед руководящим составом 40-й армии, Александр Ляховский, Вячеслав Некрасов “Гражданин, политик, воин. Памяти Ахмад Шаха Масуда”.* — М.: 2007

Операция была тщательно спланирована и хорошо подготовлена. Командирам и начальникам штабов тех частей, которым предстояло участвовать в операции, в штабе армии на макете местности был подробно представлен общий план операции, боевые задачи конкретных частей и подразделений. Затем были отработаны элементы взаимодействия между отдельными частями и родами войск.

Командный пункт оперативной группы 40-й армии был размещен в районе аэродрома Баграм, который являлся крупнейшей авиабазой советских ВВС в Афганистане.

Руководителем Панджшерской операции генерал-майором Норатом Тер-Григорянцем перед силами нашего полка были поставлены следующие задачи:

- высадиться на вертолетах на глубину 220 км у аэродрома в районе Эвим уезда Куран-о-Мунджан, провинции Бадахшан, близ пакистанской границы;
- расширить плацдарм, очистить район от душманов и не допустить прорыва отрядов Ахмад Шаха в Пакистан;
- не дать проникнуть подкреплениям мятежников из Пакистана в Панджшерское ущелье;

По данным разведки в указанном районе находились крупные силы душманов, в том числе и хорошо нам известный “полк” полевого командира Гульдода численностью более 1000 человек.

Ознакомившись с деталями операции и поставленными перед нами задачами, мы хорошо осознали, насколько сложное и ответственное задание было возложено на силы нашего полка. Вертолеты должны были пролететь 220 км через все Панджшерское ущелье, преодолеть проход в горах на высоте 4500 метров и высадить личный состав на занятую противником территорию. После десантирования нам фактически предстояло перекрыть выходящую к Пакистану горловину Панджшерского ущелья, куда могли прорваться теснимые в ущелье советскими войсками отряды Ахмад Шаха

Масуда. Кроме того, генерал-майор Тер-Григорянц предупредил нас, что мы будем действовать у самой границы с Пакистаном, поэтому душманам может оказать содействие и пакистанская армия. Силам полка предстояло действовать на большом удалении от основных сил, задействованных в операции, а обеспечение войск могло быть осуществлено только вертолетами, что означало зависимость от погодных условий. Поэтому в предстоящей операции от командиров, офицеров и солдат требовалось проявить максимальную выдержку, стойкость и эффективно использовать накопленный в Афганистане боевой опыт.

Я уверен, что данное ответственное задание было возложено на 860 отдельный мотострелковый полк не случайно. За время несения боевой службы в Афганистане, наш полк завоевал в 40-й армии репутацию одного из лучших полков, способного успешно, с минимальными потерями, проводить самые сложные операции.

Панджшерская операция началась в ночь на 16 мая. С первого же дня операции производилась высадка тактических десантов в заранее определенные зоны высадки. Силам нашего полка предстояло десантироваться в последнюю очередь – после захвата войсками основной части ущелья и разрушения системы ПВО противника. Основу ПВО Панджшерского ущелья составляли крупнокалиберные пулеметы ДШК, размещенные на склонах гор, и небольшое количество ПЗРК.

В двадцатых числах мая 1982 года возглавляемые мною силы 860 полка, выделенные для участия в Панджшерской операции, в составе: 2-го мотострелкового батальона, роты из состава 1-го батальона, разведроты, а также приданный усиленный афганский батальон 24-го пехотного полка были подняты по тревоге и переброшены вертолетами Ми-6 в Кундуз, а затем самолетами АН-12 – в Баграм. Из управления полка вместе со мной в Баграм прибыли: заместитель командира полка подполковник Евгений Каминский, начальник ПВО полка

подполковник Белов и начальник связи полка майор Сидоров. Однако, за несколько дней до отлета из Баграма подполковник Каминский был госпитализирован, а его сменил начальник штаба полка майор Александр Рябшев. Силами 2-го батальона командовал командир батальона майор Геннадий Баженов, а ротой 1-го батальона – начальник штаба батальона майор Анатолий Абрамов.

В Баграме мы установили палаточный лагерь. Дождаясь в Баграме начала операции, я вместе с офицерами нашего полка и афганского батальона, неоднократно и тщательно проработал все основные этапы предстоящей операции и элементы взаимодействия.

Мы напряженно следили за развитием операции и ожидали приказа командования приступить к выполнению боевой задачи. Я ежедневно ходил на командный пункт, где получал оперативную информацию о ходе операции. За время нахождения сил полка в Баграме душманы дважды предприняли нападение на наш лагерь. Оба нападения были отражены. При этом двое наших военнослужащих получили ранения.

Наконец 1 июня мы получили приказ о вылете. Вертолетам предстояло преодолеть горы высотой более 4500 м, то есть они должны были лететь практически на предельной высоте, на которой разреженный воздух снижает мощность двигателя. Поэтому было решено размещать в вертолетах меньшее чем обычно число десанта. Высадку десанта обеспечивали 48 вертолетов Ми-8 из состава Кундузского вертолетного и Кабульского авиационных полков, в том числе и 6 вертолетов нашей “Файзабадской” эскадрильи.

Здесь может возникнуть вопрос: зачем было перебрасывать силы 860-го полка в Баграм, если из Файзабада до уезда Куран-о-Мунджан гораздо ближе? Дело в том, что между Файзабадом и Куран-о-Мунджаном находились горы высотой до 6500 м и лететь напрямую было невозможно. Лишь

позднее наши вертолетчики нашли проход между горами и стали летать напрямую.

Командир полка подполковник А.Т. Арутюнян ставит боевые задачи перед высадкой десанта в уезде Куран-о-Мунджан. Аэродром Баграм, 1 июня 1982 г.

Следует отметить, что в мае, до начала операции в течение нескольких дней была произведена авиационная разведка районов предстоящих действий, в том числе и района Эвим. Там был обнаружен аэродром, используемый душманами для легких самолетов, прилетавших из Пакистана. Согласно плану операции после нанесения авиацией ракетно-бомбовых ударов по аэродрому и окружавшим его высотам, вертолетами будет произведена высадка десанта так называемым веером, когда вертолеты двигаются и садятся через установленные короткие промежутки времени. Этот способ позволяет быстро высадить достаточное количество войск для захвата плацдарма и уменьшить вероятность уничтожения первой волны десанта.

Я летел во втором вертолете. Пролетая над Панджшерским ущельем мы испытывали сильное напряжение. Ведь нам было неизвестно, в какой мере нашим войскам, наступавшим в

ущелье, удалось подавить мобильную систему ПВО противника.

Вид гор с вертолета при подлете к уезду Куран-о-Мунджан со стороны Джарма

В районе Эвим, где нам предстояло высаживаться, горы обступали аэродром со всех сторон, формируя нечто вроде чаши. Поэтому вертолетчики были вынуждены для приземления очень резко снижаться с высоты 4500-5000 метров, что приводило из-за перепада давления к ухудшению самочувствия у личного состава. У одних появилось головокружение, у других пошла кровь из носа и ушей.

Аэродром был покрыт воронками от бомб, сброшенных нашими самолетами. Первый, ведущий вертолет при посадке на площадке подорвался на mine. Вертолет повредил переднее колесо, но личный состав не пострадал. Со мной сразу же связался командир экипажа ведущего вертолета:

– Командир, не садитесь на площадку, она заминирована. Нужно высаживаться без приземления, зависанием.

Я сразу осознал всю серьезность положения. Оказалось, что душманы нас ждали. На раздумье у меня была всего пара

минут, так как за нами летели 46 вертолетов с личным составом. Высаживаться на заминированной площадке аэродрома было нельзя. К тому же, с гор, находящихся на расстоянии примерно 400 метров от площадки уже начался обстрел подбитого вертолета.

Я присмотрелся к небольшой горной реке, протекавшей чуть ниже площадки, которая заканчивалась крутым обрывом. Между обрывом и рекой виднелась полоса высохшего русла шириной не более 10 метров. Тут же принимаю решение – зависать не над площадкой, а над полосой высохшего русла, где мы были бы укрыты от прямого обстрела. Мой вертолет первым завис на высоте 1,5 м от земли и началась высадка десанта.

Расчет оказался верным. Высадка прошла успешно, без потерь. При планировании операции вертолетчики получили задачу – в случае обстрела противником со стороны гор, сделать круг после высадки десанта и открыть огонь НУРСами (неуправляемыми реактивными снарядами). После зависания вертолетов поднялось большое облако пыли. Душманы обстреливали нас минут 10, но после того, как 47 вертолетов нанесли по скалам удары НУРСами, обстрел на некоторое время прекратился.

Командиры рот доложили мне о благополучной высадке и под прикрытием огня вертолетов начали движение по заранее утвержденным направлениям. Нашей первой задачей было быстро преодолеть простреливаемую открытую площадку аэродрома и зацепиться за скалы, что нам и удалось благополучно осуществить. После высадки сил 860-го полка, вертолеты, совершив второй рейс, произвели высадку афганского батальона. Она также прошла успешно, так как противник не предпринял попыток противодействовать ей. Я доложил об успешной высадке войск генерал-майору Тер-Григорянцу, а затем и командующему ТуркВО генерал-полковнику Максимову.

Нашей следующей задачей стал захват высот. Душманы занимали выгодные позиции на высотах и оказывали ожесточенное сопротивление, обстреливая нас, кроме прочего, из пулеметов ДШК и минометов. Мы, со своей стороны, также применили 4 имевшихся у нас 82 мм миномета. Несмотря на сопротивление противника, нашим опытным подразделениям удалось к вечеру занять несколько высот.

Приближалась ночь и существовала вероятность ночного нападения противника. Я приказал организовать охрану поврежденного вертолета. Среди скал были определены относительно безопасные места для ночевки и выставлено боевое охранение. Мы провели тревожную ночь, во время которой периодически возникали перестрелки.

На следующий день по моей просьбе нам с помощью тяжелого транспортного вертолета Ми 6 доставили из Файзабада гаубицу М-30 и две зенитные установки ЗУ-23 со своими расчетами. Усиление наших огневых возможностей позволило нанести огневое поражение противнику, удерживающему позиции на одной из господствующих высот. После чего разведrote удалось захватить эту высоту. Остальные душманы предпочли покинуть район аэродрома.

Постепенно мы стали расширять захваченный нашими войсками плацдарм. Представители близлежащих кишлаков вышли на контакт с офицерами афганского батальона. Нам стало известно, что в соседних пяти небольших кишлаках находятся отряды душманов, которые в любой момент могут напасть на нас. Выполняя поставленную перед нами задачу по очистке района от душманов, мы приступили к проведению рейдов в соседние кишлаки. Чтобы уберечь личный состав полка от потерь, мы проводили блокирование и проверку кишлаков по уже испытанной схеме, согласно которой проверка кишлаков возлагалась на афганский батальон. Наши войска, успешно преодолевая сопротивление душманов, последовательно очистили кишлаки. В кишлаках нами было захвачено немало стрелкового оружия.

Через несколько дней после нашей высадки командующий 40-й армией генерал-майор Ермаков заявил мне, что наши войска, учитывая значимость занятого нами района, могут остаться там на длительное время, возможно даже и на зиму.

Мы не ожидали подобного поворота событий, будучи уверенными, что после окончания операции вернемся в пункты постоянной дислокации. От местных жителей мы слышали что в этом горном районе суровые зимы. Поэтому после разговора с командующим армией, я со всей серьезностью подошел к вопросу строительства лагеря.

Посоветовавшись, мы решили построить лагерь на расстоянии примерно 200 м от площадки приземления вертолетов. Мы начали строить небольшие казармы, используя подручный материал. Сначала камни собирали, а затем стали добывать их взрывным способом.

Командование 40-й армии приняло решение создать для наших войск месячный запас боеприпасов, горючего и продовольствия, которые доставлялись вертолетами. К этому времени вертолетчики “Файзабадской” эскадрильи, найдя проход в горах, стали регулярно летать к нам напрямую из Файзабада. Привезли также и машину ГАЗ 66 в разобранном виде для перевозки грузов с территории аэродрома к лагерю.

С первых же дней нашего пребывания в районе Эвим нам стало известно, что на расстоянии 5-6 км от нашего лагеря, рядом с крупным кишлаком, находится база хорошо знакомого нам “учебного полка” Гульдода.

От местных жителей мы получили подробную информацию о деятельности Гульдода. На базе его “полка” готовились боевики, которые впоследствии пополняли различные отряды душманов, действовавших в провинции Бадахшан. Кроме того, Гульдод контролировал в уезде Куран-о-Мунджан добычу лазуритов – камней синего цвета, издревле используемых в ювелирном деле. Лазуриты вывозились в Пакистан караванами на верблюдах, либо с помощью легкого

самолета, регулярно прилетавшего на захваченный нами аэродром. Продажа лазурита позволяла Гульдоду покупать в Пакистане оружие и продовольствие. Кроме того, он занимался грабежом местного населения.

После того, как нам удалось очистить ближайшие кишлаки от отрядов душманов, был получен новый приказ: обнаружить и захватить, расположенные в уезде Куран-о-Мунджан лазуритовые рудники. Как нам впоследствии стало известно, Бабрак Кармаль лично обратился к Брежневу с просьбой освободить расположенные в районе Куран-о-Мунджан лазуритовые рудники, которые должны были стать источником дохода для афганского государства.

Для выполнения поставленной командованием задачи нам предстояло прежде всего разгромить силы Гульдода и захватить его базу. Его “полк” считался одним из самых боеспособных вооруженных формирований, действовавших в провинции Бадахшан, а сам Гульдод был одним из самых опытных полевых командиров. В то же время мы располагали не очень большими силами, чтобы провести рейд против сильной группировки душманов. Нам требовалось подкрепление, но мы не могли ослабить наши гарнизоны в Бахараке и Файзабаде. В этой ситуации я вспомнил об исмаилитах.

В уезде Куран-о-Мунджан традиционно проживали исмаилиты, которые являются приверженцами шиитской секты. Примерно за 2 года до описываемых событий в район вошли пуштунские отряды. Исмаилиты оказали им сопротивление, но все же потерпели поражение и были вынуждены покинуть уезд Куран-о-Мунджан. Многие из них обосновались на севере провинции Бадахшан, в кишлаках, расположенных вдоль советской границы. Исмаилиты не вели враждебных действий против советских войск и считались дружественной нам силой. В Файзабаде ко мне несколько раз обращались руководители общин исмаилитов с просьбой

оказать им помощь в вопросе восстановления контроля над уездом Куран-о-Мунджан. Лидеры исмаилитов даже составили список из нескольких сотен мужчин, готовых сразиться с пуштунскими отрядами, если мы поможем им с оружием и доставим вертолетами в район Куран-о-Мунджана. В свое время, еще в Файзабаде, я доложил командарму об исмаилитах и их просьбе. Но в тот период командующий армией посчитал нецелесообразным выполнение просьбы исмаилитов.

Однако, во время проведения Панджшерской операции ситуация изменилась и наши цели совпали. Я обратился к командующему 40-й армии с просьбой доставить к нам на вертолетах 220 исмаилитов, желавших отбить у пуштунов район своего проживания. Предполагалось, что в дальнейшем они должны будут перекрыть проходящие через район Куран-о-Мунджана караванные пути, по которым из Пакистана в Бадахшан и Панджшерское ущелье шли боевики, оружие и боеприпасы.

Получив разрешение командующего 40-й армией, губернатор Бадахшана собрал 220 исмаилитов, которые вертолетами были доставлены к нам в район Куран-о-Мунджан.

Исмаилиты, узнав, что мы планируем рейд на крупный кишлак, в котором находился отряд Гульдода, сразу стали рваться в бой. Их рвение объяснялось тем фактом, что многие из прибывших исмаилитов были родом из того самого кишлака, в который мы собирались идти. Исмаилиты были вооружены трофейным оружием, захваченным нами при зачистке кишлаков.

При проведении рейда мы встретили в кишлаке, занимаемом силами Гульдода, упорное сопротивление. Но здесь хорошо отработали минометчики, расчет нашей гаубицы и вызванные мною вертолеты, которые подавили сопротивление противника. После этого афганский батальон и исмаилиты вошли в кишлак. Гульдоду и на этот раз удалось

уйти. С остатками своего полка он ушел в Пакистан. С нашей стороны было лишь несколько раненых. В кишлаке нам удалось захватить большое количество оружия.

От местных жителей мы узнали, что рудники находятся всего в нескольких километрах от захваченной нами базы Гульдода. Подойдя к рудникам мы обнаружили немногочисленную охрану, часть которой мы уничтожили, а другой удалось уйти. Лазурит на рудниках добывался взрывным методом. Захватив лазуритовые рудники, я доложил об этом командующему 40-й армии генерал-майору Ермакову. Тот спросил:

– Сколько захвачено шахт?

– Четыре.

– А что из себя представляет лазурит?

– Ничего особенного, синий камень. Я привезу, посмотрите.

– Хорошо, я доложу маршалу.

Через несколько минут со мной связывается Соколов:

– Товарищ Арутюнян, организуйте охрану рудников.

Пришлось организовать охрану своими людьми, выделив на каждую шахту по 10 человек. Большинство из прибывших к нам исмаилитов обосновалось в отбитом у Гульдода кишлаке.

Через несколько дней я обратился к командарму с новым предложением:

– Разрешите организовать охрану рудников с помощью исмаилитов, которые хотят остаться Куран-о-Мунджане.

– А ты сможешь их вооружить?

– Да, ведь мы захватили здесь много оружия.

– Ну тогда оставь им оружие и запас продовольствия.

Через пару дней командующий Туркестанским военным округом генерал-полковник Максимов лично поставил мне задачу – сформировать в уезде Куран-о-Мунджан из дружественных нам исмаилитов силы самообороны.

Перед создаваемыми силами самообороны и афганским батальоном, который должен был остаться в уезде, стояли 2 основные задачи:

- перекрыть в районе Куран-о-Мунджан основные маршруты поставки оружия из Пакистана в Бадахшан
- обеспечить охрану лазуритовых рудников.

Нужно сказать, что у исмаилитов было сильное желание остаться на своей земле и довольно высокий боевой дух. Я приступил к формированию сил самообороны. Вначале разделил исмаилитов на взводы и роты, назначил командиров. Кроме того, выделил инструкторов из числа офицеров нашего полка и афганского батальона, которые проводили с исмаилитами занятия по огневой подготовке.

В июле, примерно через месяц после получения задачи, я докладываю Максимуму:

– Товарищ командующий округом. Ваша задача по созданию сил самообороны в уезде Куран-о-Мунджан для защиты лазуритовых рудников выполнена. Созданы два батальона трехротного состава из числа исмаилитов.

– Благодарю вас за службу, товарищ Арутюнян.

– Товарищ командующий, пользуясь случаем хочу вам напомнить, что я служу в Афганистане уже третий год.

– Товарищ Арутюнян, поверьте, мы о вас думаем.

Через некоторое время командующий армией генерал-майор Ермаков приказал мне:

– Товарищ Арутюнян, принято решение оставить в Куран-о-Мунджане афганский батальон, а силы самообороны исмаилитов будут у них в подчинении. Составьте список всего имущества, находящегося в Куран-о-Мунджане, в двух экземплярах. Один экземпляр оставьте себе, а второй вместе с имуществом оставьте афганцам.

Оставлять в Куран-о-Мунджане афганский батальон без советских войск не было смысла. Дело в том, что обеспечение войск в этом труднодоступном горном районе можно было

организовать только по воздуху с помощью вертолетов. В отсутствие советских войск наши вертолеты туда регулярно посылать никто не станет. А афганский батальон без надежного снабжения не сможет долго удерживать приграничный с Пакистаном район. По всей вероятности, решение об оставлении афганского батальона в Куран-о-Мунджане было принято военно-политическим руководством Афганистана с целью сохранения контроля над лазуритовыми рудниками.

Нам было тяжело оставлять афганский батальон. В этой операции они довольно хорошо проявили себя. Афганцы, как и исмаилиты, во время проведения операции не дали нам ни малейшего повода усомниться в их верности.

Они были очень удручены, узнав, что мы должны будем их оставить. Мы приняли решение забрать с собой в Файзабад лишь гаубицу и ГАЗ 66, оставив афганцам трофейное оружие, продовольствие и элементы пункта хозяйственного довольствия.

Перед отъездом в Файзабад я тепло попрощался с офицерами афганского батальона и пообещал поддерживать их чем будет возможно. На что они мне ответили:

– Рафик (что означает товарищ) Арутюнян, мы верим, что вы нас не оставите без поддержки. Поэтому пока вы будете командиром полка, мы останемся здесь. Но если вы уедете из Файзабада, то и мы отсюда уйдем.

После этого я собрал вместе афганских офицеров и командиров-исмаилитов и сказал, чтобы они были братьями и поддерживали друг друга, иначе в Куран-о-Мунджане им не выжить.

Силы 860-го полка на вертолетах были благополучно доставлены в Файзабад. Подводя итоги действиям сил нашего полка в Куран-о-Мунджане, следует отметить, что нам удалось успешно, с минимальными потерями, выполнить все поставленные перед ним сложные и ответственные боевые

задачи. Личный состав 860-го полка в очередной раз показал свою высокую воинскую выучку.

Из офицеров, весьма достойно проявивших себя в Куран-о-Мунджане, в первую очередь я хотел бы отметить начальника штаба полка майора Александр Рябшева, командира 2-го батальона майора Геннадия Баженова и начальника штаба 1-го мсб майора Анатолия Абрамова.

Наиболее отличившиеся офицеры, солдаты и сержанты были представлены мною к высоким правительственным наградам. Позже я узнал, что именно за умелое руководство подразделениями полка в Куран-о-Мунджане, командующий 40-й армией генерал-майор Ермаков Виктор Федорович повторно представил меня к званию Героя Советского Союза.

Следует добавить, что находясь в Куран-о-Мунджане, я узнал о том, что 12 июня 1982 г. мне было досрочно присвоено звание полковника.

Вернувшись в Файзабад, я постоянно интересовался судьбой оставленного в Куран-о-Мунджане афганского батальона. Командир 24-го афганского пехотного полка регулярно обращался ко мне за советами и с просьбами о помощи для оставленного в горах батальона. Мне сообщали, что афганцы постепенно, под разными предлогами, стали покидать свой лагерь в Куран-о-Мунджане. До моего отъезда из Файзабада в ноябре 1982 года часть афганских сил все еще оставались там. Дальнейшая судьба афганских войск и исмаилитов оставшихся в Куран-о-Мунджане мне не известна.

После возвращения в Файзабад из Куран-о-Мунджана личный состав полка нуждался в отдыхе. Других крупных операций до моего отъезда в Союз в ноябре 1982 года наш полк больше не проводил.

Что же касается итогов Панджшерской операции в целом, то следует сказать что она прошла весьма успешно. Несмотря на упорное и умелое сопротивление отрядов противника, руководимых лично Ахмад Шахом, в результате операции

Панджшерское ущелье было полностью занято советскими и правительственными войсками, а крупная группировка мятежников разгромлена. Было захвачено большое количество оружия и боеприпасов.

Эта операция, хорошо подготовленная и грамотно проведенная под руководством генерал-майора Нората Тер-Григорянца, стала одной из самых крупных операций, проведенных советскими войсками в ходе Афганской войны 1979-1989 гг., и одной из самых успешных из проведенных в Панджшерском ущелье против отрядов Ахмад Шаха Масуда.

Волею судьбы мне довелось и после Афганистана послужить с Норатом Григорьевичем Тер-Григорянцем, этим талантливым военачальником и прекрасным человеком. Генерал-лейтенант Тер-Григорянец занимал должность заместителя начальника Главного штаба сухопутных войск – начальника организационно-мобилизационного управления Сухопутных Войск СССР, когда меня назначили на должность военного комиссара Армянской ССР. А после распада Советского Союза, в разгар Карабахской войны, генерал-лейтенант Норат Тер-Григорянец в августе 1992 г. прибыл в Армению и, заняв должность начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил Республики Армения, проделал в 1992-1995 гг. огромную работу по строительству Вооруженных Сил Армении.

Завершение службы в Афганистане

В начале ноября 1982 г. я вылетел в Кабул для участия в Военном совете армии. В штабе армии меня вызвал в свой кабинет командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ермаков. Войдя в кабинет, я увидел там незнакомого мне подполковника. Поздоровавшись, генерал-лейтенант Ермаков сказал:

– Товарищ Арутюнян, прибыл ваш сменщик. Познакомьтесь – это подполковник Рохлин.

Мы познакомились. Затем командующий добавил:

– В твой полк приезжает комиссия из округа для вручения переходящего знамени ЦК Компартии Узбекистана как лучшему полку Туркестанского военного округа. Товарищ Арутюнян, отправляйтесь вместе с подполковником Рохлиным в Файзабад. На месте обсудите с вашими начальниками служб,

что необходимо полку на зиму. Сдайте полк и возвращайтесь к нам на доклад.

Во время инструктажа, Ермаков сказал Рохлину, чтобы тот обратил особое внимание на 1-ый батальон полка, дислоцированный в Бахараке, в отрыве от основных сил полка.

Излишне объяснять, как дорог мне был 860 полк, в котором я прослужил 9 лет и вместе с которым мне пришлось многое пережить. В полку служили грамотные и опытные офицеры, а сам полк имел высокий авторитет, не только в 40-й армии, но и во всем Туркестанском военном округе. Естественно, что я был очень заинтересован в том, чтобы новый командир полка продолжил грамотно руководить полком, установив хорошие отношения с офицерским составом. И я был готов всячески содействовать этому.

В центре стоит командир 2-го батальона майор Б.С. Масловский

Мы полетели с подполковником Рохлиным через Кундуз в Файзабад. По дороге я рассказал Рохлину о положении дел в

полку, специфике несения боевой службы в зоне его ответственности и т.д. Когда мы летели на вертолете из Кундуза в Файзабад, Рохлин неожиданно мне говорит:

– Артур, мы можем связаться с начальником штаба полка?

Я спрашиваю:

– Зачем?

– Я хочу что-то ему сказать.

– Приедем в полк, познакомишься с офицерами, тогда и скажешь.

– Я хочу сейчас сказать.

– Хорошо.

Я попросил летчика, чтобы он через диспетчерскую службу вертолетной эскадрильи связался с полком. Когда нас связали, я сказал:

– С нами летит новый командир полка, подполковник Рохлин. Он хочет поговорить с начальником штаба полка майором Рябшевым.

Рохлин сказал начальнику штаба полка Рябшеву, чтобы для него приготовили полевую форму и сапоги. На аэродроме в Файзабаде нас встретили офицеры полка, в том числе и майор Рябшев. Неожиданно Рохлин говорит, что намерен вместе с начальником штаба полка полететь в Бахарак, чтобы посмотреть на 1-й батальон.

Было 6 часов вечера, начинало темнеть. Я говорю Рохлину:

– Зачем ты собрался в Бахарак на ночь глядя? Сначала познакомься с полком, а потом лети в Бахарак, он не убежит.

Рохлин ответил:

– Командующий приказал, я должен лететь. Могу я взять вертолет?

– Можешь.

Ко мне подошел командир эскадрильи майор Прокудин:

– Товарищ полковник, куда это он собрался лететь? Скажите, что уже темно.

Следует отметить, что согласно распоряжению командующего ВВС 40-й армии, с наступлением темноты полеты вертолетов должны быть прекращены.

Я ответил Прокудину:

– Он назначен командиром полка. Летите.

Они улетели в Бахарак. Я собрал своих заместителей и начальников служб полка.

– Товарищи, прибыл новый командир полка подполковник Рохлин. Пожалуйста, напишите рапорта, я должен сдать полк. Завтра утром рапорта должны быть готовы.

Вертолета все нет. Я связался с Бахаракком:

– Чем занимается новый командир полка?

Мне отвечают:

– Поднял батальон по тревоге.

Они вернулись через 6 часов, к 12 часам ночи. Когда Рохлин вошел, я ему сказал:

– Послушай, ты еще не принял полк, а уже поднимаешь батальон по тревоге.

– Но ведь командующий приказал.

– Командующий не приказывал ночью лететь в Бахарак. Он дал общее указание обратить на 1-ый батальон особое внимание. Так что давай договоримся, когда примешь полк, тогда и будешь делать, все что хочешь.

На следующее утро в полк прибыла комиссия из состава политуправления Туркестанского военного округа. Был построен личный состав. Председатель комиссии вручил мне переходящее Красное знамя ЦК Компартии Узбекистана, которым был награжден наш полк, признанный лучшим в Туркестанском военном округе.

Командир 860-го полка полковник А.Т. Арутюнян с переходящим Красным знаменем ЦК Компартии Узбекистана

Рохлин внимательно изучив рапорта начальников служб, подписал акт приема-сдачи полка. Затем мы вместе поехали в 24 пехотный полк ВС Афганистана, где я познакомил его с командным составом.

За несколько дней до моего отъезда произошел примечательный случай. Мне сообщили, что в полк прибыли старейшины из Файзабада и соседних кишлаков, чтобы попрощаться со мной. Как уже было сказано, я, как командир полка, всегда помогал чем мог местному населению и у нас сложились хорошие отношения со старейшинами. Вдруг один из прибывших говорит, что его послал полевой командир Басир, чтобы передать мне его письмо и подарок.

Прощание с офицерами афганского 24-го пехотного полка

Письмо Басира было примерно следующего содержания: “Мне известно, что ты уезжаешь в Союз. Мы были с тобой врагами. Но наши старейшины уважают тебя. Говорят, что ты много помогаешь населению. Я хотел тебя уничтожить, но не получилось. Ты был достойным противником. Я дарю тебе эту книгу, чтобы ты лучше узнал, какой власти ты служишь. Возвращайся на свою Родину и не забывай Афганистан и его благодарный народ”.

Подарком оказалась книга небольшого размера, напечатанная очень мелким шрифтом. Взяв книгу, я прочел имя автора и название: Александр Солженицын “Архипелаг Гулаг”. Тогда я ничего не слышал об этой книге и не знал, что она запрещена в Союзе. Полученную от Басира книгу Солженицына из-за мелкого шрифта было очень трудно читать. Особист полка, быстро узнав о необычном подарке главаря душманов, попросил ее у меня почитать. Книгу мне он так и не вернул, возможно для моего же блага.

Вечером 7 ноября в нашем командном бункере состоялись мои проводы, в которых кроме офицеров полка также приняли участие губернатор провинции Бадахшан, глава администрации Файзабада и командир 24 афганского полка.

Как полагается в таких случаях, моими боевыми товарищами и гостями в мой адрес было сказано много добрых слов.

А на следующее утро, 8 ноября, я в последний раз построил на плацу личный состав полка и сказал речь, в которой сердечно поблагодарил своих боевых товарищей за совместную службу и пожелал всем живыми вернуться на Родину. Для меня была спета полковая песня “Прогремела слава нашего полка”.

Прощальное фото с офицерами полка перед командирским бункером. Четвертый справа – новый командир полка подполковник Л.Я. Рохлин

Перед тем как ехать на аэродром, я попросил солдата хозяйственного взвода Азата перед отлетом вертолета выпустить моих любимых голубей.

На аэродром меня пришли проводить многие офицеры.

Последние минуты перед расставанием с родным полком. Аэродром Файзабад, 8 ноября 1982 г.

Когда вертолет поднялся в воздух, я попросил летчика сделать над расположением полка три круга. В те минуты, когда я смотрел с вертолета на свой полк в последний раз, меня переполняли смешанные чувства. В тот момент трудно было разобрать, какого чувства было больше – радости от возвращения на Родину, к семье, после трех лет службы в Афганистане, или грусти от сознания того, что я навсегда прощался со своим родным полком. Я начал службу в 860 полку в 1973 г. комбатом, а закончил командиром прославленного на весь Туркестанский военный округ боевого полка. За 9 лет службы я отдал полку много сил и энергии, в нем прошли мои молодые годы. В полку я приобрел много верных, настоящих друзей, дружба с которыми успешно прошла испытание войной. Глядя на родной полк в последний

раз, я чувствовал, что оставляю в горах Бадахшана частицу своего сердца.

В Кабуле, в штабе 40-й армии, нас с Рохлиным ждали командующий ТуркВО генерал-полковник Максимов и командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ермаков. Я доложил командующим:

– Полк сдан. Командир 860 полка полковник Арутюнян.

Рохлин доложил о принятии полка.

После чего Максимов сказал:

– Товарищ Рохлин, вы свободны, но далеко не уходите, а вы, товарищ Арутюнян, оставайтесь.

Когда мы остались втроем, каждый из командующих вручил мне по ценному подарку. И тут Максимов говорит:

– Товарищ Арутюнян, какую награду вы хотите получить за вашу службу.

Я не ожидал подобного вопроса. В тот момент мне было известно, что я был повторно представлен на получение звания Героя Советского Союза. Я ответил:

– С моей стороны было бы нескромно отвечать на этот вопрос.

– Какие ордена вы имеете?

– Орден Красного Знамени.

Командарм Ермаков добавил:

– Товарищ Арутюнян в 1981 г. за умелое командование полком был представлен к званию Героя Советского Союза, но по непонятным мне причинам он не получил его.

Максимов ответил:

– Мне это известно, но из представленных он был одним из самых достойных.

Сразу отмечу, что звание Героя Советского Союза мне и после второго представления не присвоили. Всего через несколько дней, 17 ноября 1982 г. я был награжден орденом Ленина.

Напоследок генерал-полковник Максимов, а за ним генерал-лейтенант Ермаков еще раз поблагодарили меня за службу, обняли и расцеловали. Ермаков добавил:

– Я благодарю вас и от имени Бориса Ивановича Ткача⁵, который, если бы был здесь, то сказал бы больше меня. О вас он мне много рассказывал. Езжайте, вы здесь уже долго служите.

Затем Ермаков позвонил командиру 50-го отдельного смешанного авиационного полка полковнику Павлову.

– К вам летит один из наших героев – полковник Арутюнян. Проводите его достойно.

Мы познакомились с полковником Павловым еще во время Панджшерской операции. Павлов ответил, что за мной заедет офицер полка.

Я попрощался с обоими командующими.

Покинув штаб армии, я направился в расположение 50-го отдельного смешанного авиационного полка. Вечером летчики организовали приличное застолье и, как они умеют, достойно проводили меня. На следующий день на транспортном Ил 76 я полетел в Ташкент. Командир экипажа предложил мне сеть в самый нос самолета, на второй этаж кабины летчиков. Обзор был изумительный, хотя лететь было страшновато.

Посадка самолета напрягла даже больше, чем сам полет. После приземления самолета мы обнялись с летчиками и попрощались. Так я вернулся на Родину.

Впоследствии, мне довелось еще один раз встретиться с Юрием Павловичем Максимовым. В 1985 г. уже генерал

⁵ Борис Иванович Ткач был командующим 40-й армией с сентября 1980 г. по май 1982 г.

армии Максимов, в должности Главнокомандующего войсками Южного стратегического направления, во время инспекционной поездки вместе с командующим Закавказским военным округом генерал-полковником К.А.Кочетовым посетил 147-ую мотострелковую дивизию, дислоцированную в г. Ахалкалаки (Грузинская ССР), в которой я тогда занимал должность заместителя командира дивизии. Во время представления офицеров дивизии Юрий Павлович Максимов сразу узнал меня, тепло поздоровался и удивленно спросил:

– Полковник Арутюнян, вы что, еще занимаете должность заместителя командира дивизии?

– Так точно, товарищ генерал армии.

– А помните, в каком году я предлагал вам возглавить дивизию?

– Помню, в 1982-ом.

Менее чем через год меня назначили военным комиссаром Армянской ССР. Должен признаться, что для меня назначение на эту ответственную должность было весьма неожиданным. Весьма вероятно, что в таком резком повороте в моей карьере определенную роль сыграла встреча с Юрием Павловичем Максимовым, который всегда высоко ценил мою службу в Афганистане.

Заключение

Несмотря на то, что после завершения Афганской войны 1979-1989 гг. прошло более двадцати лет, до сих пор не утихают споры о том, какое значение имела эта война для Советского Союза. А тогда, солдаты и офицеры советских войск, посланные политиками воевать и умирать на земле Афганистана, искренне верили, что выполняя свой воинский долг, они защищают южные рубежи Родины.

И я горжусь, что волею судьбы мне выпала честь служить, а затем почти 3 года командовать полком, который во время последней для великой страны войны, совершил беспримерный для военной истории марш через Памир и достойно сражаясь в горах Бадахшана вписал свою блестящую страницу в Советскую военную летопись.

И если мне и удалось внести свой вклад в эти ратные достижения полка, то только благодаря моим боевым товарищам, однополчанам 860 полка, которые были рядом со мной в эти годы. Я преклоняюсь перед их мужеством, стойкостью и преданностью воинскому долгу.

А свои воспоминания я хочу завершить строками из стихотворения “Память”, написанного Дмитрием Крайновым:

*Прошли года, осталась только память...
Я помню все... Я не смогу забыть.
В моих руках лишь черно-белый глянец...
Я с вами до конца, ребята... Будем жить!*

На вершине горы Санги Дуздан, июнь 1980 г.

Краткая биография генерал-майора Арутюняна Артуша Татевосовича

Арутюнян Артуш Татевосович родился 8 июня 1942 г. в приграничном с Турцией селе Гетк Ахурянского района Армянской ССР в семье крестьянина. А. Арутюнян был 6-м, самым младшим ребенком в семье. Рано, в возрасте 2-х лет остался без отца.

Учился в средней школе села Ахурик Ахурянского района. 10-й класс закончил в средней школе № 44 города Еревана в 1960 г. и после окончания школы в течение года работал токарем на Ереванском компрессорном заводе.

В 1961 г. поступил в Бакинское высшее общевойсковое командное училище, которое окончил в 1965 году и был направлен в распоряжение командующего Туркестанского военного округа.

С сентября 1965 г. по январь 1966 г. – командир мотострелкового взвода 374 мотострелкового полка 78 танковой дивизии.

С января 1966 по ноябрь 1968 г. – командир учебного взвода 372 гв. учебного полка 80 гв. учебной мотострелковой дивизии, а с ноября 1968 г. – командир учебной роты той же дивизии.

С июня 1970 г. – командир роты курсантов Алма-Атинского высшего общевойскового командного училища.

В июле 1973 г. назначается командиром 3-го мотострелкового батальона 860 отдельного мотострелкового Псковского полка 17 армейского корпуса Среднеазиатского военного округа (г. Ош, Киргизская ССР).

В июне 1974 г. поступил на заочное отделение военной академии им. Фрунзе, которую закончил в 1978 г.

В январе 1977 г. был назначен заместителем командира 860 отдельного мотострелкового полка, который в декабре 1979 г. был введен в Афганистан и размещен в провинции Бадахшан. В декабре 1979 г. А. Арутюняну присвоено воинское звание подполковник.

С февраля 1980 г. – исполняющий обязанности командира 860 отдельного мотострелкового полка, а с декабря 1980 по ноябрь 1982 г. – командир того же полка.

В 1982 г. досрочно присвоено воинское звание полковник.

За успешное выполнение заданий высшего командования ВС СССР при вводе полка в Афганистан и за время несения боевой службы в Афганистане А. Арутюнян был награжден: орденом “Ленина”, орденом “Красного Знамени” и орденом “Звезда” III степени Демократической республики Афганистан.

С декабря 1982 по май 1983 – командир 28 гв. мотострелкового полка 10 гв. мотострелковой дивизии 31 армейского корпуса Закавказского военного округа (г. Вале, Грузинская ССР).

С мая 1983 по март 1986 г. – заместитель командира 147 мотострелковой дивизии 31 армейского корпуса Закавказского военного округа (г. Ахалкалаки, Грузинская ССР).

С 1986 по 1991 гг. – военный комиссар Армянской ССР.

В 1989 году постановлением Совета Министров СССР Артушу Арутюняну было присвоено воинское звание генерал-майор.

В декабре 1991 г. после распада Советского Союза и начала Карабахской войны генерал-майор А. Арутюнян назначается первым заместителем Министра обороны Республики Армения.

В 1992-1993 гг. генерал-майор Артуш Арутюнян командовал армянскими войсками соответственно Мардакертского, Гадрутского и Юго-Восточного (Лачинский коридор и Горисский район) оперативных направлений.

За умелое командование войсками, за отвагу и мужество, проявленные при защите Нагорного Карабаха, генерал-майор А. Арутюнян был награжден орденом “Боевой крест” II степени Нагорно-Карабахской Республики, а также другими государственными медалями.

За умелое командование войсками Юго-Восточного направления и успешную организацию обороны Горисского района генерал-майору А. Арутюняну было присвоено звание почетного гражданина города Гориса.

В сентябре 1993 года назначается начальником Главного организационно-мобилизационного управления Главного штаба, заместителем начальника Главного штаба ВС РА.

В 1996 г. генерал-майор А. Арутюнян вновь назначается на должность военного комиссара Республики Армения, на которой он прослужил до 2007 года.

С 2007 по 2012 гг. А. Арутюнян являлся членом Комиссии высшего офицерского состава при Министре обороны Республики Армения.

Умер 4 декабря 2012 г. в г. Ереване. Похоронен в городском Пантеоне Еревана.

Награды

Генерал-майор Артуш Арутюнян награжден:

Орденом “Ленина” Советского Союза

Орденом “Красного Знамени” Советского Союза

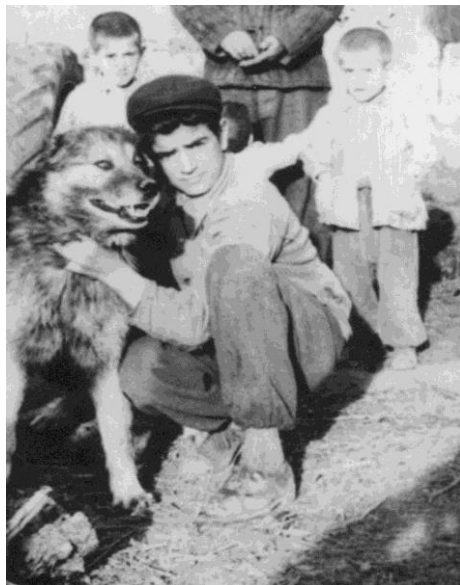
Орденом “Боевой Крест” II степени Нагорно-Карабахской Республики

Орденом “Звезды” III степени Демократической Республики Афганистан

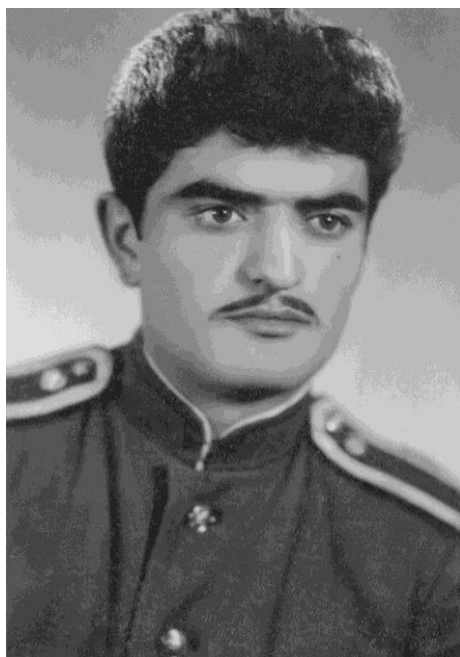
23 государственными медалями разных стран

Увековечение памяти

В честь генерал-майор Артуша Арутюняна названа средняя школа в его родном селе Гетк (Республика Армения).

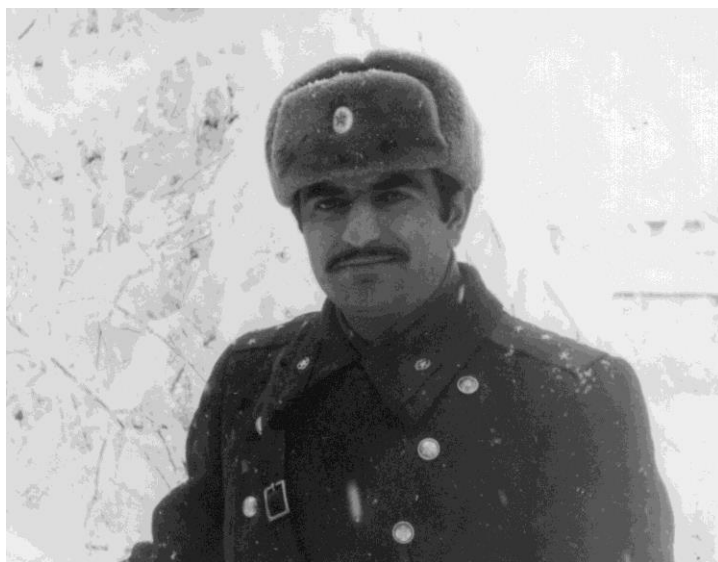
Артуш Арутюнян в родном селе Гетк
Армянской ССР

Курсант Бакинского Высшего
общевоинского командного училища А.
Арутюнян, 1963 г.

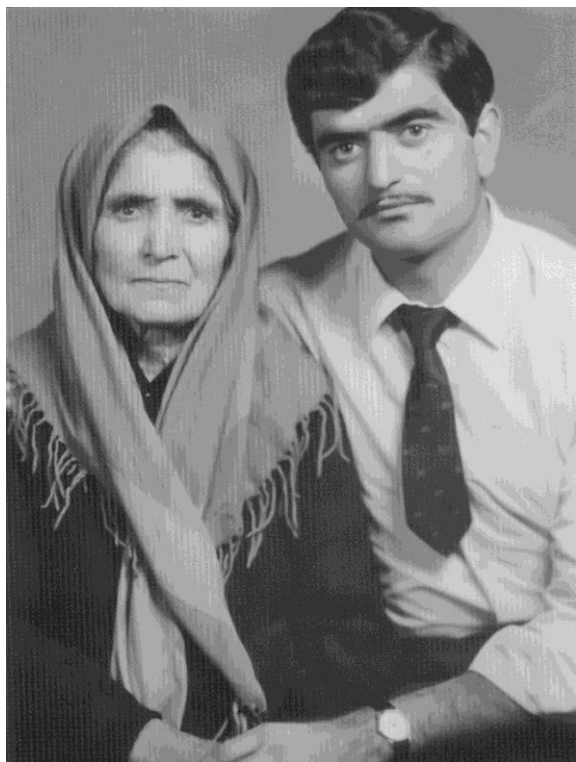
Лейтенант А. Арутюнян с другом
лейтенантом М. Луспикаяном, п. Отар
Казахская ССР

Капитан А. Арутюнян

Капитан А. Арутюнян во время проведения занятий на учебном центре Алма-Атинского ВОКУ, 1972 г.

Артуш Арутюнян с матерью Егине

Командир 28 гв. мотострелкового полка полковник А.Т. Арутюнян во время проведения учений. Грузинская ССР, 1983 г.

Заместитель командира 147 мотострелковой дивизии полковник А.Т. Арутюнян на дивизионном полигоне. г. Ахалкалаки Грузинская ССР, 1984 г.

Военный комиссар Армянской ССР полковник
А.Т. Арутюнян

Военный комиссар Армянской ССР полковник А.Т. Арутюнян во
время проведения парада на площади Ленина, г. Ереван, 1987 г.

Военный комиссар Армянской ССР А.Т. Арутюнян и военный комиссар Грузинской ССР генерал-майор Д.М. Пирцхалаишвили (справа)

Генерал-майор А.Т. Арутюнян и командующий Группой российских войск в Закавказье генерал-майор Ф.М. Реут

Генерал-майор А.Т. Арутюнян

Слева направо – генерал-майор К.Б. Казарян, начальник Группы боевого управления Группы российских войск в Закавказье генерал-майор А.С. Третьяков, генерал-майор А.Т. Арутюнян, командующий российскими пограничными войсками в Армении

В Академии сухопутных войск Греции. Афины, 1995 г.

Генерал-майор В.Н. Варданян и генерал-майор А.Т. Арутюнян во время проведения военного парада на площади Республики, г. Ереван

Генерал-майор А.Т. Арутюнян, генерал-майор С.В. Мирзоян и генерал-полковник Г.А. Далибалтаян. 28 мая, Сардарпат

На банкете по случаю 65-летия А.Т. Арутюняна начальник Главного штаба ВС Республики Армения генерал-полковник С.М. Оганян вручает юбиляру памятное холодное оружие. На заднем плане – начальник аппарата НГШ полковник Э.С. Геворкян. 8 июня 2007 г.

Артуш Арутюнян с женой Армидой Леонидовной и сыновьями Арменом (справа) и Арсеном, 31 декабря 2000 г.

Артуш Арутюнян с внуком Артуром в День независимости Армении, 21 сентября 2006 г.

Полковая песня 860 отдельного мотострелкового полка

Автор слов – капитан Юрий Кузьмичев,
командир роты связи полка

Автор музыки – прапорщик Осаргин

Прогремела слава нашего полка
От Памира и до Бадахшана
Горным перевалом мы пришли сюда
В северную часть Афганистана.

Пусть враги запомнят – нас не запугать,
Мы присягу выполняем свято,
За свою Отчизну сможем постоять,
Нет преград для русского солдата!

Память опалает фронтовая боль,
Славный путь побед лежит за нами,
С честью продолжаем путь фронтовиков,
Выше наше полковое знамя!

Аббревиатуры

ВОКУ – высшее общевойсковое командное училище

мсб – мотострелковый батальон

омсп – отдельный мотострелковый полк

мср – мотострелковая рота

БТР – 60ПБ – бронетранспортер

БМП – боевая машина пехоты

БРДМ – бронированная разведывательно-дозорная машина

САВО – Среднеазиатский военный округ

ТУРКВО – Туркестанский военный округ

н/п – населенный пункт

СРМ – сборно-разборный металлический ангар

ДШК – Дегтярев-Шпагин крупнокалиберный

РПГ – ручной противотанковый гранатомет

ГСМ – горюче-смазочные материалы

НДПА – Народно-демократическая партия Афганистана

пп – пехотный полк

тр – танковая рота

ЗСУ-23-4 – зенитная-самоходная установка

КП – командный пункт

АГС-17 – автоматический гранатомет станковый

ЗУ-23-2 – зенитная установка

ЗПУ-2 – зенитная пулеметная установка

КПП – контрольно-пропускной пункт

РСЗО – реактивная система залпового огня

НУРС – неуправляемый реактивный снаряд

Список использованной литературы

1. Николай Белашов, “Время выбрало нас”, Военный комментатор, №1 2003, Екатеринбург
2. Борис Громов, “Ограниченный контингент”, Москва, 1994
3. Александр Ляховский, “Трагедия и доблесть Афгана”, Москва, 1995
4. Александр Ляховский, Сергей Давитая “Игра в Афганистан”, Москва, 2009
5. Александр Ляховский, Вячеслав Некрасов “Гражданин, политик, воин. Памяти Ахмад Шаха Масуда”, Москва, 2007
6. Архив 40-й армии; доклады маршала Советского Союза С. Л. Соколова министру обороны СССР маршалу Советского Союза Д. Ф. Устинову.

Фотографии и карты

В книге использованы фотографии из личного архива Артуша Арутюняна.

Издатель выражает благодарность за фотографии и карты, предоставленные:

Администрацией сайта Памирский марш, 860omsp.ru – (фотографии на стр. 12, 48, 50, 58, 149, 153)

Сергеем Беликовым – (фотографии на стр. 60, 73)

Валерием Павленко – (фотографии на стр. 72, 127, 128, 130, 131, 160)

Владимиром Поличем – (*Схема движения 860-го полка* на стр. 25)

Владимиром Лисовым – (фотографии на стр. 27)

Сергеем Подъячевым – (фотографии из Альбома С.И. Подъячева, стр. 76, 145, 146, 147, 148, 201)

В книге использована фотография Gustavo Jeronimo – *Перевал Талдык* (стр. 25 внизу), [http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Taldyk_pass_\(3600_m\).jpg?uselang=ru](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Taldyk_pass_(3600_m).jpg?uselang=ru)

В книге использованы *Карта рельефа Афганистана* (стр. 26 вверху) и *Карта провинций Афганистана* (стр. 26 внизу) авторов или правообладателей которых установить не удалось.

Содержание

От автора.....	6
860 отдельный мотострелковый полк	8
Памирский марш.....	15
Военно-политическая обстановка в Афганистане и провинции Бадахшан.....	28
Ввод полка в Афганистан.....	32
Гульхана.....	41
Файзабад.....	52
Специфика ведения боевых действий	68
Операция в Джарме.....	77
Операция в Бахараке	80
Отношения с афганскими властями провинции Бадахшан.....	89
Операция по захвату базы мятежников на горе Санги Дуздан.....	93
Операция “Крест”	113
Передислокация полка	131
Материальное обеспечение полка.....	142
Вертолетчики.....	149
Медицинская служба.....	154
Проверка боевой подготовки полка.....	158
Операция по разгрому банды Наби.....	163
Операции и рейды 1981 г.....	171
Панджшерская операция.....	181
Завершение службы в Афганистане.....	200
Заключение.....	210
Краткая биография Артуша Гатевосовича Арутюняна...	212
Полковая песня 860 отдельного мотострелкового полка.....	227
Аббревиатуры.....	228
Список использованной литературы.....	229
Фотографии и карты.....	230

Артуш Арутюнян

В горах Бадахшана.

Воспоминания командира полка

Редактор Армен Арутюнян

Офсетная печать.

Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная.

14,5 печатных листов.

Отпечатано в типографии издательства “Антарес”.

